

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЭВИД ЗИНДЕЛЛ

НЕВЕРНЕСС

Реквием по Homo Sapiens

Дэвид Зинделл

Невернесс

«Издательство АСТ»

1988

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Зинделл Д.

Невернесс / Д. Зинделл — «Издательство АСТ»,
1988 — (Реквием по Homo Sapiens)

ISBN 978-5-17-144925-4

В будущем, отдаленном от нашего времени на 30000 лет, на планете Ледопад, в единственном ее городе Невернессе, находится Орден Мистических Математиков, разделенный на многочисленные фракции, и одна из них – пилоты. Эти отважные люди, поддерживающие со своими кораблями нейросвязь, путешествуют по Вселенной. Иногда они входят в реальное пространство, иногда – подменяют его пространством математических множеств, позволяющим преодолевать огромные расстояния. Каждый раз это страшный риск, ведь математическое пространство коварно и таит в себе множество угроз – не раз бывало, что корабли, заплутавшие в дереве вероятностей, пропадали без следа. Но бесчисленные загадки необозримого пространства продолжают манить исследователей. Найти легендарную Старую Землю? Разгадать секрет мифической расы, засеявшей жизнью Галактику и спрятавшей свой коллективный разум в черной дыре? Доказать Великую Теорему, позволяющую попасть от одной звезды к другой за единственный прыжок? Для молодых и чистых духом°– невозможного нет!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-144925-4

© Зинделл Д., 1988

© Издательство АСТ, 1988

Содержание

1. Кадеты гибнут	7
2. Пилотская присяга	20
3. Башня Хранителя времени	33
4. Цифровой шторм	42
5. Твердь	52
6. Человеческий образ	69
7. Скульптура Рейнера	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дэвид Зинделл Невернесс

David Zindell
NEVERNESS

© David Zindell, 1988

© Перевод. Н. Виленская, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Посвящается Мелоди

1. Кадеты гибнут

Древние на Старой Земле часто задумывались над происхождением жизни и создали много мифов, объясняющих эту тайну тайн. Была Муму, богиня-мать, проглотившая огромного змея: он размножился в ней, и девять миллиардов его детей, проев ее чрево, вышли на свет и стали тварями земными и морскими. Был Яхве, бог-отец, создавший небо и землю за шесть дней, причем птицы и звери появились на пятый и шестой день. Была богиня плодородия и богиня случая, именуемая Выборочной Мутацией. И так далее, и так далее. Истина же состоит в том, что всю нашу галактику засеяла жизнью некая раса, названная Эльдрией. Происхождение самой Эльдрии неизвестно и, возможно, непознаваемо в принципе, поэтому тайна остается тайной. Хорти Хостхох, Хранитель Времени и Главный Горолог Ордена Мистических Математиков и Других Искателей Несказанного Пламени. «Реквием по хомо сапиенс».

*Надежда безгранична, но не для человека.
Франц Кафка, фабулист Века Холокоста.*

Задолго до того, как мы узнали, что цена мудрости и бессмертия, искомых нами, может оказаться непосильной для нас; когда человек – то, что осталось от человека – все еще походил на ребенка, играющего камешками и ракушками на берегу океана; когда мы стремились разгадать секрет Старшей Эдды¹, я услышал зов звезд и приготовился покинуть город своего рождения и смерти.

Я называю его Невернесс. Основатели нашего Ордена, как рассказывал мне Хранитель Времени, обнаружили участок космоса, где пронизывающие мультиплекс во всех направлениях каналы сплетаются в тугой узел, и решили построить город на ближайшей планете, которую назвали Ледопадом. Поскольку подобные узлы считались крайне редким, а то и вовсе несуществующим явлением – теперь канторы именуют их сгущениями, – наш первый Хранитель Времени объявил, что, если даже они будут странствовать по галактике до скончания времен, более плотного участка им все равно не найти. Никто не знает, сколько миллиардов каналов сходится возле нашего прохладного желтого солнца. Возможно, их число бесконечно. Древние канторы, полагавшие, что их теоремы доказывают невозможность существования бесконечно плотных сгущений, предсказывали, что нашим пилотам никогда не удастся найти подобный топологический объект. Поэтому, когда наш первый Главный Пилот вышел из мультиплекса над маленьким скальным островом, которому суждено было стать колыбелью нашего прекрасного и обреченного города, он назвал его Невернесс в насмешку над неверующими академиками. Канторы, со своей стороны, до сих пор именуют Невернесс Нереальным Городом, но мало кто придает этому значение. Я, Мэллори Рингесс, почитающий своим долгом изложить здесь историю золотого века и величайшего кризиса нашего Ордена, буду следовать традиции пилотов, моих предшественников. Я знал этот город как Невернесс в детстве, в годы своего совсем еще недавнего послушничества; Невернесс – я зову его теперь, под таковым названием он и останется.

На четырнадцатый день ложной зимы 2929 года от основания Города Леопольд Соли, мой дядя и Главный Пилот нашего Ордена, вернулся в город после странствия, которое продолжалось двадцать пять лет – на четыре года дольше, чем я жил на свете. Многие, моя мать и тетя

¹ Старшая Эдда – собрание древнескандинавских саг. Здесь – первоисточник, ключ к истине. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Жюстина в том числе, считали его погибшим, затерявшимся в черных глубинах мультиплекса или испепеленным взрывающимися звездами Экстра. Но наш прославленный Главный Пилот всех надул. На протяжении восьмидесяти дней в городе только об этом и говорили. Когда ложная зима вошла в силу и сугробы стали глубже, я постоянно слышал эти разговоры как в барах и кафе Квартала Пришельцев, так и в башнях Академии. Все утверждали, что скоро объявят поиск. Поиск! Для пилотов-кадетов, которыми мы были тогда – на днях нам предстояло принести пилотскую присягу, – это было волнующее время и даже более того: время беспокойства и мучительного ожидания. Все мы в глубине души мечтали и одновременно побаивались, что скоро от нас потребуют невозможного. Все, что вы прочтете дальше, – это хроника невозможного, повествование о мечте, страхе и боли.

Вечером накануне присяги мы с моим толстым ленивым другом Бардо разработали план нашей – вернее, моей – встречи с Главным Пилотом еще до предстоящей долгой и утомительной церемонии. Шел девяносто четвертый день ложной зимы. За стенами нашего общежития выпал снег, окутав белой пеленой территорию пилотского колледжа. Сквозь замерзшие окна я видел башни Ресы и других колледжей, мерцающие в свете заходящего солнца.

– Но почему ты всегда делаешь то, что не следует? – спросил Бардо, скорбно воззrivшись на меня своими большими карими глазами.

Мне часто казалось, что его большой выпуклый лоб и глубоко посаженные красивые глаза выражают все обаяние его сложного характера и изобретательного ума. Если исключить эти черты, он был урод уродом, с жесткой черной бородой и красным носом-картофелиной. Он сидел на мягком стуле у окна, облаченный в яркие шелковые одежды. На всех десяти толстых пальцах красовались кольца с камнями разного цвета. По рождению он был принцем Летнего Мира – кольца и стул входили в перечень имущества, доставленного из родового поместья, и служили напоминанием о богатстве и славе, которые были бы его уделом, если бы он не отрекся (или не попытался отречься) от мирских удовольствий ради красоты и ужасов мультиплекса. Когда он закрутил свои длинные усы между большим и указательным пальцами, кольца стукнулись друг о друга. – Почему ты хочешь того, чего получить не можешь? Где твой здравый смысл?

– Я хочу встретиться со своим дядей – что в этом плохого? – возразил я, натягивая черную конькобежную камелайку.

– И почему ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

– А почему бы мне этого не делать?

Он со вздохом закатил глаза:

– Ты встретишься с ним завтра – для тебя это недостаточно скоро? Мы принесем присягу, а затем Главный Пилот вручит нам наши кольца – надеюсь. Мы станем пилотами, Мэллори, и сможем делать, что нам в голову взбредет. Этой ночью нам положено курить тоалач или найти себе пару смазливых шлюшек – по паре на брата, я хотел сказать – и трахать их, пока соки не иссякнут.

Бардо по-своему был куда более буйным и непокорным, чем я. На самом деле в ночь перед присягой нам полагалось практиковаться в дзадзене, холлинге и фуигировании – дисциплинах, необходимых для входа в мультиплекс (и выживания в нем).

– В прошлую семидесятидневку, – сказал я, – мать пригласила Соли с Жюстиной на обед. У него не достало учтивости хотя бы ответить на приглашение. Похоже, он со мной знакомиться не жаждет.

– И ты задумал отплатить ему за грубость еще большей грубостью? Ну, пьет он со своими друзьями – все знают, как лорд Соли любит выпить и почему он это делает. Оставь его в покое, паренек.

Я надел ботинки. Они застыли, потому что долго лежали на холоде под окном.

– Идешь ты со мной или нет?

– Иду ли я с тобой? Ничего себе вопрос! – Он рыгнул и погладил живот. – Если Бардо с тобой не пойдет, ты ведь один попрешься? – Как и многие летнемирские принцы, он имел привычку говорить порой о себе в третьем лице. – И что тогда? Случись чего, а виноват будет Бардо.

Я затащил шнурки и сказал:

– Я хочу подружиться с дядей, если удастся, и посмотреть, как он выглядит.

– Да какая разница, как он выглядит?

– Мне есть разница. Сам знаешь.

– Не можешь ты быть его сыном, я тебе сто раз говорил. Ты родился через четыре года после его отлета из Города.

Я слышал, что сходство между мной и Главным Пилотом так велико, что меня можно принять за его брата – или сына. Всю жизнь я страдал от этих разговоров. Моя мать, как твердила молва, была когда-то влюблена в великого Соли. Когда он бросил ее ради тети Жюстины, она якобы отыскала в Квартале Пришельцев похожего на него мужчину и родила от этого мужчины сына. То есть меня. Мэллори-бастарда, как шептали послушники в Борхе у меня за спиной, а некоторые, посмелее, и в лицо говорили. По крайней мере до тех пор, пока Хранитель Времени не обучил меня древним искусствам борьбы и бокса.

– Ну и что, если ты на него похож? Ты его племянник.

– Не по крови.

Я не хотел быть похожим на знаменитого, надменного Главного Пилота. Мне претила мысль, что на мне отпечаток его хромосом. Довольно и того, что я его племянник. Я очень боялся, и Бардо знал об этом, что Соли тайно вернулся в Невернесс и использовал мою мать в собственных эгоистических целях. Или... О других вариантах мне думать не хотелось.

– Разве тебе самому не любопытно? – спросил я. – Главный Пилот возвращается из самого долгого за три тысячелетия существования Ордена путешествия, а тебе не интересно узнать, что он такое открыл?

– Нет. Любопытство, слава богу, не относится к числу моих пороков.

– Говорят, Хранитель Времени объявит поиск на нашем посвящении. Ты и об этом ничего не хочешь знать?

– Если поиск объявят, мы, возможно, погибнем все до одного.

– Кадеты гибнут, – напомнил я.

Это был наш девиз – предостережение, выбитое на мраморной арке при входе в Ресу. Цель его – заставить юных кадетов призадуматься до того, как соваться в мультиплекс, и слова эти – чистая правда.

– «Смерть среди звезд – самая прекрасная смерть», – процитировал я изречение Тихо.

– Чепуха! – Бардо хватил кулаком по подлокотнику кресла. – Двенадцать лет я тебя знаю, и ты по-прежнему чепуху городишь.

– Нельзя жить вечно.

– А я вот хочу попробовать.

– Это был бы настоящий ад. День за днем те же мысли, те же тусклые звезды, те же лица друзей, говорящих и делающих одно и то же, необоримая апатия, гнездящаяся в тех же закослелых мозгах, вечность никчемной, полной страданий жизни.

Бардо замотал головой так, что капли пота полетели со лба.

– Другая женщина каждую ночь – а то и три женщины. Мальчики или инопланетные куртизанки для разнообразия. Тридцать тысяч планет Цивилизованных Миров, из которых я видел только пятьдесят. Слышал я, что говорят о Главном Пилоте и его поиске. Тайна жизни! Хочешь ты ее знать, тайну жизни? Бардо скажет тебе, в чем она. Не в количестве отпущенного нам времени, вопреки тому, что я только что сказал. Секрет не в количестве и даже не в качестве, а в разнообразии.

Я, как обычно, дал ему волю, и он сам себя загнал в западню.

– Разнообразие баров в Квартале Пришельцев почти безгранично. Ну так как, идешь?

– Чтоб тебе пусто было, Мэллори! Ясное дело, иду!

Я надел конькобежные перчатки и прицепил коньки. По крепкому полу из красного дерева я двинулся к двери. Коньки оставляли вмятины на фравашийском ковре. Бардо разглаживал ковер шлепанцами, ворча:

– У тебя нет никакого уважения к искусству. – Он тоже надел коньки и застегнул свой черный шегшеевый плащ золотой цепью у горла. – Варвар! – Он открыл дверь, и мы выкатились на улицу.

Мы ехали между Утренними Башнями Ресы, пригнувшись, размахивая руками и механически постукивая коньками по гладкому красному льду. Холодный ветер в лицо был даже приятен. В мгновение ока мы оставили позади гранитные и базальтовые башни колледжа высшей ступени, Уплисы, проехали сквозь мраморную колоннаду западных ворот Академии, и вот город – перед нами.

Он мерцает, мой город, он светится. Невернесс называют самым красивым городом в Цивилизованных Мирах, красивее даже, чем Парпаллекс или Кафедральные города Веспера. На западе, вдаваясь в зеленое море, как расшитый драгоценностями рукав, поблескивают черными зеркалами хрупкие обсидиановые монастыри и хосписы Квартала Пришельцев. Прямо перед нами пенится Зунд, разбиваясь об утесы Северного Берега, и над всем городом высятся блистающие снегом и льдом, пронизанные пурпурными жилами пирамиды Вааскеля и Аттакеля. Ниже полукольца давно погасших вулканов (крайняя и южная вершина, Уркель пониже прочих, но его коническая симметрия почти безупречна) блестят в ярком свете ложной зимы башни и шпили Академии, заставляя искриться весь Старый Город. Наши улицы, как всем известно, покрыты разноцветным льдом, так что белое сияние перемежается оранжевым, зеленым и голубым. «Странны улицы в этом городе боли», – любит цитировать Хранитель Времени, однако эта странность преследует определенную цель. Улицы – точнее, глиссады и ледянки – не имеют названий. Так повелось с тех пор, как первый Хранитель Времени объявил, что юные послушники должны готовить свой ум к каналам мультимедиа, запоминая улицы нашего Города. Понимая, что Город неизбежно будет расти и меняться, он разработал план, позволяющий даже долго отсутствовавшим пилотам без труда находить дорогу. План этот как будто прост. У нас есть две главные улицы: Продольная, которая вьется от Западного Берега вдоль всего длинного рукава полуострова к подножию Аттакеля и Вааскеля, и Поперечная, ведущая от Крышечных Полей прямо к Зунду. Оранжевые ледянки пересекают Поперечную, зеленые глиссады – Продольную. Пурпурные дорожки вливаются в глиссады, красные – в ледянки. Не стану запутывать ситуацию, упоминая о двух желтых улицах Пилотского Квартала, однако они существуют. Никто не знает, откуда они взялись – не иначе как первый Хранитель Времени решил пошутить.

Перекресток, расчерченный оранжево-белой клеткой, вывел нас на Поперечную примерно в миле западнее Академии. На улице толклись хариджаны², червячники и прочие пришельцы. На ходу мы кланялись эсхатологам, цефикам, акашикам, горологам и другим специалистам и академикам нашего Ордена. Пилоты нам не встречались. (Хотя мы, пилоты, как бы иные этого ни оспаривали, представляем собой душу Ордена, мы уступаем числом скраерам, холистам, историкам, мнемоникам, экологам, программистам, неологикам и канторам. В нашем Ордене сто восемнадцать дисциплин, и каждый год к ним прибавляются новые, как будто этих мало.) От двух Подруг Человека шел экзотический запах – они беседовали, поднося хоботы и осыпая друг дружку своими пахучими речевыми молекулами. Рядом с нами катился богато одетый алалой – вернее, человек, преобразовавший свое тело под мощного, мускули-

² Хариджан в старой Индии – неприкасаемый.

стого, волосатого алалая. Это возвращение к первобытным формам не выходит у нас из моды с тех самых пор, как знаменитый Гошеван с планеты Летний Мир, устав от своей цивилизованной оболочки, ушел жить в алалойские пещеры на островах к западу от Города. Лжеалалой, несущий на себе слишком много пурпурного бархата и золота, отпихнул с дороги тщедушного хариджана, рывкнув ему: «Ну ты, пришелец, смотри, куда прешь!» Растерянный хариджан, споткнувшись, осенил свой потный лоб знаком мира и шмыгнул в толпу, как побитая собака.

Бардо, посмотрев на меня, печально покачал головой. Он всегда питал странную симпатию к хариджанам и прочим бездомным пилигримам, прибывающим в наш Город ради духовного обогащения (а слишком часто и материального). Подкатившись поближе к варвару-алалою, мой друг мастерски сделал подножку, сталь звякнула о сталь, и алалой растянулся во весь рост. «Прошу прощения!» – со смехом бросил ему Бардо, а потом схватил меня за руку и потащил сквозь толчею конькобежцев, спешивших на ужин в свои излюбленные кафе. Я оглянулся, но пострадавший алалой уже скрылся из виду.

– На Летнем Море, – сказал Бардо между двумя глотками воздуха, – мы клеймим таких каленым железом.

Мы свернули в Квартал Пришельцев, на улицу Десяти Тысяч Баров. Я говорил, что улицы Невернесса не имеют названий, но это не совсем так. Они не имеют официальных названий, которые значатся на уличных табличках, – но многие, особенно в Квартале Пришельцев, различаются по своим характерным особенностям. Есть улица Резчиков и Расщепителей, улица Публичных Девочек и улица Мастер-Куртизанок. Улица Десяти Тысяч Баров – скорее район, чем улица. Это целый лабиринт красных дорожек с крошечными барами самой узкой специализации. В одном подают только тоалач, в другом – сулку, препарат из шишковидной железы птицы талло, вызывающий галлюцинации в малых дозах и грозящий смертью в больших. В одни бары ходят только Подруги Человека, другие открыты для всех, кто пишет хайку (но только самумские хайку) или играет на шакухачи. Есть бар, где эсхатологи спорят, скоро ли продолжающийся взрываться Экстр уничтожит последние из Цивилизованных Миров, а рядом помещается бар тихистов, которые верят, что вселенная зиждется на элементе случайности, а посему некоторые миры, по всей вероятности, уцелеют. Не знаю, сколько этих баров всего – действительно десять тысяч или намного больше. Бардо часто шутит, что любой бар, который можно себе представить, наверняка уже существует. Он уверяет, что где-то есть бар, где фраваша критикуют мятущуюся поэзию Веков Роения, и другой, где критикуют самих критиков. Почему бы, собственно, и нет? А где-то есть и такой, где обсуждается все происходящее в остальных барах.

Мы остановились перед черным, без окон баром для мастер-пилотов – или, следовало бы сказать, баром для мастер-пилотов, вернувшихся из мультиплекса *недавно*. Солнце уже село, и ветер яростно гнал снег по темной ледяной дорожке. В тусклом свете уличных фонарей – когда он пробивался сквозь снежные завихрения – лед казался застывшей кровью.

– Экое скверное место. – Зычный голос Бардо отражался эхом от каменных стен. – Есть предложение. Я сегодня добрый и хочу купить тебе мастер-куртизанку на всю ночь. До сих пор ты не мог себе такого позволить, верно? Клянусь Богом, это ни с чем не...

– Нет, – отрезал я и открыл тяжелую дверь – обсидиановую и такую гладкую, что она казалась сальной на ощупь. Поначалу крохотное помещение показалось мне пустым. Потом я разглядел у темной стойки двух мужчин. И тот, что пониже, сказал:

– Пожалуйста, закройте дверь – холодно.

Мы вошли в бар, слабо освещаемый огнем в мраморном очаге.

– Мэллори, Бардо, – сказал тот же человек, – что вы здесь делаете?

Мои глаза уже привыкли к тусклому оранжевому свету, и я узнал мастер-пилота Лионела Киллиранда. Устремив на меня пристальный взгляд, он вопросительно вздернул свои белесые брови.

– Соли, – сказал он высокому человеку рядом, – позволь представить тебе твоего племянника.

Высокий повернулся к свету, и я увидел своего дядю Леопольда Соли, Главного Пилота нашего Ордена. Я словно в зеркало смотрел.

Соли уставился на меня беспокойными, глубоко посаженными голубыми глазами, и мне не нравилось то, что я в этих глазах видел. Мне вспомнились рассказы тетки: Соли славился бурными непредсказуемыми приступами ярости. Нос у него, как и у меня, был длинный и широкий, рот большой, с твердой линией губ. Худощавое тело от длинной шеи до коньков было одето в плотную черную шерсть. Казалось, он разглядывает меня с не меньшим любопытством, чем я его. Я смотрел на его волосы, а он на мои. У него они были стянуты позади в длинный хвост серебряной цепочкой по обычаю его родной планеты, Самума. В их волнистой черноте пробивались рыжие нити – генетическая метка какого-то давнего Соли, подправившего свои хромосомы. У меня, слава богу, волосы густо-черные, без всякой рыжины. Я смотрел на него, он на меня, и в тысячный раз гадал, откуда взялись мои гены.

– Сын Мойры. – Имя моей матери он произнес как ругательство. – А ведь тебе не полагается здесь быть, правильно?

– Я хотел познакомиться с вами. Мать мне всю жизнь о вас рассказывала.

– Твоя мать меня ненавидит.

Наступило долгое молчание, которое нарушил Бардо, осведомившись:

– А где же бармен?

Бармен, послушник с тонзурой, прикрытой белым шерстяным клобуком Борхи, приоткрыл служебную дверь за стойкой и сказал:

– Это бар для мастер-пилотов. Кадеты пьют в кадетском баре, через пять домов на этой же дорожке по направлению к Музыкальной улице.

– Кадеты не спрашивают у послушников, что им следует делать, – отпарировал Бардо. – Поддай мне трубку с тоалачем, а моему другу кофе – летнемирский, если он у вас есть, фарфарский, если нет.

Послушник, пожав тощими плечами, отвечал:

– Мастер-пилоты не курят тоалач в этом баре.

– Тогда налей мне стопку жидкого тоалача.

– У нас не подают ни тоалач, ни кофе.

– Тогда аморгеник. Покрепче, чтоб гормоны заиграли. Нам предстоит деловая ночь.

Соли взял рюмку с какой-то дымчатой жидкостью и отпил глоток. В очаге позади нас треснуло и рассыпалось полено, брызнув углями и пеплом на плиточный пол.

– Мы пьем спиртное или пиво, – сказал Главный Пилот.

– Варварство какое, – буркнул Бардо и добавил: – Ладно. Мне пива.

– А как называется ваш напиток? – спросил я своего долговязого дядюшку.

– Виски.

– Мне тоже виски, – сказал я послушнику. Он наполнил большую кружку пенным пивом, а бокал поменьше – янтарным виски и поставил напитки перед нами на стойку розового дерева.

Я глотнул и закашлялся, а Бардо, уже выхлебавший свое пиво, спросил:

– Каково это на вкус? – Я дал ему попробовать. Он тоже закашлялся, когда огонь обжег ему горло, и заявил: – Собачья моча!

Соли улыбнулся Лионелу и спросил меня:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать один, Главный Пилот. Завтра, когда мы принесем присягу, я стану самым молодым пилотом за всю историю Ордена. Не подумайте только, что я хвастаюсь.

– А как же еще тебя понимать? – сказал Лионел.

Мы поговорили немного о происхождении таких колоссальных и загадочных явлений, как Кремниевый Бог и Твердь, и о прочих вещах, обычных для пилотов. Соли рассказал нам о своем путешествии к центру галактики, о плотных скоплениях горячих молодых звезд и об огромном кольцевом мире, который какое-то божество или кто-то еще соорудил вокруг Бетти Люс. Лионел утверждал, что колоссальные и зачастую неразумные галактоиды (он не любил слово «боги») организованы по иным принципам – не так, как наше убогое серое вещество: как бы иначе отдельные их доли – порой равные по величине лунам – могли поддерживать между собой связь через множество световых лет? Это был старый аргумент, часто используемый в ожесточенных спорах между пилотами и специалистами нашего Ордена. Лионел наряду со многими эсхатологами, программистами и механиками полагал, что галактоиды обрабатывают информацию посредством тахионных потоков, то есть почти мгновенно. Он считал, что мы должны попытаться наладить контакт с этими существами, хотя это чревато многими опасностями и может однажды вынудить Орден изменить свою политику вопреки убеждениям более консервативных пилотов старшего поколения – таких, как Соли.

– Кто может постигнуть разум, охватывающий тысячу кубических светолет космоса? – возразил Соли. – И кто знает, что такое тахионы? Возможно, галактоиды мыслят медленно, очень медленно.

Его самого происхождение и техника богов интересовали мало. В этом он был таким же занудой, как Хранитель Времени, и, как Хранитель, полагал, что некоторые вещи человеку знать не положено. Он прочел нам наизусть длинный список пилотов, в том числе и Тихо, которые погибли, пытаясь проникнуть в тайну Тверди.

– Они вышли за рамки своих возможностей, – сказал он. – Им следовало бы вовремя остановиться. – Я улыбнулся, услышав такие слова от человека, забравшегося дальше, чем кто-либо другой, от знаменитого пилота, чье открытие в скором времени вызвало кризис нашего Ордена.

Нам кружило голову то, что мы говорим с мастер-пилотами на равных – как будто мы уже давно принесли присягу и достойно проявили себя в мультиплексе. Я выпил свое виски, набрался смелости и спросил:

– Я слышал, скоро будет поиск. Это верно?

Соли заметно рассердился. Он производил впечатление угрюмого человека, и его зеленовато-голубые глаза смотрели печально и отрешенно – их взгляд говорил о ледяных туманах, бессонных ночах и припадках безумия. Его лицо, молодое и гладкое, как у меня, совсем еще недавно было старым и морщинистым. Личное время пилота в мультиплексе порой относится к невернесскому, как три к одному. Если бы я обладал мастерством цефика, то мог бы разглядеть старое лицо Соли под его новой, гладкой оливковой кожей – так некоторые видят черные увядшие лепестки на месте распутившегося огнецветы или голый череп под розовым личиком новорожденного. Один мастер-горолог, в чьи обязанности входило вычислять, сколько личного времени прожил пилот в космосе, с помощью сложных формул, где эйнштейново искажение времени сопрягается с непредсказуемыми возмущениями мультиплекса, сказал мне, что Соли в своем последнем путешествии состарился на сто три года и умер бы, если бы не искусство Главного Цефика. Это делало моего дядю, который подвергался омоложению трижды, старейшим пилотом нашего Ордена.

– Расскажите нам о своем открытии, – попросил я. Ходили нелепые слухи о том, что он достиг ядра галактики – единственный со времен Тихо, который вернулся назад полубезумным.

Он сделал длинный глоток, не переставая смотреть на меня сквозь клариевый бокал. Сырые дрова шипели, и с улицы доносился гул замбони, который, висая над дорожкой, пускал пар, разглаживая лед для завтрашних конькобежцев.

– Вот оно, нетерпение юности, – сказал Соли. – Ты приходишь сюда, не задумываясь о том, что пилоту хочется отдохнуть и побыть с друзьями. В этом ты похож на свою мать. Но раз ты уж дал себе такой труд и пострадал от шотландского виски, ты узнаешь, что со мной случилось, если действительно хочешь это знать.

Нормальный человек сказал бы попросту: «Я расскажу тебе, что со мной случилось», – но Соли, как и большинство выходцев с планеты мистиков Самум, соблюдал своеобразное табу относительно местоимения «я».

– Расскажите, – поддержал меня Бардо.

– Расскажите, – сказал я с той особой смесью поклонения и страха, которую испытывают кадеты к старым пилотам.

– Вот как это было. С моего отлета из Города прошло уже много времени. Мы, погруженные в сон-время, шли от окна к окну в направлении ядра. Звезды там многочисленны и сияют, как огни Квартала Пришельцев, – целый веер огней, но в точке крепления этого веера царит полная чернота. В белом свете сон-времени – вы, молодые пилоты, видите в нем только остановленное мгновение, и вам еще многому предстоит учиться – внезапно возникло прояснение и послышались голоса. Мой корабль сообщил мне, что получен сигнал при пересечении одного из биллиона лазерных лучей, исходящих из черной точки сингулярности. – Соли неожиданно стукнул пустым бокалом по стойке, и его голос поднялся на целую октаву. – Да, так мне и было сказано! Из нее! Это невозможно, но это правда. Биллион инфракрасных лучей, исходящий из черной гравитационной пасти. Плесни мне, пожалуйста, еще виски, – добавил он, обращаясь к послушнику.

– А дальше?

– Дальше голоса. Корабельный компьютер, принимая полтриллиона битов в секунду, переводил информацию лазерных лучей в голоса. Голоса утверждали, что они – будем называть их Эльдрией... Знаком вам этот термин?

– Нет, Главный Пилот.

– Так эсхатологи именуют расу, засеявшую галактику своей ДНК.

– Мифическую расу.

– Теперь она перестала быть мифической. Они – многие отказываются в это верить – поместили свой коллективный разум, свое сознание, в черную дыру.

– В черную дыру?! – повторил Бардо, теребя свои усы.

Я вглядывался в Соли, стараясь понять, не разыгрывает ли он нас. Я ему не верил. На его руках не было перчаток. Этот надменный человек, видимо, не боялся инфекции или того, что враги могут воспользоваться его клетками. Костяшки пальцев, охватывающих бокал, побелели, черный алмаз пилотского кольца врезался в кожу мизинца.

– Это было послание, – сказал он. – Белый свет сон-времени кристаллизовался, настали тишина и ясность, а затем прозвучало послание. «У человека есть надежда, – сказали они. – Запомни: секрет человеческого бессмертия лежит в вашем прошлом и в вашем будущем». Так они сказали. Мы должны найти этот секрет. Если мы будем искать, то разгадаем тайну жизни и спасемся – так сказали мне Эльдриа.

Он, наверное, понимал, что мы ему не верим. Я кивал, как дурак, а Бардо не отрывал глаз от стойки, как будто завитушки розового дерева представляли для него особый интерес. Он обмакнул палец в пивную пену, сунул его в рот и громко чмокнул.

– Глупые юнцы, – сказал Соли и добавил, что Эльдриа, зная цинизм и безверие человеческой натуры, позаботились о подтверждении, предсказав последовательность сверхновых, долженствующих взорваться в Экстре.

– Разве это возможно – предсказать случайный процесс? – спросил я.

– А разве звезды в Экстре взрываются спонтанно? – спросил, в свою очередь, Лионел.

– Ну разумеется, – ответил Бардо.

По правде сказать, никто не знал по-настоящему, что происходит в Экстре. И что такое сам Экстр. Отдельный участок галактики, расширяющийся во всех направлениях? Или совокупность нескольких таких участков, спонтанных карманов адского пламени, вспыхивающих один за другим и связанных непостижимым для наших астрономов образом? Никто этого не ведал, и никто не знал, скоро ли взорвется маленькое солнце Ледопада вместе со всеми остальными звездами, положив конец разнообразным эсхатологическим прогнозам.

– Откуда вы знаете, что мы вообще что-то знаем? – осведомился Соли, глотнув виски. – Откуда известно, что моя память – реальность, а не галлюцинация, как утверждают некоторые дураки? Да, ты сомневаешься в моей истории, и ничто не докажет тебе ее правдивость, хотя ты и доводишься Жюстине племянником. Но вот что сказал мне Главный Акашик³: он сказал, что блок аудиозаписи чист. Корабль подавал информацию непосредственно на мой слуховой нерв. По-твоему, мой корабль тоже галлюцинировал?

– Нет, Главный Пилот. – Я начинал ему верить. На авторитет акашиков я полагаюсь полностью. Каких-нибудь полгода назад, завершив свое первое самостоятельное путешествие по мультиплексу, я сам предстал перед ними в студеной день глубокой зимы. Я помню, как сидел в затемненном кабинете Главного Акашика в шлеме депрограммирующего компьютера на голове, потел и ждал, когда подтвердится истинность моей памяти и моих маршрутов. У меня не было причин для страха, и все-таки я боялся. (Когда-то, во времена Тихо, мой страх был бы оправдан. Громоздкие старинные шлемы запускали протеиновые волокна сквозь череп испытуемого в мозг. Истое варварство! Современные шлемы – как утверждают акашики – моделируют коммуникации синапсов мозга голографически, «считывая» таким образом память и личные функции. Предполагается, что этот метод совершенно безопасен.)

Бардо громко пукнул (это часто случалось с ним, когда он нервничал или трусил) и спросил:

– И вы полагаете, что целью предстоящего поиска будет эта... тайна Эльдрии, не так ли, Главный Пилот?

– Эсхатологи называли эту тайну Старшей Эддой, – сказал Соли, отступив подальше от Бардо. – И поиск действительно будет объявлен. Завтра, во время нашего посвящения, Хранитель Времени огласит свою волю.

Я поверил ему окончательно. Мой дядя, Главный Пилот, сказал, что будет поиск, и мое сердце забилося где-то в горле, словно судьба постучалась кулаком в двери моей души. В мозгу возникли самые дикие мечты и планы.

– Если бы нам удалось доказать Гипотезу Континуума, – выпалил я, – поиск завершился бы успешно и мы нашли бы вашу Старшую Эдду.

– Не называйте ее моей, – сказал Соли.

Должен признаться, я не понимал Главного Пилота. То он заявляет, что некоторые вещи человеку знать не положено, то с явной гордостью стремится проникнуть в величайшую тайну. А в следующий момент хмурится и сожалеет о своем открытии. Очень уж сложный он человек – я знал только одного, кто превосходил его сложностью характера.

– Мэллори хотел только сказать, – вставил Бардо, – что он, как и все мы, воздаст должное усилиям, которые вы затратили, стараясь доказать Великую Теорему.

Я имел в виду совсем не это.

Соли посмотрел на меня пристально и сказал:

– Кто не мечтал доказать Гипотезу Континуума.

Гипотеза Континуума (иначе Великая Теорема) – это недоказанное следствие теоремы фокусов Лави. Она гласит, что между любыми двумя точками входа дискретных множеств Лави существует взаимнооднозначное соответствие. Проще говоря, от одной звезды к другой

³ Акаша – в индийской философии эфир, где записывается все когда-либо происходившее в мире.

можно попасть за один-единственный ход. Это величайшая проблема мультиплекса и нашего Ордена. Когда-то Соли, будучи ненамного старше меня, чуть было не доказал Гипотезу, но отвлекся, поспорив о чем-то с Жюстиной, и забыл (как уверял он) изящный ход своей мысли. Воспоминание об этом не давало ему покоя, и он накачивался своим ядовитым виски, стремясь к забвению. (Голова у пилотов, как часто напоминал мне Бардо, лучше всего работает в молодости. Затем мозговые клетки начинают отмирать, а омоложение, которому мы все периодически подвергаемся, в этом отношении несовершенно. С возрастом мы постепенно глупеем – отсюда виски, туалач или публичные женщины.)

– Возможно, Гипотеза Континуума вообще недоказуема, – продолжил Соли, крутя на стойке свой пустой бокал.

– Вы в ней разочаровались, я знаю.

– Ты тоже разочаруешься, если будешь стремиться к недостижимому.

– Простите меня, Главный Пилот, но разве мы можем знать заранее, что достижимо, а что нет?

– Мы начинаем понимать это с годами, когда становимся умнее.

Я пнул носком ботинка металлическую окантовку стойки, и медь глухо зазвенела.

– Я, конечно, молод, но не хотел бы показаться...

– Опять ты хвастаешься, – вмешался Лионел.

– Я считаю, что Гипотеза доказуема, и намерен доказать ее.

– Ради знания или ради славы? – спросил Соли. – Я слышал, ты сам не прочь стать Главным Пилотом.

– Каждый кадет мечтает когда-нибудь стать Главным Пилотом.

– Юношеские мечты для взрослого мужчины часто оборачиваются кошмаром.

Я снова задел ногой окантовку – нечаянно.

– Я уже не юноша, Главный Пилот. Завтра я дам обет, обязывающий меня искать истину, – разве вы забыли?

– Кто, я? – В запальчивости он нарушил свое табу, произнес запретное местоимение, и поморщился. – Запомни, мой мальчик: я ничего не забываю.

Слово «ничего» повисло в воздухе вместе с гулом потревоженной меди. Соли уставился на меня, а я на него. Потом с улицы донесся чей-то смех, слишком громкий, и дверь бара распахнулась. Трое высоких, кряжистых мужчин, все с бледно-желтыми волосами, висячими усами, в легких черных шубах, припорошенных снегом, отстегнули коньки и ввалились внутрь. Они обменялись рукопожатиями с Соли и Лионелом. Самый большой из них, мастер-пилот, терроризировавший Бардо все наши послушнические годы в Борхе, заказал три кружки кваса.

– Ну и холодина же на улице, – сказал он.

Бардо, нагнувшись ко мне, прошептал:

– Мне кажется, пора сматываться.

Я потряс головой.

Трое мастер-пилотов – их звали Нейт, Сет и Томот, и они были братьями – повернулись к нам спиной, делая вид, что нас не знают.

– Я оплачу тебе шесть ночей с мастер-куртизанкой, – настаивал Бардо.

Послушник принес три кружки с дымящимся черным напитком. Томот подошел поближе к огню и отряхнул шубу от снега. Глаза у него, как у многих пилотов, ослепших от старости, были блестящие, искусственные. Он только что вернулся с окраины Экстра.

– Твои Эльдрия были правы, дружище, – сказал он Соли. – Двойная Галливар и Сериза Люс взорвались. От них ничего не осталось, кроме пыли и света.

– Пыль и свет, – повторил его брат Нейт, обжег себе рот горячим квасом и выругался.

– Пыль и свет, – подхватил Сет. – Содервальд с двадцатью миллионами жителей попал в смерч радиоактивной пыли и света. Мы попытались эвакуировать их, но опоздали.

Солнцем Содервальда была Энола Люс, ближайшая к Двойной Галливары звезда. Сет сказал, что сверхновая сожгла поверхность Содервальда, уничтожила на планете всю жизнь, кроме земляных червей. Маленький пилотский бар вдруг показался мне удушающе тесным. Я вспомнил, что Содервальд – родная планета братьев.

– За нашу мать, – сказал Сет, чокнувшись с Соли, Лионелом и своими братьями.

– За нашего отца, – сказал Томот.

– Freyd, – завершил Нейт, едва заметно склонив голову, – быть может, это была просто игра пламени в очаге? – За Юлет и Элат.

– Пошли, – сказал я Бардо.

Мы приготовились уйти, но тут Нейт, рыдая, припал к Томоту, а тот, поддерживая брата, повернулся в нашу сторону и устремил на нас свои мерцающие глаза.

– А это еще что такое?

– Что эти кадеты делают в нашем баре? – подхватил Сет.

Нейт отвел мокрые волосы от заплаканных глаз и заявил:

– Бог мой, да это же бастард со своим толстым дружком – как, бишь, его звать? Бурпо? Лардо?

– Бардо, – сказал Бардо.

– Они как раз собрались уходить, – сказал Соли.

Мне вдруг расхотелось уходить. Во рту пересохло, и на глаза изнутри что-то давило.

– Какой там Бардо, – сказал Нейт. – В Борхе его звали Ссыкун Лал, потому что он каждую ночь ссал в постель.

Это была правда. При рождении Бардо получил имя Пешевал Лал. Первое время в Городе это был тощий, запуганный, тоскующий по дому мальчишка, который читал романтические стихи и по ночам мочился в постель. Одна половина послушников и мастеров звала его Бардо от слова «бард», а другая – Ссыкун. Но когда он стал заниматься тяжелой атлетикой, проводить ночи с женщинами и орошать постель жидкостью другого рода, мало кто осмеливался называть его иначе чем Бардо.

– Ладно. – Томот хлопнул в ладоши, подзывая послушника. – Пусть Бастард и Ссыкун выпьют с нами перед уходом.

Послушник налил им. Бардо посмотрел на меня. Не знаю, слышал ли он, как пульсирует кровь у меня в висках, видел ли выступившие у меня на глазах слезы.

– Freyd, – сказал Томот. – За погибших на Содервальде.

Я боялся, что сейчас заплачу от стыда и ярости, поэтому поднял бокал, глядя прямо в гнусные металлические глаза Томота, и попытался проглотить огненную жидкость залпом. Это было ошибкой с моей стороны. Я закашлялся и выплюнул виски, забрызгав лицо и желтые усы Томота. Он, должно быть, счел это насмешкой и оскорблением памяти его родных, потому что тут же, без лишних слов, одной рукой заехал мне в глаз, а другой вцепился в горло. Под бровью у меня вспыхнул огонь. Два прочих брата тоже обрушились на меня, как лавина. Замелькали кулаки, локти, и кровь потекла ручьем. Я лежал на холодном твердом полу, что-то твердое норовило мне выбить зубы, чьи-то твердые ногти раздирали веко. Вслепую я двинул Томота по морде, думая, что трусливый Бардо удрал и бросил меня. Но тут он взревел, вспомнив, должно быть, что он Бардо, а не Ссыкун. Раздались звучные удары кулаков по телу, и я освободился. Поднявшись, я приложил Томоту по голове коварным хуком, которому научил меня Хранитель Времени. Я разбил себе костяшки, и боль прошла руку до плеча. Томот схватился за голову и припал на одно колено.

– Сын Мойры. – Подоспевший Соли сгреб Томота за ворот шубы, не дав ему упасть. И тут я допустил ошибку, вторую по масштабам роковую ошибку в своей жизни. Я снова ударил Томота, но попал в Соли, расквасив его длинный гордый нос, словно спелый кровоплод. По сей день помню выражение изумления (и боли) у него на лице, как у человека, павшего жертвой

предательства. Потом он обезумел. Он скрипнул зубами, высморкал кровь из носа и напал на меня с такой яростью, что сумел захватить мой затылок и попытался свернуть мне шею. Если бы Бардо не бросился между нами и не оторвал стальные пальцы Соли от моего черепа, дядюшка убил бы меня.

– Полегче, Главный Пилот. – Бардо помассировал мне затылок своей ручищей и подтолкнул к двери. Все остальные стояли, отдуваясь, глядя друг на друга и не совсем представляя себе, что делать дальше.

Затем последовали извинения и объяснения. Лионел, оставшийся в стороне от драки, сказал братьям, что я никогда раньше не пил виски и, разумеется, не хотел никого оскорблять. Послушник снова наполнил кружки и стопки, и я произнес траурную речь в честь погибших на Содервальде. Бардо предложил тост за Томота, а Томот – за открытие Соли. Все это время наш Главный Пилот не сводил с меня глаз, и кровь текла из его сломанного носа на чеканные губы и подбородок.

– Твоя мать меня ненавидит – значит, и ты тоже. Этого следовало ожидать.

– Извините меня, Главный Пилот. Клянусь вам, это была случайность. Вот, возьмите.

Я предложил ему свой носовой платок, но он притворился, что не видит моей протянутой руки. Я пожал плечами и промокнул кровь, сочившуюся из собственного века.

– За поиск Старшей Эдды, – сказал я, подняв свой бокал. – Уж за это вы непременно должны выпить, Главный Пилот!

– Как может какой-то кадет надеяться найти Эдду?

– Завтра я стану пилотом – и шансов у меня не меньше, чем у любого из пилотов Ордена.

– Шансов! Какие могут быть шансы у молодого дуралея-пилота, если речь идет о тайне жизни? И где ты собираешься искать? В каком-нибудь безопасном местечке, конечно, где шансов найти что-либо вообще никаких.

– А возможно, и там, куда разочарованные и одряхлевшие мастер-пилоты боятся сунуться.

В баре стало так тихо, что слышно было, как капли крови из дядиноного носа падают на пол.

– Это где же? – спросил он. – Под юбками у твоей матери, что ли?

Мне захотелось ударить его еще раз. Томот с братом заржали, хлопая друг друга по спине, и мне захотелось разбить надменную, окровавленную физиономию Соли еще сильнее. Гнев всегда ударял мне в голову чересчур быстро и сильно. Да правда ли, что я ударил его чисто случайно? Быть может, судьба (или тайное желание) направила мою руку? Ноги у меня тряслись, и я, глядя на Соли, размышлял о судьбе и случае. Жар камина сделался вдруг невыносимым. В голове у меня пульсировали кровь и виски, подбитый глаз пылал, как жидкая лава, язык ворочался с трудом. В этот-то миг я и совершил самую тяжкую ошибку в своей жизни.

– Нет, Главный Пилот, – произнес я. – Я отправлюсь за туманность эти Киля и исследую Твердь.

– Не надо со мной шутить.

– Я не шучу. Это вы у нас шутник, но мне такие шутки не нравятся и я говорю серьезно.

– Нет, ты шутишь. – Он подступил ко мне поближе. – Это всего лишь глупая похвальба глупого кадета, так ведь?

Здоровым глазом я видел, что все, даже юный бармен, смотрят на меня.

– Ну конечно, это шутка, – пробасил Бардо, снова испортив воздух. – Скажи, что пошутил, паренек, и пойдем отсюда.

Глядя в злобные глаза Соли, я сказал:

– Клянусь вам: я не шучу.

Он сжал мне руку повыше локтя своими длинными пальцами.

– Клянешься, значит?

– Да, Главный Пилот.

– И готов повторить свою клятву официально?

Я освободился и сказал:

– Да, Главный Пилот.

– Ну так клянись как положено. Говори: «Я, Мэллори Рингесс, согласно канонам и обетам нашего Ордена, во исполнение призыва Хранителя Времени, клянусь перед моим Главным Пилотом исследовать каналы Тверди». Повторяй!

Дрожащим голосом я принес формальную клятву. Бардо смотрел на меня с нескрываемым ужасом. Соли приказал снова наполнить бокалы и провозгласил:

– За поиск Старшей Эдды. Да, мой юный дуралей-пилот, мы все выпьем за это!

Что было потом, я помню смутно. Думаю, что было много смеха, много виски и пива и много разговоров о тайне Эльдрии, о горестях и радостях жизни. Смутно припоминаю, как Томот и Бардо, обливаясь слезами, пытались прижать друг другу руки к блестящей стойке бара. Теперь-то я знаю, как спиртное уничтожает память. Потом мы с Бардо шатались по другим барам, где подавали виски и пиво (и сильные аморгеники), а под конец оказались на улице Мастер-Куртизанок, где красивые жакарандийки удовлетворяли наши желания. Так мне по крайней мере представляется. В первый раз имея дело с искусницей – искусницами – своего ремесла, я мало что смыслил в желаниях и их удовлетворении, а запомнил и того меньше. Я был так пьян, что не препятствовал женщине по имени Аида трогать мое нагое тело. В памяти остались тяжелые духи, темная горячая кожа, слепая нужда прильнувших друг к другу тел; и даже эти смутные воспоминания были испорчены виной и страхом из-за того, что я сделал Главного Пилота нашего Ордена своим врагом и дал клятву, обрекающую меня на верную смерть. «Кадеты гибнут», – сказал Соли, когда мы покидали бар мастер-пилотов. Я помню, как молился, выходя на улицу, чтобы его слова не подтвердились.

2. Пилотская присяга

*Но странны, увы, улицы в Городе Боли...
Райнер Мария Рильке, скраер Века Холокоста*

Во второй половине следующего дня мы получали свои пилотские кольца. Зал Пилотов, стоявший в центре Ресы среди общежитий, домов для преподавателей и учебных зданий, заполнили мужчины и женщины нашего Ордена. От огромной арки входа до помоста, где мы, выпускники, стояли коленопреклоненные, переливались радужными шелками одежды академиков и ведущих специалистов. Мастера различных профессий старались держаться вместе, и поэтому море шелков складывалось из пятен: у колонн в северном конце зала стояли цефики в оранжевых одеждах, рядом с ними – акашики в желтом. Группы скраеров блистали ослепительной белизной, механики в зеленом не иначе как спорили о фундаментальной (и парадоксальной) природе пространственно-временного континуума или о другой мистической проблеме. Под самым помостом чернела стена пилотов и мастер-пилотов. Я видел Лионела, Томота с братьями, Стивена Карагара и других своих знакомых. Впереди всех стояли моя мать и Жюстина, глядя на нас, как мне представлялось, с гордостью.

Хранитель Времени, суровый и великолепный, в струящемся красном одеянии, призвал нас, тридцать выпускников, повторить за ним слова присяги. Хорошо, что мы держались такой плотной группой. Теплая успокоительная масса Бардо справа, мой друг Кварин слева поддерживали меня, не давая упасть носом на блестящий мраморный пол. Утром я побывал у резчика, заштопавшего мое рваное веко, и принял слабительное, чтобы очистить организм от ядовитых веществ, но все-таки чувствовал себя отвратительно. Голова была тяжелой и горячей – казалось, что набухший мозг вот-вот разнесет череп. Душа моя тоже горела в жару. Моя жизнь была загублена, и меня мутило от страха. Я думал о Тихо, Эрендире Эде, Рикардо Лави и прочих знаменитых пилотах, которые погибли, пытаясь проникнуть в тайну Тверди.

Погруженный в свое горе, я пропустил почти все предостережения Хранителя Времени относительно опасностей мультиплекса. Но одно я расслышал хорошо: из двухсот одиннадцати кадетов нашего потока, поступивших в Ресу, остались только мы тридцать. «Кадеты гибнут», – сказал я себе, и внезапно низкий, вибрирующий голос Хранителя проник в самую глубину моего расстроенного сознания.

– Пилоты тоже гибнут, – сказал он. – Не столь часто, правда, и не столь легко, и ради более высокой цели. Ради такой цели мы и собрались здесь сегодня, чтобы посвятить... – Он продолжал в том же духе еще несколько минут, после чего мы принесли обеты целомудрия и бедности, наименее значительные из наших обетов. (Надо сказать, что целомудрие у нас соблюдается весьма условно. Физические сношения между мужчинами и женщинами отнюдь не возбраняются, однако в брак пилоты Ордена не вступают. Я считаю, что это хорошее правило. Когда пилот возвращается из мультиплекса на много лет старше или моложе своего супруга, как недавно Соли, разница в возрасте – мы называем это явление зловременьем – может погубить их брак.)

– Все, что вы знаете и будете узнавать сами, вы должны передать другим, – сказал Хранитель Времени, и мы принесли свой третий обет. Бардо, должно быть, услышал, как дрожит мой голос, потому что стиснул мое колено, словно желая передать мне часть своей силы. Четвертый обет, по моему мнению, был самым важным из всех. – Вы должны ограничивать себя, – сказал Хранитель. Я знал, что это правда. Глубокий симбиоз между пилотом и его кораблем вызывает опасное привыкание. Сколько пилотов пропало в мультиплексе, поддавшись ликованию по поводу мощи своего сопряженного с компьютером мозга! Обет послушания я повторил машинально, без всякого энтузиазма. Хранитель сделал паузу, и мне показалось, что сейчас

он заставит меня повторить пятый обет сызнова. Но он произнес торжественно и многозначительно: – А теперь последний, самый священный обет – тот, без которого все другие пусты, как наполненная воздухом чаша. – И тогда, в девяносто пятый день ложной зимы 2929 года от основания Города, мы поклялись посвятить себя поиску истины и знания, даже если этот поиск приведет нас к смерти и к гибели всего, что нам дорого.

Хранитель Времени повелел вручить нам кольца, и Леопольд Соли вышел из примыкающего к помосту помещения. За ним следовал испуганный послушник с бархатным жезлом, на котором были нанизаны тридцать колец. Мы склонили головы и протянули вперед правые руки. Соли шел вдоль ряда, снимая с жезла кольца из алмазного волокна и надевая каждому из нас на мизинец.

– Этим кольцом посвящаю тебя в пилоты, – говорил он Аларку Мандаре и Шанталю Асторету, блестящему Джонатану Эде и Зондервалю. – Этим кольцом посвящаю тебя в пилоты. – Он продвигался все дальше. Нос у него распух, и он гнусавил, как будто подхватил насморк. Он подошел к Бардо, который ради такого случая снял все свои перстни, оставившие на пальцах белые полосы, и взял с жезла самое большое кольцо. (Я, несмотря на склоненную голову, все-таки умудрился подглядеть, как Соли насаживает блестящее черное кольцо на здоровенный палец Бардо.) Затем настал мой черед. Соли нагнулся ко мне. – Этим кольцом посвящаю тебя... *в пилоты*. – Последнее слово он выговорил так, точно оно жгло ему язык. И натянул мне кольцо так, что оно содрало кожу с пальца и больно сдавило сустав. Еще восемь раз я услышал «этим кольцом посвящаю тебя в пилоты», после чего Хранитель Времени прочел литанию в честь Главного Пилота, произнес реквием, и церемония завершилась.

Мы, тридцать пилотов, сошли с помоста, чтобы показать свои новые кольца нашим друзьям и мастерам. Родные наиболее состоятельных выпускников прилетели в Город, оплатив рейс на дорогих коммерческих лайнерах, но Бардо к таким не принадлежал. (Его отец считал сына изменником за то, что тот пожертвовал семейным богатством ради нашего Ордена.) Мы смешались с нашими товарищами, и море разноцветного шелка поглотило нас. Радостные восклицания сливались с топотом и смехом. Подруга матери, эсхатолог Коления Мор, бесцеремонно прижалась своей пухлой влажной щекой к моей, причитая:

– Нет, Мойра, ты только посмотри на него.

– Смотрю, смотрю, – ответила мать.

Она у меня женщина высокая, сильная – и красивая, хотя, надо сознаться, и располнела немного из-за любви к шоколаду. На ней была простая серая мантия мастер-кантора, наичистейшего из чистых математиков. Мне казалось, что ее быстрые серые глаза замечают все сразу.

– Я вижу, тебе зашили веко, – сказала она мне, – и совсем недавно. – Даже не взглянув на мое кольцо, она добавила: – О твоей клятве всем уже известно. Я только и слышу с утра, что сын Мойры поклялся проникнуть в Твердь. Мой красивый, талантливый, неугомонный сын. – И она заплакала, ввергнув меня в полный шок – я впервые видел ее плачущей.

– Красивое кольцо, – сказала подошедшая тетя Жюстина и показала мне свое. – И ты вполне его заслужил, что бы там ни говорил Соли. – Жюстина тоже высокая, ее черные, с легкой проседью волосы уложены на затылке в шиньон, и шоколад она любит не меньше, чем моя мать. Но мать проводит свои дни в думах и честолюбивых грезах, тогда как Жюстина предпочитает общаться и выписывать сложные фигуры на Огненном, Северном или любом другом из катков нашего города. Так она сохранила свою стройность – не без ущерба, как мне думается, для своего острого от природы ума. Я часто думал о том, почему она выбрала в мужа Соли – а главное, почему Хранитель Времени, в виде исключения, разрешил этим двум знаменитым пилотам пожениться.

Бургос Харша со своими кустистыми бровями, отвисшими щеками и волосами, растущими из ноздрей, подошел к нам и сказал:

– Поздравляю, Мэллори. Я всегда ожидал от тебя чего-то незаурядного – как и все мы, впрочем, – но не думал, что ты расквасишь Главному Пилоту нос при первой же встрече и поклянешься сгубить себя в туманности, именуемой в просторечии (довольно вульгарно, надо заметить) Твердью. – Мастер-историк энергично потер руки и сказал моей матери: – Так вот, Мойра, я изучил каноны, устную историю Тихо, а также своды правил и должен сказать – я, конечно, могу ошибиться, но разве я когда-нибудь ошибался на твоей памяти? – должен сказать, что клятва Мэллори – всего лишь слово, данное Главному Пилоту, а не клятвенное обещание, принесенное Ордену. И, уж конечно, не торжественная присяга. В то время, когда он поклялся сложить свою голову – обстоятельство тонкое, но важное, – он еще не получил своего кольца, а потому официально пилотом не являлся и клятвенного обещания дать никак не мог.

– Не понимаю, – сказал я. – Позади слышалось пение, шорох шелков и шум тысячи голосов. – Я поклялся, и это главное. Какая разница, кому я дал клятву?

– Разница, Мэллори, в том, что Соли может освободить тебя от клятвы, если захочет.

Я ощутил прилив адреналина, и сердце забилося в груди, как пойманная птица. Мне вспомнилось, как гибли пилоты. Они гибли в интервалах между окнами, разрушив мозг непрерывным симбиозом со своим кораблем; умирали от старости, затерявшись в деревьях решений; сверхновые превращали их тела в плазму; сон-время – слишком много сон-времени оставляло их до конца жизни бессмысленно тарасившимися на горящие в темноте звезды; их убивали инопланетяне и такие же люди, как они, они попадали в метеоритные потоки, сгорали в обманчивой тени голубых гигантов и замерзали в пустыне глубокого космоса. Я понял тогда, что, несмотря на мои же дурацкие слова о славной смерти среди звезд, мне не нужна слава и отчаянно не хочется умирать.

Бургос покинул нас, и мать сказала Жюстине:

– Ты поговоришь с Соли, правда? Я знаю, меня он ненавидит – но за что ему ненавидеть Мэллори?

Я топнул ботинком об пол. Жюстина разгладила пальцем бровь и сказала:

– С ним так трудно теперь. Это последнее путешествие чуть не убило его – как внутри, так и снаружи. Я, конечно же, поговорю с ним. Буду говорить, пока язык не отвалится, как всегда, но боюсь, он просто уставится на меня своим сумрачным взором и скажет что-нибудь вроде: «Если жизнь имеет смысл, откуда нам знать, суждено нам найти его или нет?» Или: «Пилоту лучше умирать молодым, пока зловремя не убило то, что он любит». Когда он такой, говорить с ним по-настоящему невозможно. Он, может быть, считает, что поступает благородно, взяв с Мэллори клятву погибнуть геройски, а может, правда верит, что Мэллори добьется успеха, и хочет им гордиться – я не знаю, что у него на уме, когда он вот так весь в себе, но поговорить поговорю, Мойра, не сомневайся.

Я не питал особой надежды на то, что Жюстине удастся поговорить с ним. Когда-то Хранитель Времени, позволив им пожениться, предупредил их: «Зловремя победить нельзя». И оказался прав. Считается, что именно разница в возрасте убивает любовь, но я думаю, это не всегда правда. Любовь убивает не только возраст, но и самосознание. С каждой прожитой нами секундой мы все больше становимся собой. Если такая вещь, как судьба, действительно есть, она состоит именно в этом: наше внешнее «я» ищет и пробуждает в себе истинное «я», несмотря на ужас и боль этого процесса – а ужас и боль присутствуют всегда – и на цену, которую приходится за это платить. Соли, повинувшись своему сокровенному желанию, вернулся из центра галактики, охваченный стремлением постичь смысл жизни и смерти, а Жюстина те же самые годы провела, наслаждаясь радостями жизни: вкусной едой, прогулками над морем в сумерки (а если верить молве, и любовью), упражняясь при этом в прыжках и выписывая восьмерки.

– Я не хочу, чтобы Жюстина с ним говорила, – заявил я.

Мать тронула мою щеку рукой, как делала в детстве, когда я температурил, и сказала:

– Не дури.

Мои однокашники-пилоты во главе с невероятно длинным и тощим Зондервалем просочились сквозь толпу специалистов, как черное облако, и окружили нас. Ли Тош, Елена Чарбо, Ричардесс – я считаю их лучшими пилотами, когда-либо выходившими из стен Ресы. Мой старый друг Делора ви Тови поздоровалась с моей матерью, теребя свои белокурые косы. Зондерваль, происходящий из семьи эталонов с Сольскена, вытянулся во весь свой восьмифутовый рост и сказал:

– Вот что я хочу тебе сообщить, Мэллори. Весь наш колледж гордится тобой. Тем, что ты не побоялся Главного Пилота – извините, Жюстина, я не хотел вас обидеть, – и твоей клятвой. Мы все понимаем, какое для этого требуется мужество, и желаем тебе успеха в твоём путешествии.

Я улыбнулся, потому что мы с Зондервалем всегда были самыми заядлыми в Ресе соперниками. Он вместе с Делорой, Ли Тошем (и Бардо, когда тому приходила охота) был самым способным из моих соучеников. Хитрости при этом ему было не занимать, и я почувствовал в его хвalebной речи немалую долю упрека. Думаю, он не верил, что это отвага побудила меня произнести подобную клятву, и понимал, что я пал жертвой собственной запальчивости. Впрочем, он казался весьма довольным, думая, вероятно, что из такого путешествия я уже не вернусь. Хотя эталоны с Сольскена всегда испытывают потребность быть довольными собой, потому и сделали себя особями такого немислимого роста. Зондерваль и остальные, извинившись, оставили нас, и мать сказала:

– Мэллори всегда был популярен – если не у мастеров, так у своих товарищей.

Я кашлянул, уставившись в белые треугольники пола. Пение стало громче, я узнал один из героико-романтических мадригалов Такеко, и меня охватило отчаяние пополам с ложной отвагой. В полном смятении, колеблясь между бравадой и трусливой надеждой, что Соли освободит меня от клятвы, я сказал, повысив голос:

– Мама, я дал клятву по доброй воле, и для меня не имеет значения, что Жюстина скажет Соли.

– Не дури, – повторила она. – Я не позволю тебе убить себя.

– Ты хочешь, чтобы я себя обесчестил?

– Лучше бесчестье – что бы ни означало это слово, – чем смерть.

– Нет, – сказал я, – лучше смерть, чем бесчестье. – Но я сам не верил в то, что говорил, и в глубине души был готов предпочесть бесчестье смерти.

Мать пробормотала что-то себе под нос – у нее была такая привычка.

– Уж лучше бы Соли умер, – слышалось мне. – Тогда тебе не грозили бы ни смерть, ни бесчестье.

– Что ты сказала?

– Так, ничего.

Она посмотрела через мое плечо и нахмурилась. Я обернулся и увидел идущего к нам Соли, высокого и мрачного в своем облегающем черном наряде. За руку он вел красивую безглазую женщину-скраера, и меня на миг поразил этот контраст черного и белого. Черные волосы скраера ниспадали атласным покрывалом на ее белое платье, густые черные брови выделялись на белом лбу. Она двигалась медленно, с преувеличенной осторожностью, словно мраморная статуя, внезапно – и против воли – оживленная. Я почти не обратил внимания на ее тяжелые груди с большими темными сосками, хорошо видными под тонким шелком, – меня притягивало ее лицо: длинный орлиный нос, полные красные губы и прежде всего гладкие впадины на месте глаз.

– Катарина! – вскрикнула внезапно Жюстина. – Дорогая моя девочка! Как же мы долго не виделись! – Она обняла женщину в белом платье, вытерла глаза тыльной стороной перчатки и сказала: – Мэллори, познакомься со своей кузиной, дамой Катариной Рингесс Соли.

Я поздоровался, и Катарина повернула ко мне голову.

– Мэллори. Наконец-то.

В моей жизни бывали моменты, когда время останавливалось и мне казалось, будто я переживаю какое-то полузабытое (но чрезвычайно важное) событие заново. Иногда зимние крики талло или запах мокрых водорослей возвращают меня в ту ясную ночь, когда я стоял один на пустынном ветреном берегу Штарнбергерзее, мечтая покорить звезды; иногда меня переносит в другое место и время оранжевая ледянка или яркая зелень глассады; иногда бывает достаточно косых лучей солнца или дуновения студеного морского ветра. Эти моменты, как бы таинственны и чудесны они ни были, чреваты скрытым смыслом и страхом. Скраеры – провидящие будущее и связь времен – учат нас, что «теперь», «тогда» и «потом» едины. Для них, наверное, мечты и воспоминания – всего лишь две стороны одной загадки. Эти странные, почти святые, сами себя ослепляющие мужчины и женщины верят, что мы, желая увидеть будущее, должны заглянуть в прошлое. Поэтому, когда Катарина улыбнулась мне и я ощутил внутри вибрацию ее спокойного сладостного голоса, я понял, что такой момент настал и мои прошлое и будущее слились воедино.

Я никогда не видел ее раньше, но мне казалось, что я знал ее всю свою жизнь. Я тут же влюбился в нее – не так, как в женщину, а как может путешественник влюбиться в океан или великолепную снежную вершину, которые видит впервые. Ее безмятежность и красота лишили меня дара речи, и я брякнул первую же глупость, которая пришла мне в голову:

– Добро пожаловать в Невернесс.

– Да. Добро пожаловать в Город Света, – подхватил Соли с немалой долей сарказма и озлобления.

– Я очень хорошо помню этот город, отец. – И верно, она должна была его помнить – ведь она родилась здесь, как и я. Но в раннем детстве, когда Соли отправился к ядру галактики, Жюстина увезла ее к бабушке на Лешуа. Катарина не видела отца двадцать пять лет (а теперь никогда уже не увидит). Все это время она провела на Лешуа в обществе женщин-мужененавистниц. У нее были все причины озлобиться, но этого не случилось. Озлобился Соли, а не она. Он злился на себя за то, что бросил жену и дочь, и на Жюстину за то, что она позволила Катарине пойти в скраеры и даже поощряла ее в этом. Он ненавидел скраеров.

– Спасибо, что проделала весь этот путь, – сказал Соли дочери.

– Я услышала, что ты вернулся, отец.

– Да, верно.

Воцарилось неловкое молчание. Эта странная семья стояла, точно немая, среди гула неумолкающих разговоров. Соли сердито смотрел на Жюстину, она на него, а моя мать украдкой бросала неприязненные взгляды на Катарину. Я видел, что матери она не нравится – возможно, потому, что нравилась мне. Катарина снова улыбнулась мне и сказала:

– Поздравляю тебя, Мэллори... Отправиться исследовать Твердь – это так смело... мы все гордимся тобой. – Меня немного раздражала эта скраерская привычка не договаривать фразы до конца – как будто ее собеседник способен «видеть» то, что осталось недосказанным, и предугадывать стремительный ход ее мыслей.

– Присоединяюсь к поздравлениям, – сказал Соли. – Но мне кажется, пилотское кольцо тебе маловато – будем надеяться, что присяга окажется не слишком велика.

Мать нацелила палец ему в грудь.

– А кому она впору? Главному Пилоту, усталому и ожесточившемуся? Не говори таких слов моему сыну.

– О чем же нам тогда поговорить? О жизни? Что ж... Будем надеяться, Мэллори проживет достаточно долго, чтобы наслаждаться пилотской долей. Будь у нас под рукой виски, мы бы выпили за блистательные, но слишком короткие судьбы молодых дуралеев-пилотов.

– Главный Пилот слишком гордится собственным долгожительством, – парировала мать.

Жюстина, схватив Соли за локоть, стала что-то шептать ему на ухо. Он вырвался и сказал мне:

– Ты, вероятно, был пьян, когда давал свою клятву. Твой Главный Пилот уж точно был пьян. Посему, как сообщает мне моя милая женушка, нам остается только обратить все это в шутку и перестать валять дурака.

Чувствуя, как пот струится по телу под шелком, я спросил:

– И вы готовы это сделать, Главный Пилот?

– Кто знает? Кто может знать свою судьбу? – И он спросил, обращаясь к Катарине: – Видела ты его будущее? Что ждет Мэллори впереди? Следует ли препятствовать его судьбе? «Смерть среди звезд – самая прекрасная из всех смертей», – сказал Тихо, прежде чем пропасть в Тверди. А вдруг Мэллори добьется успеха там, где величайший наш пилот потерпел неудачу? Нужно ли становиться на пути его судьбы и его славы? Скажи нам, дорогой мой скраер.

Все взгляды обратились на Катарину. Она стояла спокойно, внимательно слушая Соли. Должно быть, она почувствовала наши взгляды, потому что опустила руку в карман своего платья, потайной кармашек, где скраеры носят свое зачерняющее масло. Когда она вынула руку обратно, ее указательный палец был так черен, что не отражал света – как будто пальца не стало вовсе, а на его месте возникла миниатюрная черная дыра. Катарина помазала свои глазные впадины. Теперь они, чернея над ее высокими скулами, казались двумя таинственными туннелями, ведущими в ее душу, – вместо окон, которым надлежало быть на их месте. Я только взглянул на нее и тут же отвел глаза.

Я уже собрался сказать своему саркастическому, надменному дядюшке, что исполню свою клятву, что бы он там ни решил, когда Катарина рассмеялась звонким девичьим смехом и сказала:

– Судьба Мэллори – это его судьба, и ничто ее не изменит... Впрочем, ты, отец, повлиял на нее и всегда будешь... – Она снова засмеялась и добавила: – Но в конце концов мы сами выбираем свое будущее, понимаете?

Соли не понимал – как и я, и все прочие. Кто вообще способен понять парадоксальные, раздражающие высказывания скраеров?

Тут подвалил Бардо и хлопнул меня по спине. С улыбкой поклонившись Жюстине, он сразу отвел от нее взгляд. Бардо, хотя очень старался это скрыть, всегда желал мою тетку. Не думаю, что она отвечала ему взаимностью или одобряла его неприкрытую сексуальность, хотя, по правде говоря, в одном они были похожи: оба любили физические удовольствия и мало беспокоились о прошлом, а о будущем и вовсе не думали. Будучи представлен Катарине, Бардо поклонился Соли и сказал:

– Главный Пилот, Мэллори уже извинился за свое варварское поведение прошлой ночью? Нет? Тогда я извиняюсь за него – сам он слишком горд, чтобы извиняться, и только я один знаю, как он сожалеет на самом деле...

– Гордость убивает, – заметил Соли.

– О да, – согласился Бардо, разглаживая свои черные усы. – Но откуда взял свою гордость Мэллори? Я живу с ним в одной комнате двенадцать лет и знаю, откуда. «Соли исследует звезды ядра, – слышал я от него. – Соли почти что доказал Великую Теорему». Соли то, Соли се – знаете, что он сказал мне, когда я заметил, что его тренировки в скоростном беге – дурацкая трата времени? «Соли выиграл пилотские состязания, когда стал пилотом, и я тоже выиграю».

Он говорил о конькобежных состязаниях между новыми пилотами и старыми, которые устраиваются каждый год после посвящения. Многие считают их кульминацией Фестиваля Тихо.

Я чувствовал, что покраснел до ушей, и не мог смотреть на дядю.

– Значит, завтрашние соревнования обещают быть интересными, – сказал он. – Меня никому не удавалось побить вот уже... – Глаза у него внезапно затуманились и голос дрогнул. – Уже много лет.

Мы поговорили еще немного, обсуждая аэродинамику бега на коньках. Я выступал за низкую стойку, Соли же утверждал, что на длинной дистанции – такой, как завтрашняя – низкая стойка быстро утомляет мускулы бедра и силы лучше расходовать экономно.

Наша беседа оборвалась, когда десять горологов в красных одеждах вошли на помост и заняли места рядом с Хранителем Времени, по пять с каждой стороны.

– Тише, время пришло! – пропели они в унисон. – Тише, время пришло!

В зале воцарилась тишина. Хранитель Времени вышел вперед и объявил поиск Старшей Эдды.

– Секрет бессмертия человека, – сказал он, – лежит в нашем прошлом и нашем будущем. – Плечо Катарина задело мое, и длинные пальцы быстро, украдкой, сжали мою руку, вызвав во мне шок (и возбуждение). Хранитель Времени повторил послание, доставленное Соли из ядра галактики; я слушал его, погруженный в мечты о великих открытиях. Но тут я случайно поймал мрачный взгляд Соли и перестал думать о великом, желая лишь одного: побить его в завтрашнем состязании. – Наша цель – искать, – сказал Хранитель Времени. – В своем поиске мы раскроем тайну жизни и спасемся. – Даже спасение человечества не волновало меня в этот момент. Победить непревзойденного чемпиона, надменного гордеца – больше мне ничего не надо.

Я вернулся к себе с намерением проспать до тех пор, пока солнце не поднимется высоко над Уркелем, но при этом не учел волнения, вызванного речью Хранителя Времени. Коридоры нашего общежития – как и вся Реса – звенели от радостных криков пилотов, кадетов и мастеров. Моя комната, вопреки моему желанию, сделалась средоточием ночного веселья. Шанталь Асторет и Делора ви Тови пришли в компании трех своих друзей-неологиков из Лара-Сига. Бардо раздал всем троим трубки с тоалачем, и разгул начался. Это была бурная, волшебная ночь, когда высказывались вслух заветные планы найти Старую Землю, составить карту Туманности Тихо – словом, исполнить, данный нами обет искать истину согласно своим индивидуальным талантам и мечтам. В двух наших смежных комнатах стало сине от дыма, а на полу от стены до стены простирались тела пилотов и прочих специалистов, прослышавших о вечеринке. Ли Тош, славный парень с мягкими миндалевидными глазами, объявил о своем намерении отыскать родную планету хитроумных пришельцев даргинни.

– Говорят, они изучают историю галактоидов. Вот вернусь и тоже, может быть, наберусь смелости проникнуть в Твердь.

Хидеки Смит собрался переделать свое тело по причудливому образу файоли, отправиться на какую-нибудь их планету и выдать себя за одного из них в надежде выведать их тайны. Рыжий Квирин, чтобы не остаться в долгу, планировал полететь на Агатанге и узнать у тамошних людей-дельфинов – нарушивших когда-то закон Цивилизованных Миров и подправивших свою ДНК с целью приобрести сверхчеловеческие свойства – он хотел узнать у мудрых агатангитов секрет человеческой жизни. Были среди нас, надо сознаться, и скептики наподобие Бардо, не верившие, что Эльдрия обладает разгадкой этой тайны. Но даже самым отъявленным скептикам, таким как Ричардесс и Зондervаль, не терпелось отправиться в мультиплекс – для них поиск был отличным способом завоевания славы.

Ближе к полуночи на пороге появилась моя кузина Катарина. Я так и не понял, как она, одна и незрячая, нашла дорогу в лабиринте Академии. Она устроилась рядом со мной на полу, поджав ноги, и начала меня соблазнять – исподтишка, по-скраерски. Я был заинтригован тем, что женщина старше и умнее меня уделяет мне столько времени, а она, видимо, понимала, как меня к ней влечет. Я говорил себе, что она, наверно, тоже немного влюблена в меня, хотя

и знал, что скраеры часто ведут себя так не ради удовлетворения страсти, а ради осуществления какого-нибудь мимолетного видения. В некоторых варварских краях, где еще не овладели искусством генотипирования, браки (и романы) между кузенами находятся под запретом. Никто не знает, какие чудовища могут появиться на свет вследствие смешения родственных генов. Но Невернесс к таким местам не относится и намек на инцест возбуждал меня еще больше.

Мы обсуждали то, что она сказала Соли о судьбе, в частности о моей. Смеясь, она сняла перчатку с моей правой руки, провела пальцами по линиям у меня на ладони и предсказала мне жизнь, «не поддающуюся человеческим меркам». Я подумал, что у нее хорошо развито чувство юмора. Когда я спросил, значит ли это, что моя жизнь будет невообразимо длинна или, наоборот, коротка до нелепости, она одарила меня своей прелестной, таинственной скраерской улыбкой и сказала:

– Для фотино мгновение длится бесконечно, а для божества вся наша вселенная существует всего лишь мгновение. Ты должен научиться любить каждое свое мгновение, Мэллори. – (К утру я благодаря ей узнал, что мгновения сексуального экстаза и любви могут длиться поистине бесконечно. Тогда у меня еще не было ответа на вопрос, следует ли приписать это чудо отрицающему время искусству скраеров или такой властью обладают все женщины.)

Эта ночь также была временем горестных прощаний. В какой-то момент Бардо с мокрыми, горящими от тоалача глазами отвел меня от Катарины и сказал:

– Ты лучший друг, который у меня когда-либо был. Лучших друзей, чем ты, вообще ни у кого не было. А теперь Бардо суждено потерять тебя из-за глупой клятвы. Это нечестно! Почему эта холодная, пустая вселенная, одарившая нас тем, что мы издевательски называем жизнью, ведет себя так варварски нечестно? Я, Бардо, готов кричать об этом во все горло, чтобы слышали Туманность Розетты, Эта Киля и Регал Люс. Это нечестно, и вот почему нам дается мозг, чтобы строить козни, обманывать и плутовать. Сейчас я скажу тебе кое-что – я придумал это, чтобы обмануть смерть. Тебе это не понравится, мой храбрый, благородный друг, но завтра ты должен дать Соли выиграть. Он горд и тщеславен, совсем как мой отец, и терпеть не может, когда его в чем-то превосходят. Я в людях хорошо разбираюсь. Дай ему выиграть эти состязания, и он освободит тебя от клятвы. Пожалуйста, Мэллори, если любишь меня, дай ему выиграть эти дурацкие гонки!

Поздним утром я натянул свою камелайку и вышел, чтобы позавтракать с матерью. Мы встретились в одном из кафе, которые тянутся вдоль Продольной напротив Гиацинтовых Садов.

– Ты сегодня соревнуешься с Соли и при этом всю ночь не спал, верно ведь? Вот, выпейка кофе – это фарфарский, высший сорт. Я учу тебя стратегии с четырех лет, а ты не спишь в ночь перед состязаниями.

– Бардо говорит, что я должен дать Соли выиграть.

– Дурак он толстый, твой Бардо. Я твержу тебе об этом двенадцать лет. Он считает себя умным, но это не так. Я могла бы поучить его уму-разуму, когда мне самой было четыре года.

Она налила кофе в мраморную чашку из хрупкого голубого кофейника и подвинула ее ко мне. Я попробовал горячий напиток, и следующие слова матери застали меня врасплох.

– Мы можем покинуть Орден, – прошептала она, косясь на двух мастер-механиков за соседним столиком. – Новой академии – трийской, ты знаешь, о чем я – требуются хорошие пилоты, такие, как ты. Нашему Ордену монополии никто не давал.

Я испытал такой шок, что пролил кофе себе на колени и обжегся. Коалиция торговых пилотов Триа – этих изворотливых, беспринципных вещистов и тубистов – давно уже пыталась подорвать власть нашего Ордена.

– Что ты такое говоришь? Ты хочешь, чтобы мы стали предателями?

– По отношению к Ордену – да. Лучше тебе изменить нескольким необдуманно данным обетам, чем загубить жизнь, которую я тебе дала.

– Ты же всегда надеялась, что я когда-нибудь стану Главным Пилотом.

– На Триа ты сможешь стать торговым магнатом.

– Нет, мама. Ни за что.

– Может, тебя это удивит, но есть пилоты, которым на Триа предлагали приличные земельные наделы. Программистам и канторам тоже.

– Но никто из них не согласился, верно?

– Пока нет, – призналась она, барабанив пальцами по столу. – Но недовольство среди специалистов сильнее, чем ты полагаешь. Некоторые историки, Бургос Харша в том числе, придерживаются мнения, что Орден загнивает. А пилотов возмущает обет безбрачия, хотя, по моему, обычай вступить в брак не менее возмутителен. – Посмеявшись немного, она продолжила: – Внутри Ордена творится такое, что тебе и не снилось. – Она засмеялась снова, как будто знала что-то, чего не знал я, и откинулась назад в выжидательной позе.

– Я скорее умру, чем отправлюсь на Триа.

– Бежим тогда на Лешуа. Твоя бабушка охотно примет нас, хотя ты и бычок.

– Сомневаюсь.

Моя бабушка, которую я никогда не видел, дама Ориана Рингесс, воспитала мою мать, Жюстину и Катарину как подобает. «Как подобает» в понятиях лешуанского матриархата значит раннее посвящение в женские тайны и соблюдение строгих языковых правил. Мужчины у них именуются не иначе как «бычки», «петушки», а иногда и «мулы». Влечение между мужчиной и женщиной определяется как «гнилая горячка», а гетеросексуальный брак – как «прижизненный ад». Гранд-дамы, среди которых бабушка занимает один из высших постов, отвергают мнение, что из мужчин получаются лучшие пилоты, чем из женщин, и содержат одну из лучших в Ордене элитных школ. Когда мать с Жюстиной прибыли в Борху, ни разу не видев мужчин, их глубоко шокировало – а мать еще и ожесточило – то, что молодые самцы вроде Лионела и Соли в математике могут быть сильнее, чем они.

– Дама Ориана, – сказал я, – не сделает ничего, что могло бы посрамить матриархат, – разве не так?

– Слушай меня. Слушай! Я не позволю Соли убить моего сына. – Слово «сын» она вымолвила с таким душераздирающим отчаянием, что я невольно взглянул на нее в тот самый момент, когда она разрыдалась. Нервно выдернув несколько прядей из-под скрепляющей их кожаной ленты, она осушила ими лицо. – Слушай меня. Наш блестящий Соли вернулся из мультиплекса, но блеск его не столь уж велик. Мне случалось обыгрывать его в шахматы – три партии из четырех, пока он не перестал со мной играть.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я заказала тебе хлеб. – Она сделала знак роботу-прислужнику. Тот подкатился к столу и поставил передо мной корзину с ломтями свежего, горячего черного хлеба. – Ешь и пей кофе.

– А ты почему не ешь?

Обычно она тоже ела хлеб на завтрак – мать, как все ее сестры на Лешуа, не признавала пищи животного происхождения, даже искусственного мяса, которое любят почти все жители нашего города.

Я взял продолговатый ломтик и с удовольствием стал жевать. Мать взяла из глубокой мисочки шоколадный шарик и сунула его в рот.

– Ну а вдруг я добьюсь успеха, мама?

Она сунула в рот еще три конфеты и неразборчиво выговорила:

– Иногда мне кажется, что Соли прав и мой сын дурак.

– Ты всегда говорила, что веришь в меня.

– Верю, но не слепо.

– Почему ты считаешь это невозможным? Твердь – такая же туманность, как множество других: горячие газы, межзвездная пыль и несколько миллионов звезд. Возможно, это чистая случайность, что Тихо и все прочие погибли там.

– Что за ересь! – Она раскрыла конфету пополам своими длинными ногтями. – Так-то ты усвоил все, чему я тебя учила? Я не потерплю от тебя таких слов. «Случайность»! Тихо убил не случай. Это Она.

– Она?

– Твердь. Сеть, состоящая из миллионов биocomпьютеров планетарного масштаба. Она манипулирует материей, накапливает энергию и искривляет пространство, как Ей вздумается. Мультиплекс внутри нее чудовищно, невероятно сложен.

– Ты произносишь «она» с большой буквы.

– Разве может величайший во вселенной интеллект быть «ей» с маленькой буквы? – улыбнулась мать. – А уж тем более «им»?

– А как же Кремниевый Бог?

– Это неверное наименование. Так его называли старые эсхатологи Ордена, делившие все сущее по мужскому и женскому признаку. Этот разум должен называться «Кремниевой Богиней». Вселенная рождает жизнь – по сути своей она женщина.

– Зачем тогда нужны мужчины?

– Мужчины – это депозитарии спермы. Выучил ты мертвые языки Старой Земли, как я тебя просила? Нет? Так вот, у римлян было выражение «instrumenta vocalia». Мужчины – это говорящие орудия, и слушать их порой очень приятно. Но без женщин они ничто.

– А женщины без мужчин?

– Лешуанский матриархат основан пять тысяч лет назад, а патриархатов нет ни одного.

Иногда мне кажется, что матери следовало стать историком или мнемоником. Она знает очень много всего о древних народах, языках и обычаях – во всяком случае, достаточно, чтобы обернуть спор в свою пользу.

– Я тоже мужчина, мама. Почему ты решила родить сына, а не дочь?

– Глупый мальчишка.

Я хлебнул кофе и поинтересовался вслух:

– Любопытно, как чувствует себя человек, беседуя с богиней?

– Еще одна глупость. Я приняла решение – мы летим на Лешуа.

– Нет уж, мама. Не хочу я быть единственным мужчиной среди восьми миллионов женщин, которые хитрость ставят превыше веры.

Она грохнула чашкой об стол.

– Ладно. Ступай соревноваться со своим Соли. И скажи спасибо, что твоя бабка научила твою мать хитрить.

Я уставился на нее, она на меня, и это продолжалось довольно долго. Я, словно мастер-цефик, пытался разгадать правду по бликам на ее радужке и по складке ее большого рта. Но в результате мне открылась только одна, старая истина: я способен читать по ее лицу не больше, чем заглядывать в будущее.

Я выпил остатки кофе, дотронулся до ее лба и пошел соревноваться с Соли.

К гонкам Тысячи Пилотов никто не относился всерьез. (И столько пилотов в них никогда не участвует.) Это скорее символическая, шуточная битва старых пилотов с новыми, своеобразный ритуал посвящения. Мастер-пилоты – обычно их бывает около сотни – собираются перед Пилотским Залом, пьют горячий квас или что-то другое, по выбору, хлопают друг друга по плечам и кричат разные вещи в адрес более мелкой группы молодых пилотов. В тот день на территории Ресы толпилось множество академиков, специалистов и послушников в мехах всех цветов и оттенков. Позванивали колокольчики, а кадеты освистывали червячников, заклю-

чавших свои нелегальные ставки. Со ступеней Зала звучали кларины и шакухачи. Высокие стонущие ноты, выражающие мольбу, отчаяние и предчувствие недоброго, контрастировали с общим весельем. Бардо эта музыка тоже, видимо, казалась неподходящей. Он подошел ко мне, когда я пробовал лезвия коньков на ногте большого пальца, и сказал:

– Не выношу мистической музыки. Она вселяет в меня жалость ко всей вселенной и разные другие чувства, которые я предпочел бы не испытывать. Мне подайте рог и барабан. Кстати, паренек, не хочешь ли щепотку огонь-травы, чтобы разогреть кровь?

Я отверг его красные кристаллики – он мог заранее знать, что я откажусь. Распорядитель – я с удовольствием увидел, что это Бургос Харша, который вихлялся на коньках, потому что с утра накачался квасом – вызвал обе группы на старт. Мы столпились вдоль расчерченной в красную клетку линии там, где мелкие ледянки нашего колледжа выходили на белый лед.

– Мне надо сказать вам что-то важное, но я забыл, что, – объявил Бургос. – Разве я на вашей памяти что-нибудь забывал? Ладно, не имеет значения. Желаю вам, пилоты, не сбиться с пути и поскорее вернуться назад. – Послушник подал ему белый стартовый флаг, и Бургос умудрился в нем запутаться. Послушник всунул древко ему в руку, Бургос сделал отмашку, и гонки начались.

Я расскажу о том, что происходило в тот день на улицах нашего города, лишь в самых общих чертах – это все, на что способен отдельный пилот благодаря правилам состязаний. Правила эти просты. Пилот может выбрать любой маршрут по четырем кварталам города с условием, что он или она последовательно минует четыре контрольных пункта – таких, как Каток Ролло в Квартале Пришельцев и Хофгартен между зоопарком и Пилотским Кварталом. Считается, что победить должен самый умный пилот, лучше всех знающий город, – но на практике скорость значит не меньше, чем мозги.

Бардо с ревом растолкал кучку мастер-пилотов, загораживающих ему дорогу. (Надо отметить, что это допускается, если пилот прежде выкрикнет предупреждение.) Белобрысый Томот, принявший высокую стойку, чуть не упал, когда Бардо заехал ему локтем по плечу.

– Первый среди равных! – гаркнул Бардо и исчез за поворотом дорожки. Я догнал его у Обители Розового Чрева – скопления приземистых зданий на западном краю Ресы, где мы, плавая в бассейнах, проводили немалую часть своих кадетских лет. Запинаясь на ходу, он откинул капюшон камелайки с потного лба и пропыхтел:

– Первый среди равных... по крайней мере... на четверть мили.

У западных ворот Академии мы разошлись. Пятнадцать пилотов повернули на самую южную из оранжевых ледянок, ведущих к Поперечной, восемь мастер-пилотов – Соли и я в том числе – выбрали более узкую ледянку мерцающего Старого Города с тем, чтобы избежать движения на проезжей магистрали. Так оно и шло. Небо над нами было густо-синее, воздух холодный и плотный. Впереди меня шуршали по льду коньки Соли, зрители, стоящие вдоль улицы, подбадривали нас криками и смехом. Я пригнулся пониже, заложил правую руку за спину, повернул и остался один.

Двух участников я видел всего несколько раз на протяжении состязаний. Не хочу создавать ложной аналогии между улицами Города и каналами мультиплекса, но сходство определенно есть: выехать с темной красной дорожки на ледянку, а потом на ослепительно освещенную Поперечную – это все равно что выйти в окно из мультиплекса на яркий свет звезды. Пилот, вошедший в дерево решений, должен избрать правильный путь или погибнуть – мы, гонщики, должны совместить свою память о городских улицах с их реальными переплетениями или проиграть. Сон-время, самое важное и приятное из умственных состояний пилота, у нас заменяется экстазом свежего ветра и напряженного внимания – по крайней мере первые несколько миль. Когда я вкатился на контрольный пункт Зимнего Катка в глубине Квартала Пришельцев и увидел Соли и Лионела в десяти ярдах перед собой, а других – позади, у меня еще достало дыхания и энтузиазма, чтобы крикнуть:

– Пять миль один на городских улицах – и вот мы все собираемся здесь, словно вокруг фокуса звезды!

Соли обернулся ко мне лицом, стянутым в маску яростной сосредоточенности. Глубоко дыша, он сказал:

– Берегись – звезды взрываются! – И умчался по ледянке, ведущей на опасную улицу Контрабандистов.

Я догнал его только ближе к концу состязаний. В процессе гонок я обогнул фонтан Серебристая Пена в зоопарке, где Подруги Человека, фраваша и еще два вида пришельцев, которых я не знал, дивились на зрелище, которое мы им обеспечили. На Северном Катке контролер крикнул:

– Первым идет Соли, за ним Киллиранд в ста ярдах, следующий Рингесс в ста пятидесяти... – А у большого Хофгартенского круга, где Поперечная пересекается с Продольной, я услышал: – Соли первый, следующий Рингесс в пятидесяти ярдах, следующий Киллиранд, триста... – На следующем пункте, в Пилотском Квартале, я увидел дядю в каких-нибудь двадцати ярдах перед собой. Я знал, что не увижу его больше, пока не въеду первым на поле Ресы и Бургос не объявит меня победителем.

Я ошибался.

Я катился на запад по Продольной, хитро – как я думал – делая крюк вдоль северного края Старого Города, чтобы потом свернуть на известную мне маленькую ледянку, ведущую прямо к северным воротам Академии. На голубом льду толпились послушники и другие конькобежцы, каким-то образом угадавшие, что некоторые из гонщиков выберут этот маловероятный путь. Я уже поздравлял себя и воображал, как Бургос приколет мне на грудь алмазную медаль победы, как вдруг заметил впереди что-то черное. Толпа раздалась. Соли преспокойно катился вдоль красной линии, отделяющей конькобежную полосу от санной. Я хотел уже крикнуть, предупреждая, что догоняю его, когда услышал за спиной чей-то хохот. Я повернул голову, не снижая темпа. Двое чернобородых мужиков – червячники, судя по вызывающему покрою шуб – ехали рядом, попеременно выталкивая друг друга вперед. Они были староваты для такой игры, да и запруженная народом улица к ней не располагала – мне следовало бы сразу это сообразить. Вместо этого я решил не предупреждать Соли вовсе. В тот же миг здоровенный червячник врезался в спину Соли, вытолкнув его на санную полосу. Там как раз гремели большие красные сани. Соли зашатался на коньках, вытянув руки. Исполнив отчаянный танец, он едва избежал заостренного носа саней и вдруг упал. Сани промчались мимо за десятую долю секунды (мне показалось, что прошел целый год). Я пересек линию безопасности и вытащил его обратно на конькобежную полосу. Он оттолкнул меня с силой, поразительной для человека, которого чуть было не проткнули насквозь.

– Убийца, – рывкнул он и попытался встать.

Я сказал ему, что это червячник его толкнул, но он ответил:

– Если это не ты, то наемники твоей матери. Она ненавидит меня, потому что думает, будто я заставляю тебя исполнять клятву, и по другим причинам.

Я оглядел круг людей, собравшихся около нас, но нигде не видел чернобородых червячников.

– Да только она ошибается, Мойра. – Он закашлялся, держась за бок. Из носа и рта у него текла кровь. Он поманил к себе ближайшую послушницу. – Твое имя?

– Софи Дин с Нефа, Главный Пилот, – ответила хорошенькая девушка.

– Так вот: ваш Главный Пилот в присутствии свидетельницы Софи Дин освобождает Мэллори Рингесса от его клятвы проникнуть в Твердь. – Он снова закашлялся, обрызгав мелкими красными каплями белую куртку Софи.

– У вас, по-моему, ребра сломаны, – сказал я. – Для вас гонка окончена, Главный Пилот. Он схватил меня за руку и притянул к себе.

– Ты так думаешь? – В новом приступе кашля он оттолкнул меня и покатил к Академии. Какой-то миг я стоял, глядя на капли крови, прожегшие крохотные дырочки в голубом льду. Мне не хотелось верить, что мать способна подослать к Соли убийц, и я не мог понять, почему он освободил меня от клятвы.

– Вы хорошо себя чувствуете, пилот? – спросила Софи.

Я чувствовал себя плохо. Жизнь моя была спасена, но меня мутило, и я был глубоко несчастен. Я поперхнулся, и меня вырвало черным хлебом, черным кофе и желчью.

– Пилот? – Софи моргнула ясными голубыми глазами, порыв ветра проник мне под одежду, и я вдруг понял с ослепительной ясностью, что сдержу клятву, данную Соли, и присягу, данную Ордену, чего бы мне это ни стоило. Каждый из нас должен когда-нибудь взглянуть смерти в лицо – просто моя судьба велит мне встретиться с ней раньше большинства других. – Может быть, вызвать вам сани, пилот?

– Нет. Я закончу дистанцию.

– Он намного опередил вас.

Она была права. Соли свернул с Продольной на желтую улицу, соединяющуюся с моим тайным прямым путем к Академии.

– Не беспокойся, малютка, – сказал я. – Он ранен, испытывает боль и кашляет кровью. Я нагоню его на полдороге до Борхи.

Но я опять ошибся. Я несея что было духу, но так и не догнал его ни у шпилей Борхи, ни на дорожке вокруг башни Хранителя Времени. Я вообще его не догнал.

Ветер ревел у меня в ушах, как зимняя буря, когда мы въехали на территорию Ресы. Толпа разразилась криками, Бургус Харша махнул зеленым финишным флагом, и Леопольд Соли, едва не теряющий сознание и потерявший столько крови из поврежденных легких, что резчику потом пришлось делать ему переливание, опередил меня на десять футов.

С тем же успехом они могли быть десятью световыми годами.

3. Башня Хранителя времени

Цель моей теории – доказать раз и навсегда надежность математических методов... Настоящее положение дел, когда мы постоянно натываемся на парадоксы, невыносимо. Как это возможно, что определения и дедуктивный метод, повсеместно используемые в математике, приводят к абсурду? Если даже математическое мышление несовершенно, где же нам тогда обрести истину и уверенность?

Дэвид Гилберт, кантор Машинного Века «О бесконечном»

Дни после пилотских гонок, едва не завершившихся смертью Леопольда Соли, бежали быстро. Сухая, ясная солнечная погода сменилась снегопадами. Снег постоянно заваливал дорожки, обеспечивая работой замбони. Предполагаемых убийц Соли так и не поймали. Все ресурсы Ордена были пущены в ход, и Хранитель Времени разослал своих шпионов подслушивать у дверей и заглядывать в окна (или чем там шпионы занимаются), но пользы это не принесло. Нашему Главному Пилоту оставалось только беситься и требовать, чтобы мою мать допросили акашики. «Необходимо оголеть ее мозг, – гремел он на пилотском конклаве, – разоблачить ее ложь и козни!» О том, какой блестящей репутацией он пользовался, свидетельствует то, что пилоты, многие из которых выросли и принесли присягу во время его долгого отсутствия, проголосовали «за».

Через четыре дня мать предстала перед Николосом Старшим. Его компьютеры представили ее мозг живым, как фравашийская фреска, и маленький пухлый Главный Акашик объявил, что не нашел в ее памяти намерения убить Соли.

Той же ночью, в своем кирпичном домике в Пилотском Квартале, мать сказала мне:

– Соли заходит слишком далеко! Николас объявляет меня невиновной, а Соли твердит свое: «Известно, что в лешуанском матриархате применяются препараты, уничтожающие определенные участки памяти». Как же, жди! Стала бы я уничтожать часть собственного мозга!

Я знал, как ей дороги сто миллиардов нейронов, составляющие ее мозг, и я не верил, что она, подобно сектантам-афазикам, способна принять афагеник и стереть часть своей памяти; но после того, что она сказала мне в день состязаний, в ее невиновность поверить я не мог. (Даже если предположить, что она воспользовалась-таки наркотиком, я все равно не узнал бы об этом. Природа микроповреждений памяти такова, что мать должна была забыть как о своем преступлении, так и о том, что стерла память о нем.) Обозлившись, я спросил ее дрожащим голосом:

– Как это тебе удалось надуть Главного Акашика?

– Даже родной сын сомневается во мне! – воскликнула она, привалившись к голой кирпичной стене своей спальни. – Как я ненавижу этого Соли! Главный Пилот возвращается и отнимает у меня то, что мне всего дороже. Я пошла к Хранителю Времени и солгала, да, солгала. Я молила его попросить Соли освободить тебя от клятвы.

– И Хранитель послушал тебя?

– Он считает себя хитрецом. Но я сказала ему, что мы улетим на Триа и поступим в торговый флот, если он не поговорит с Соли. Хранитель мнит себя бесстрашным, но скандалов боится.

– Так и сказала?! Да он же сочтет меня законченным трусом!

– Какое кому дело, что он подумает. Зато я спасла тебя от глупой смерти.

– Ни от чего ты меня не спасла, – сказал я, направляясь к двери. – Никогда больше не лги ради меня, мама.

Я сказал ей, что решил сдержать свою клятву, и она расплакалась.

– Как я ненавижу Соли! – кричала она, когда я открыл дверь на улицу. – Он еще узнает, что такое моя ненависть.

Следующие несколько дней я провел, готовясь к путешествию. Я консультировался с эсхатологами и другими специалистами, надеясь почерпнуть у них хоть какую-нибудь информацию относительно загадочного явления, известного как Твердь. Бургос Харша сказал мне, что первых галактоидов открыл Ролло Галливер, который полагал, что они – пришельцы из другой галактики.

– Апокрифы первого Хранителя Времени гласят, что Кремниевый Бог возник в туманности Эты Киля к концу Веков Роения. А в хрониках Тисандера Недоверчивого мы находим сходное указание. Но разве на такие источники можно полагаться? Рейна Эде в истории Тихо утверждает, что эти существа произошли из семени Эльдрии, как и хомо сапиенс. Ты спросишь, во что верю я сам? Я не знаю, во что верю.

Коления Мор полагала, что Эльдриа, до того как спрятать свой коллективный разум в скрученном пространстве-времени сингулярности, должна была иметь большое сходство с Твердью.

– Что до ее цели, то это цель всего живого: стать самим собой. – Мы долго с ней говорили, и я сказал, что многие молодые пилоты не согласны с тем, что у жизни вообще есть какая-то цель. Коления в ужасе уставилась на меня своими маленькими глазками и воскликнула: – Это ересь, причем очень древняя!

Я был, конечно, не единственным, кто собирался в странствия. Казалось, будто весь Орден загорелся мечтой разгадать Старшую Эдду. В чем она – тайна бессмертия человека?

– Надо узнать, отчего проклятые звезды взрываются, – в этом и заключается тайна, – сказал Бардо. Впрочем, он был прагматиком и не часто задумывался над эзотерическими проблемами. Другие думали, что тайна Экстра – лишь первая часть Старшей Эдды. (Хоть и чрезвычайно важная.) Где искать ее разгадку? Фантасты, технари, пилоты – многие из нас подозревали, что за три тысячи лет, несмотря на все накопленные Орденом знания, мы упустили из виду нечто важное, а возможно, и главное. Историки умоляли Хранителя Времени разрешить им покинуть Город и порыться в ксандарийской библиотеке, чтобы там поискать ключи к разгадке. Неологики и семантологи заперлись в своих холодных башнях, где создавали и открывали новые языки в уверенности, что тайна Старшей Эдды – как и вся иная мудрость – сокрыта в словах. Фабулисты плели свои вымыслы, не менее реальные, по их утверждению, чем любая реальность, и заявляли, что Старшая Эдда есть то, что создаем мы сами. И кто мог поручиться, что они не правы? А пилоты... Мои храбрые братья, Ричардесс и Зондerval, отправились в мультиплекс на поиски затерянных планет и новых видов мыслящих существ. Томот и еще сто мастер-пилотов задались целью составить карту Экстра. Соли тоже собирался в Экстр, намереваясь проникнуть за его внутреннюю завесу, а Лионел придумал очередной план обнаружения Старой Земли. Даже трусишка Бардо собрался в путь – правда, не слишком опасный: он задумал предпринять собственную частную экспедицию на Ксандарию. Отдельные циники-специалисты вроде моей матери вовсе не собирались рисковать жизнью ради мечты, но все равно – это было волнующее и даже славное время, которого нам больше пережить не придется.

Накануне моего отлета, когда в Городе бушевала метель, Хранитель Времени вызвал меня в свою башню. Я дрожал в своей тонкой камелайке, скользя мимо серых угрюмых зданий, отделяющих башню от Ресы, и жалел, что не намазал лицо жиром или не надел маску. Это просто оскорбительно – появляться перед Хранителем Времени с обмороженной физиономией. Тепло башни показалось мне как нельзя более приятным – приятно было даже торчать в приемной наверху, топая ботинками о красный ковер и дожидаясь, когда мастер-горолог доложит о моем приходе.

– Он ждет вас, – сказал наконец горолог, запыхавшийся после подъема к покоям Хранителя и спуска обратно. – Будьте осторожны – он сегодня в скверном настроении. – По винтовой лестнице я поднялся в святая святых башни, где стоял и ждал меня Хранитель Времени.

– Что, Мэллори, – хорошо носить пилотское кольцо на руке?

Хранитель был человек угрюмого вида, с буйной гривой густых белых волос. Большую часть времени он выглядел очень старым, хотя никто не знал в точности, сколько ему лет. Когда он хмурился, что бывало с ним часто, в углах рта у него выступали желваки. Толстая шея была жилистой, как и все подобранное, ширококостное тело. Я стоял в просторной, ярко освещенной комнате, а он разглядывал меня, как всегда, когда я к нему приходил. Черные, как два куска еще не остывшего обсидиана, глаза, вбитые глубоко в череп, смотрели горячо, беспокойно, гневно и страдальчески.

– Много ли нужно, чтобы убить тебя? – спросил он.

Мускулы на его голых руках напрягались и расслаблялись попеременно. В мою бытность послушником, когда он учил меня захватам и прочим борцовским приемам, я имел возможность наблюдать его могучее тело, обычно скрытое под красным одеянием. Он был весь покрыт шрамами – целой сетью белых шрамов, не уступающей сложностью ледянкам Квартала Пришельцев. Они начинались у шеи, тянулись сквозь густую белую поросль на груди до паха и спускались по мускулистым ногам до самых ступней. Когда я спросил его об этих шрамах, он ответил: «Чтобы убить меня, много чего нужно».

Он указал мне на резной стул перед южным окном. С башни, монолита из белого мрамора, который доставили с Утрадеса по немыслимой цене, открывался вид на всю Академию. На западе вздымались гранитные и базальтовые арки колледжей высшей ступени, Упплисы и Лара-Сига, на севере торчали густо натканные шпиль Борхи, на юге, близ Уркеля, виднелась моя милая Реса. (Надо сказать, что окна башни сделаны из сплава кварца с окислами кальция и натрия, который Хранитель Времени называет стеклом. Этот хрупкий материал бьется, когда средизимней весной со Штарнбергерзее приходят ревушие шторма, но Хранитель, любящий всякие древности, утверждает, что стекло дает более яркое освещение, чем повсеместно принятый в Цивилизованных Мирах кларий.)

– Слышишь, как оно тикает, Мэллори, мой храбрый, глупый, такой молодой пилот? Время тикает, бежит, течет, ширится, убывает и убивает – а однажды для каждого из нас, чем бы мы ни занимались, оно остановится. Останавливается, слышишь?

Он подтянул к себе стул, такой же, как мой, и поставил ногу в красной туфле на сиденье. Хранитель Времени – боясь, возможно, что, если он прекратит свое непрерывное движение, остановятся его собственные часы – сидеть не любил.

– Ты самый молодой пилот в нашей истории. Двадцать один год – микросекунда в жизни звезды, но это все, что есть у тебя. А часы между тем стучат, бьют, тикают – слышишь ты их?

Я слышал, как они тикают. В круглой башне Хранителя Времени часы тикали везде. По всей окружности комнаты, от устланного шкурами пола до белого оштукатуренного потолка, за стеклянными рамами тянулись деревянные полки, уставленные часами всех форм и размеров. Здесь были древние часы с гирьками и пружинные, в пластмассовых корпусах; часы с маятниками в деревянных футлярах, электрические и кварцевые биочасы, движимые сердечными мышцами различных организмов; квантовые часы и песочные с ярко-синим и алым содержимым; три клепсидры и даже одни фравашийские, отмеряющие время с той поры, когда Местное Скопление галактик было извергнуто из первоначальной сингулярности. Насколько я мог судить, ни одни из этих часов не показывали одинаковое время. На самой верхней полке стояла Печать нашего Ордена – маленькие атомные часы из стекла и стали, впервые пущенные на Старой Земле в день основания Ордена. (Самые большие часы – это, конечно, сама башня. Двадцать гранитных делений на ледяном кругу у ее подножия отмечают прохождение солнечной тени. Этот гигантский солнечный диск, хотя он не слишком точен, – практически

единственные в городе часы, которыми мы, горожане, руководствуемся в своей деятельности. Наш Хранитель, борец с тиранией времени, давно запретил нам все остальные. Этот запрет сыграл на руку червячникам – они наживают себе состояния, ввозя контрабандой карманные часы с Ярконы.)

Одни из часов пробили, и Хранитель, охватив себя за локти, сказал:

– Я слышал, Соли освободил тебя от клятвы.

– Это правда, Хранитель. И я хотел бы извиниться за свою мать. Она была не вправе приходить к вам и просить, чтобы вы говорили обо мне с Соли.

Он оттолкнул ногой стул, продолжая месить тугие мускулы своих рук.

– Ты думаешь, это я приказал Соли освободить тебя от клятвы?

– А разве это не так?

– Нет.

– Мать, похоже, думает, что...

– Твоя мать – ты уж прости меня, пилот, – часто заблуждается. Я знаю тебя всю твою жизнь. Ты думаешь, я настолько глуп, чтобы поверить, будто ты способен дезертировать из Ордена и пойти в торговые пилоты? Ха!

– Значит, вы не говорили с Соли?

– Ты что, допрашиваешь меня?

– Извините, Хранитель, – смутился я.

Почему же тогда Соли освободил меня от клятвы – не для того ли, чтобы осрамить меня перед друзьями и мастерами Академии? Я поделился своими сомнениями с Хранителем, и он сказал:

– Соли прожил три долгие жизни – не пытайся понять его.

– Мне кажется, есть многое, чего я не понимаю.

– Что-то ты сегодня скромненький.

– Зачем вы послали за мной?

– Не смей задавать мне вопросы, паршивец! Мое терпение ограничено, даже когда дело касается тебя.

Я умолк, глядя в окно на красивый главный шпиль Борхи, построенный Тихо тысячу лет назад. Хранитель обошел меня, чтобы заглянуть мне в лицо. Я смотрел прямо перед собой – этого требовали правила учтивости между мастером и послушником, которым меня первым делом обучили в Академии. Хранитель мог вдоволь разглядывать мое лицо в поисках правды, лжи и всего остального, сохраняя в неприкосновенности собственные мысли и чувства.

– Известно также, что ты намерен сдержать свою клятву.

– Да, Главный Горолог.

– Похоже, Соли тебя перехитрил.

– Да, Главный Горолог.

– А мать подвела тебя.

– Возможно, Главный Горолог.

– И ты все-таки попытаешься проникнуть в Твердь?

– Я отправлюсь туда завтра, Главный Горолог.

– Твой корабль готов?

– Да, Главный Горолог.

– «Смерть среди звезд – прекраснейшая из всех смертей», не так ли?

– Да, Главный Горолог.

Сбоку от меня что-то мелькнуло, и Хранитель залепил мне оплеуху, взревев:

– Чушь собачья! Чтобы я больше не слышал от тебя подобных глупостей! – Он подошел к окну и постучал по стеклу костяшками пальцев. – Прекрасны города – такие, как Невернесс. Прекрасны океан на закате и северное сияние. Смерть есть смерть – мрак и ужас. Нет ничего

прекрасного в том, что время истекает и тиканье прекращается, слышишь? Есть только чернота и ужас вечного ничто. Не спеши умирать – слышишь, Мэллори?

– Да, Главный Горолог.

– Хорошо! – Он открыл шкаф, где стоял сосуд с пульсирующей, светящейся красной жидкостью. (Я всегда подозревал, что эта зловещего вида штукавина – часы, но не осмеливался спросить об этом Хранителя.) Из темных глубин шкафа – тот был из редкой породы дерева, такого черного, что оно почти не отражало света – Хранитель извлек предмет, который я принял за старый, обтянутый кожей ларец. Но очень скоро понял, что ошибаюсь: когда Хранитель открыл ларец – точнее, откинул в сторону одну из его кожаных створок, – внутри оказалось множество листов, видимо, бумажных, искусно скрепленных в середине. Он подошел поближе, и на меня пахло плесенью, пылью и бумагой многовековой давности. Хранитель стал переворачивать желтые листы, вздыхая временами:

– Староанглийский – это тебе не абы что. – Или: – Ах, какая музыка – теперь этого никто не умеет, это искусство ушло от нас. Смотри сюда, Мэллори! – Я послушно смотрел на бумажные листы, испещренные строка за строкой черными закорючками, ничего не говорившими мне. Я понимал, что вижу перед собой один из тех древних артефактов, где слова символически (и избыточно) представлены зрительными идеопластами. Древние называли эти идеопласты буквами, но как называется сам крытый кожей артефакт, я забыл.

– Это книга! – объявил Хранитель. – Настоящее сокровище – здесь собраны прекраснейшие стихи, когда-либо созданные человеческим разумом. Вот послушай. – И он перевел мне с мертвого языка, который называл французским, стихотворение под названием «Часы». Не могу сказать, что оно мне понравилось – там было много жутких образов, безысходности и страха.

– Как вы превращаете эти символы в слова? – спросил я.

– Это искусство называется чтением. Я научился ему давным-давно.

Я на мгновение опешил, потому что всегда понимал слово «читать» в ином, более широком смысле. Читают погоду по бегущим облакам, читают привычки и программы человека по мимике его лица. Потом я вспомнил, что некоторые специалисты, а также граждане наиболее отсталых миров, владеют искусством чтения. И книги я тоже видел – в музее на Сольскене. Вероятно, слова можно не только произносить, но и читать – но как низка эффективность этого процесса! Я пожалел древних, не умевших кодировать информацию так, чтобы направлять ее непосредственно на воспринимающие и познающие центры мозга. Экое варварство, как сказал бы Бардо!

Хранитель сжал пальцы в кулак и сказал:

– Я хочу, чтобы ты выучился читать и прочел эту книгу.

– Прочел книгу?

– Да. – Он захлопнул ее и протянул мне. – Ты прекрасно слышал, что я сказал.

– Но зачем, Хранитель? Я не понимаю. Читать глазами – это так... неудобно.

– Ты выучишься читать и выучишь все языки, какие есть в этой книге.

– Для чего?

– Чтобы слышать эти стихи в своем сердце.

– Зачем это нужно?

– Еще один вопрос – и я закрою для тебя космос на семь лет. Это научит тебя терпению.

– Простите меня, Хранитель.

– Если прочтешь эту книгу, у тебя появится шанс выжить. – Хранитель потрепал меня по затылку. – Жизнь – это все, что у тебя есть, береги ее.

Хранитель был самым сложным человеком из всех, известных мне. Его личность складывалась из тысяч причудливых фрагментов любви и ненависти, каприза и воли; он принадлежал к тем, кто вечно сражается сам с собой. Я стоял, держа в руках пыльную книгу, которую он мне дал, смотрел в черные колодцы его непроницаемых глаз и видел там ад. Он расхажи-

вал по комнате, как старый белый волк, попавшийся когда-то в капкан червячника. Его беспокоило что-то – возможно, то, что он отдал мне книгу. Он слегка прихрамывал и потирал на ходу правое бедро. Он казался одновременно злым и добрым, одиноким и ожесточившимся в своем одиночестве. Вот человек, думал я, который никогда не знал покоя ни днем ни ночью, старый-престарый человек, обойденный любовью, отмеченный войной, обожженный обратившимися в пепел мечтами. Он наделен громадной жизненной силой, и в конце концов его пыл и любовь к жизни привели его к извечному парадоксу существования. Он так любит воздух, которым дышит, и биение собственного сердца, что позволил естественному отвращению к смерти разрушить его живую жизнь. Он слишком много думает о смерти. Говорят, что он однажды своими руками убил человека, чтобы спасти собственную жизнь. Ходят слухи, что он пользуется непентесом, чтобы облегчить ужас уходящего времени и забыть хотя бы ненадолго боль прошлого и злобный рев настоящего. Я смотрел на глубокие линии его хмурого лица и думал, что эти слухи, очень возможно, правдивы.

– Не понимаю, – сказал я со смехом, – каким образом книга стихов может спасти мою жизнь.

Он остановился у окна, глядя на меня с невеселой улыбкой, сцепив за спиной большие, с набухшими венами руки.

– Я скажу тебе о Тверди то, чего больше никто не знает. Она питает склонность ко многому в человеческой культуре, но больше всего любит древнюю поэзию.

Я снова опустился на стул, не смея спросить, откуда ему известно о любви Тверди к человеческой поэзии.

– Если ты выучишь эти стихи, она, быть может, не прихлопнет тебя, как муху.

Я поблагодарил его, не зная, что еще сказать. Лучше было не сердить этого немного свихнувшегося старца. Я даже перелистал книгу, притворяясь, что заинтересован бесконечными строками черных букв. Где-то посередине книги, в которой было тысяча триста сорок девять ветхих страниц, я увидел слово, которое узнал. Оно напоминало мне, что Хранитель – человек не из тех, над которыми можно смеяться. Однажды, когда я был юным послушником, горологи поймали демократа, выжигавшего лазером *слова* на белом мраморе башни. Хранитель – я помню, как вздулись тогда мускулы у него на шее – приказал сбросить беднягу с башни во искупление двойного преступления: истребления красоты и навязывания своих идей другим. Варварство, конечно. По канонам нашего Ордена единственное преступление, за которое полагается смертная казнь, – это слеллинг. (Слеллеров, пойманных на похищении чужой ДНК, обезглавливают – это один из немногих старинных обычаев, эффективных и милосердных одновременно.) Мы считаем, что изгнание из нашего прекрасного Города служит достаточно суровым наказанием за все прочие провинности. Но почему-то Хранитель, увидев надпись СВОБОДА, выжженную над входом в башню, рассвирепел и выискал в девяносто первом каноне пункт, позволивший ему, как он утверждал, отдать упомянутый приказ. «Кара должна соответствовать преступлению», – гласил этот пункт. Крамольная надпись и теперь красуется над входом в башню, напоминая не только о том, что свобода – отмершее понятие, но и о том, что жизнь наша зависит от весьма капризных, не подвластных нам сил.

Мы поговорили немного о силах, правящих вселенной, и о нашем поиске. Когда я выразил свое волнение по поводу возможной находки Старшей Эдды, Хранитель, противоречивый как всегда, с гримасой запустил пальцы в свои белые волосы и сказал:

– Я не так уж уверен, что желаю спасти человечество. Я сыт людьми по горло – возможно, часы тикали достаточно долго и пора их остановить. Пусть себе Экстр взрывается от Веспера до Нварта. Спасение! Да ведь жизнь – это ад, и нет от него спасения, кроме смерти, что бы там ни говорили Подруги Человека. – Я ждал, когда он выдохнется, но он еще долго разглагольствовал о разлагающем влиянии, оказываемом пришельцами-миссионерами и чуждыми религиями на человеческий род.

За окном давно уже стемнело, когда он хватил себя кулаком по бедру и рывкнул:

– Насрать мне на Эльдрию! Раз уж они превратили себя в богов и влезли в свою черную дыру, то могли бы оставить нас в покое. Человек есть человек, а боги есть боги, и цели у нас разные. Но ты дал свою дурацкую клятву, поэтому ступай ищи их, или их знаменитую Эдду, или что ты там намереваешься найти. – Он вздохнул и добавил: – Только будь осторожен.

Не странно ли, как часто самые мелкие события и самые незначительные решения меняют всю нашу жизнь? Простившись с Хранителем, я спустился с башни и еще раз посмотрел на книгу, которую он мне дал. Стихи! Целая книга нелепых старинных стихотворений! Я долго стоял на темной ледянке, думая, не бросить ли мне эту книгу в камин у себя в комнате, размышляя о случае и о судьбе. Потом с Зунда подул ледяной сырой ветер, пробрав меня холодом смерти – тогда я еще не знал, чьей. Ветер гнал по льду снег, который жалил мне лицо и бил в окна башни. Шорох снега по стеклу заглушался колокольчиками, подвешенными к башенным карнизам. Пожав плечами, я натянул на голову капюшон камелайки. Хранитель хочет, чтобы я прочел книгу? Хорошо, я прочту ее.

Озябшими руками я уложил ее в заплечную сумку и покатил по дорожке. Бардо и другие мои друзья ждали меня с прощальным обедом – я проголодался и продрог.

Почти всю мою последнюю ночь в Городе я только и делал, что прощался. В одном из фешенебельных ресторанчиков Хофгартена был дан обед в мою честь. Катарина, по обычаю скраеров, не стала желать мне удачи, сказав, что моя судьба записана в моей истории, что бы это ни означало. Бардо, как и следовало ожидать, то рыдал, то ругался. Он приобрел извращенное пристрастие к подогретому пиву и вливал в себя невероятное количество этой пенистой желтой жидкости, чтобы разогнать страх перед будущим. Он произносил тосты и читал сентиментальные вирши собственного сочинения. Потом он запел, но Шантало Асторет, тонкий ценитель музыки, указал ему, что пьяный он поет далеко не так хорошо, как обычно. Наконец он плюхнулся на стул и взял меня за руку.

– Это самый печальный день в моей проклятой жизни, – объявил он и тут же уснул.

Мать тоже сказала нечто подобное и едва удержалась от слез. (Но уголок ее рта подергивался, как всегда, когда она испытывала сильные эмоции.) Скорбно заломив свои темные брови, она говорила:

– Соли отменил твою клятву только потому, что твоя мать обратилась с мольбой к Хранителю Времени. И так-то ты меня отблагодарил? Ты разбиваешь мне сердце.

Я не стал повторять ей то, что сказал мне Хранитель. Незачем ей было знать, как легко он раскусил ее ложь. Она надела свою поношенную шубу, серую и блестящую в местах, где шегшее мех вытерся, и засмеялась по-своему, тихо – словно над шуткой, известной ей одной. Я думал, она так и уйдет, ничего больше не сказав, но она поцеловала меня в лоб и прошептала:

– Возвращайся ко мне. К своей матери, которая тебя любит и душу отдаст за тебя.

Я вышел из ресторана перед рассветом (в ту ночь я не сомкнул глаз) и покатил по пустой Поперечной на Крышечные Поля. Там, у подножия Уркеля, даже в эти холодные утренние часы все дорожки и платформы были забиты санями, ветрорезами и прочим транспортом. Лед сотрясался от гула, и в воздухе мелькали красные хвосты ракет. На ясном утреннем небе розовели перистые инверсионные следы – это было очень красиво. Мне часто приходилось бывать здесь по делу в это время дня, но раньше я почему-то не замечал этой красоты.

За Полями открывалась Пещера Тысячи Кораблей – полмили выплавленного скального грунта. На самом деле в ней не было тысячи кораблей – и не было со времен Тихо, – но их было больше, чем мог охватить взгляд. Ближе к середине восьмого ряда стоял мой «Имманентный». Когда я обсуждал с программистом в оливковой одежде разные мелкие усовершенствования в эвристике и парадоксальной логике моего корабля, кто-то позвал меня по имени. Я посмотрел

вдоль ряда блестящих корпусов и в слабом свете флуоресцирующего лишайника, покрывающего стены Пещеры, увидел высокую фигуру.

– Ну что, Мэллори, – произнес голос, вызвав гулкое эхо, – пришла пора прощаться? – Гремя сапогами по ступенькам настила, человек подошел поближе, и я разглядел его как следует, высокого и мрачного, одетого в черную шерсть. Это был Соли.

Программист, мастер Рафаэль, тихий, застенчивый человек с базальтово-черной кожей, поздоровался с ним и поспешил оставить нас.

– Красавец, – сказал Соли, разглядывая узкий нос и скошенные вперед крылья моего корабля. – Ничего не скажешь, красавец – стройный и хорошо сбалансированный. Но душа легкого корабля помещается внутри, не так ли? Главный программист сказал мне, что ты уделял повышенное внимание логике Гилберта – с чего бы это, пилот?

У нас завязался обычный пилотский разговор. Мы обсудили парадоксы гилбертовой логики и выбор, остановленный мной на идеопластах мастера Джафара.

– Он был великий знакопокклонник, – сказал Соли, – но его представление омега-функции Джустерини несколько избыточно, не так ли?

Он предложил несколько подстановок, значительно упрощавших поиск, и я, не в силах скрыть удивление, спросил:

– Почему вы мне помогаете, Главный Пилот?

– Помогать молодым пилотам – мой долг.

– Я думал, вы хотите, чтобы у меня ничего не вышло.

– Откуда ты можешь знать, что у меня на уме? – Он потер виски и заглянул в открытую кабину моего корабля. Мне показалось, что он волнуется и чувствует себя неловко.

– Но ведь вы сами спровоцировали меня дать эту клятву.

– Да неужели?

– А потом освободили меня от нее. Почему?

Он погладил корабль, почти как женщину, и не ответил, а спросил меня сам:

– Так ты действительно отправляешься в Твердь?

– Да, Главный Пилот, – как и обещал.

– Ты делаешь это по доброй воле?

– Да, Главный Пилот.

– Возможно ли это? Ты полагаешь, что способен действовать по собственной воле? Что ты на это способен? Экое самомнение!

Я не понимал, куда он клонит, поэтому привел обычную отговорку:

– Холисты учат, что противоречие между свободной волей и вынужденным действием есть ложная дихотомия.

Он потянул себя за подбородок и сказал:

– Да кто их слушает, этих холистов с их никчемным учением? Вопрос в другом: обрекаешь ты себя на смерть по собственной воле или все это свалят на твоего Главного Пилота?

Разумеется, я винил его – винил с такой яростью, что желчь жгла мне желудок и огнем бежала по венам. Мне очень хотелось высказать ему свои обвинения, но я устался на его отражение в блестящем боку корабля, на его руку в черной перчатке, лежащую на корпусе, и промолчал.

Он убрал руку, потер нос и сказал:

– Когда твое время придет и перед тобой встанет выбор, обвинить меня или нет, вспомни, пожалуйста, что ты сам себя вовлек в эту западню.

Мышцы у меня напряглись, и я, не задумываясь, стукнул кулаком по блестящей черноте корпуса там, где отражалось его лицо, чуть не раздробив себе костяшки.

– Меня ждет не западня, а успех. – Я процедил это медленно, чтобы не заорать от боли. Я не мог смотреть на него, на его длинный нос и черные, пронизанные рыжиной волосы.

Он наклонил голову и произнес:

– Мы все в конце концов терпим поражение, не так ли? До свидания, пилот, желаю тебе удачи. – Он повернулся и пошел прочь, в глубину Пещеры.

Не так уж много мне осталось рассказать про это злосчастное утро. Мастер Рафаэль вернулся с обычным составом специалистов, кадетов и послушников, участвующих в проводах пилота. Цефик в оранжевой одежде прижал мне большие пальцы к вискам и долго изучал мое лицо, проверяя, не болен ли я. Кадеты-технари посадили меня в темную кабину, городок опечатал корабельные часы. И так далее. По прошествии, как мне показалось, нескольких дней (мое чувство времени уже подверглось искажению), я, как выражаются мастер-пилоты, «сопргся со своим кораблем», то есть вступил в контакт с его сложной нервной системой. Теперь у меня было два мозга – точнее сказать, мой живой биологический мозг соединился с кораблем. Мелкая реальность зрения, слуха и прочих чувственных ощущений уступила место высшей реальности мультиплекса. Я погрузился в холодный океан чистой математики, в царство порядка и смысла, лежащее под хаосом повседневного пространства, и Пещера Тысячи Кораблей перестала существовать.

Мне предстояли еще полные нетерпеливого ожидания минуты, пока корабль поднимали на поверхность, предстояло скучное время прохода сквозь атмосферу и выхода в сгущение над нашей ледяной планетой. Я проложил маршрут, и окно в мультиплекс открылось передо мной. Затем наше солнце, маленькая желтая звезда, исчезло, и я оказался среди безбрежности огней, красоты и ужаса, оставив Невернесс и свою юность далеко позади.

4. Цифровой шторм

В начале, конечно же, был Бог. А от Бога родилась Старшая Эльдрия, светоносные существа, которые сами были как Бог – за тем исключением, что было время, когда их не существовало, и будет время, когда они перестанут существовать. От Старшей Эльдрии родилась просто Эльдрия, раса, похожая на старую, но уже облеченная плотью. Эльдрия заселяла нашу галактику, как, возможно, и еще многие галактики, своей ДНК. На Старой Земле из этого божественного семени развились примитивные водоросли и бактерии, планктон, разные виды плесени, черви, рыбы и так далее, пока человек-обезьяна не слез с дерева на одном из континентов. От человека-обезьяны произошел нещерный человек, очень похожий на совершенного, однако не имеющий власти прекратить собственное существование.

И наконец, от нещерного человека произошел просто Человек, у которого достало ума и глупости взять себе четырех жен: Бомбу, Вычислительную Машину, Пробирку и Женищину. Хорти Хостхох, «Реквием по хомо сапиенс».

Невозможно описать то, что не поддается описанию. Слова по определению не могут вызвать то, для чего слов не существует. Сказав это, я попытаюсь объяснить, что случилось со мной после, в моем путешествии по безыманным каналам мультиплекса.

Я шел вдоль сверкающего спирального рукава Стрельца, уверенно пронзая линзу Млечного Пути, хотя порой был вынужден закладывать обратные петли: я двигался к ядру галактики, к адскому пламени центрального скопления. Я знал, что эта часть моего пути будет легкой, потому что пользовался каналами, давным-давно открытыми Тихо и Джемму Флоуто. Легко шагнуть от красного гиганта наподобие Глорианы Люс к одной из жарких голубых звезд Малого Морбио, если расположение соответствующих фокусов этих двух звезд давно известно (и доказано, что они соединяются напрямую). Настолько легко, что канторы окрестили эти изученные каналы звездными туннелями – в отличие от той части мультиплекса, которая остается и, возможно, навсегда останется белым пятном. Я уточняю, что в начале своего путешествия двигался по туннелям и перескакивал от окна к окну, от звезды к звезде, спеша добраться до Тверди.

Почти все это время я свободно парил в своей затемненной кабине. Некоторые боязливые и неудачливые пилоты, которые водят тяжелые корабли и лайнеры по коммерческим туннелям, утверждают, что кабина – это не святилище, где ты погружаешься в глубины своего разума, а ловушка, черный металлический гроб. Для меня кабина «Имманентного» была словно мягкий уютный шлем, покрывающий не только голову, но и все тело. (Во времена Тихо шлем корабельного компьютера действительно надевался пилоту на голову – и запускал протеиновые щупальца ему в мозг, как и шлемы акашиков.) В моем путешествии по близлежащим звездам нейросхемы, вживленные в темную скорлупу кабины, голографически моделировали функции моего мозга и тела. Более того, они подавали образы, импульсы и символы прямо в мой мозг. Миновав Наширскую Триаду, я сопрягся с компьютером и стал «разговаривать» с ним. Я слышал беззвучный гул корабельных двигателей, пожирающих пространство-время и открывающих окна в мультиплексе, видел пламя далеких туманностей и доказывал свои теоремы – все это благодаря компьютеру и его нейросхемам. Такое сопряжение моего мозга с кораблем делало меня могущественным, но оно не было совершенным. Порой информация, поступающая в разные мозговые центры, перепутывалась: я чувал запах молодых звезд Саролты и слышал, как пурпурно звучат решаемые уравнения. Для распутывания этих несоответствий

холисты изобрели дисциплину, именуемую холлингом; мне еще не раз придется рассказывать о дисциплинах, предназначенных для умственной подготовки пилотов.

Я вошел в Трифиду – небольшую туманность, где юные горячие звезды излучали волны голубого света. Когда мой корабль выпадал в реальное пространство близ одной из звезд, казалось, будто вся туманность светится от красных облаков водорода. Стремясь поскорее попасть в соседнюю туманность, Лагуну, я пересек Трифиду от окна к окну так быстро, что мне пришлось прибегнуть к замедленному времени. Это было парадоксальное состояние. Пока компьютер во много раз ускорял мой обмен веществ и работу моего мозга, время, наоборот, растягивалось, как резина. Секунды превращались для меня в часы, а часы в годы. Такой процесс был необходим, иначе быстро мелькающие звезды не оставили бы мне времени на определение изоморфизмов и на доказательство теорем. Я мог бы попасть в фотосферу голубого гиганта или вляпаться в бесконечное дерево – да мало ли как еще можно погибнуть.

В конце концов я прошел в Лагуну и был ослеплен ее огнями (некоторые из них принадлежали к самым ярким объектам галактики). Близ звездного скопления под названием Бластула Люс я вычислил долгий маршрут к Туманности Розетты в рукаве Ориона. Затем проник в Бластулу и вышел в сгущение в ее почти пустой центральной части. Оно называется Гущей Тихо и намного уступает плотностью тому, что расположено близ нашей планеты, но все же в нем имеется много точек входа, связанных с точками выхода в Туманности Розетты.

Я нашел одну такую точку, теоремы вероятностной топологии возникли перед моим внутренним взором, и маршрут был определен окончательно. Окно в мультиплекс открылось, и звезда, на орбите которой я находился, уродливый красный гигант, названный мной Красным Башмаком, исчезла. Я парил в кабине, гадая, сколько времени у меня уйдет на дорогу от Лагуны до Розетты, и задумываясь, далеко не в последний раз, над любопытнейшей природой того, что мы называем временем.

В мультиплексе нет пространства, а значит, нет и времени. Точнее сказать, внешнего времени. Внутри моего корабля существовало корабельное время – но только не реальное время окружающей нас вселенной. Поскольку мой путь до Розетты мог оказаться долгим и скучным, я часто прибегал к успокаивающему мозг ускоренному времени. Все умственные процессы делались медленными, как ползущий ледник, а время летело быстро. Годы превращались в часы, и долгие периоды скучного ничегонеделания уменьшались до мгновений, равных одному удару сердца.

Затем быстрое время мне надоело, и я решил, что с тем же успехом могу одурманить свой мозг сном или наркотиками. Большую часть моего путешествия я провел в более-менее нормальном бодрствующем состоянии корабельного времени, изучая книгу, которую дал мне Хранитель. Я учился читать, и это был болезненный процесс. Древний способ представления звуков отдельными буквами был крайне неэффективным средством кодирования информации. Просто варварским. Я выучил глифы массива, известного как алфавит, и научился выстраивать их линейно – линейно! – чтобы формировать слова. Поскольку книга состояла из стихов, написанных на нескольких древних языках Старой Земли, мне пришлось выучить и эти языки тоже. Это было самой легкой из моих задач, так как мой речевой центр и память были непосредственно связаны с компьютером. (Староанглийский, на котором были написаны некоторые стихи, я выучил первым делом, ибо мать давно настаивала, чтобы я им занялся.)

Научившись сканировать буквенные строки, бегущие по старым желтым страницам, я обнаружил, что мне не обязательно произносить мысленно каждую букву и что я могу воспринимать смысловые единицы слово за словом. К изумлению своему я открыл, что так называемым чтением заниматься приятно. Приятно держать в руках затертый кожаный переплет, приятно водить глазами по черным символам, представляющим слова в произнесенном некогда виде. Как это, в сущности, оказалось просто – читать! И каким странным показался бы я дру-

тому пилоту, если бы он увидел меня за этим занятием! Я парил в кабине, держа перед собой книгу, и водил глазами слева направо, слева направо по высохшим от времени страницам.

Но самое большое удовольствие доставили мне сами стихи. Для меня явилось откровением, что древние, ничего не ведавшие о пространстве-времени и бесконечном разнообразии жизни, наполняющей нашу вселенную, о тайне жизни знали не меньше – или не больше, – чем мы. При всей простоте и смелости их восприятия они, как мне казалось, часто даже более глубоко воспринимали ту часть реальности, которая доступна каждому человеку. Их стихи были как неотшлифованные драгоценные камни; их наполняла звучная, чувственная, варварская музыка; они заставляли кровь бежать быстрее и вызвали перед глазами картины недостижимых звезд и холодных северных морей. Были там короткие афористические стихотворения, призванные сохранить краткие и печальные (но прекрасные) мгновения жизни – так бабочка сохраняется в толще ледника. Были стихи, занимающие полные страницы, – они повествовали о жажде человека к убийству и кровопролитию и воспевали моменты чистого героизма, когда человек чувствует, что его жизнь должна слиться с жизнью вне его.

Я особенно полюбил стихотворение, которое Хранитель Времени прочел мне в тот день перед отлетом. Я помнил, как он расхаживал по башне, сжимая кулаки, и декламировал:

Тигр, о тигр, горящий яро
Жадным заревом пожара!
Кто смел замыслить эту стать –
Слаженных изгибов рать?⁴

Я перечитывал стихи снова и снова. Через некоторое время я уже мог повторить некоторые из них, не заглядывая в книгу. Я читал их вслух, пока они не зазвучали внутри и я не начал слышать их сердцем.

Так я достиг Туманности Розетты, лежащей на краю расширяющегося скопления взрывающихся звезд, известного как Экстр. Посмотрев на пылающий Экстр, полный света, погибших звезд и космической пыли, я услышал внутри:

Звезда упадет и другая,
Но сколько б ни пало их впредь,
На пологе неба, я знаю,
Не станет их меньше гореть.

(Говоря, что я посмотрел на Экстр, я, конечно, имею в виду модель Экстра, созданную кораблем в моем мозгу; в реальном пространстве Розетту отделяет от Экстра несколько световых лет, и свет взрывающихся звезд еще не дошел до нее.)

Розетта по контрасту с безобразием гибнущего Экстра была прекрасна. Это гигантское чрево, рождающее звезды, которые излучали столь бурную энергию, что выжгли всю туманность изнутри, оставив ее полой, как утыканная рубинами и алмазами яичная скорлупа. У Шивы Люс, ярчайшей из всех этих великолепных розовых световых сфер, я начал первый маршрут из серии, долженствующей привести меня к порогу Эты Киля и Тверди.

Я шел по старейшему пути человеческого роения и выходил из мультиплекса у звезд, чьи планеты были густо населены людьми (и существами, стоящими чуть ниже или чуть выше человека). Старые планеты наподобие Скалы Ролло, Ваканды и Веспера я старался миновать как можно быстрее. А также Нварт и Охру, Фарфаду и Фостору, где, как говорили, люди давно научились совмещать свои индивидуальности с компьютерами. (Говорили также, что

⁴ У. Блейк, «Тигр».

фосторские женщины, возмущенные противоестественным внедрением человеческого разума в машины, погрузились на тяжелые корабли и нашли себе новую планету, которую назвали Лешуа. Там они основали старейший из матриархатов. Историк Бургос Харша, однако, объясняет его происхождение по-другому. Он полагает, что Лешуа колонизировали девицы брачного возраста с взбунтовавшегося лайнера, который вез их в солнечные купола Небесных Врат. Кто знает, как все было на самом деле?)

Долгое время спустя я оказался в той части туннелей, которую почти не затронули ни вторая, ни третья волна Роения. Здешние планеты – Фрипорт, Новая Земля и Каарта в том числе – были заселены задолго до того, как человек начал формировать для себя законы цивилизации. Здесь люди, манипулируя со своей ДНК, придавали своим телам самые жуткие формы, чтобы приспособиться к новым условиям обитания, – так сверлящий червь приспосабливается к дыре, которую прогрызает в живом черепе.

За желтой звездой Даррейн Люс началась область, для которой проторенных маршрутов не существовало. Моей задачей, как пилота, было проложить новые маршруты, установить изоморфизмы и доказать мои теоремы – или умереть. Кадетом я уже прокладывал новые пути близ нашего маленького солнца, но не в таком количестве и не так далеко от дома.

Поначалу все шло легко. С помощью дзадзена, особого рода медитации, я освободил свой ум от всего, кроме математики, открыв себя изгибам и внезапным деформациям мультиплекса. Вокруг меня складывались и разворачивались пространства самых разных метрик. Я испугался, оказавшись в псевдотороиде, но с помощью одной теоремки сумел разобраться в его извилистых каналах, грозивших меня поглотить. «Верующий в науку математик должен использовать свою волю, чтобы проникнуть в суть образа», – говорят канторы. Моя воля поначалу была сильна и крепла все больше с каждым удачным маршрутом. Но в шестидесяти восьми звездах от Даррейн Люс я угодил в то, что с первого взгляда счел довольно простым сгущением. Тогда меня прямо распирало от гордости!

Это оказалось нечто совсем другое. Точки входа здесь действительно сидели густо, как вши на голове хариджана, но я никак не мог найти соответствующих им точек выхода в лежащей передо мной туманности – в туманности, именуемой Твердью. Я не понимал, почему это так. Невозможность проложить туда маршрут превышала всякую вероятность. Поскольку дальше идти было нельзя, я вышел в реальное пространство над окруженной кольцами планетой. Чувствуя себя одиноким и потерянным, я назвал ближайшую к сгущению слабую желтую звезду Пердидо Люс⁵. И поклялся одолеть эту чащобу, даже если она отнимет у меня сорок дней реального времени.

Не знаю, сколько я потратил личного времени, блуждая между окнами сгущения, – уж точно больше, чем сорок дней. Это было поистине странное место, изобилующее нулевыми точками и вложенными пространствами. Часто я испытывал трудности с фиксацией точек, часто, пробравшись от одного темного окна к другому, обнаруживал, что они образуют замкнутый круг. Общепринятые правила межоконных коммуникаций здесь как будто не действовали. Я зарегистрировал около шестидесяти четырех тысяч точек входа, но ни одна из них не могла связать меня с другой среди звезд Тверди. Я то смеялся так, что чуть челюсти себе не вывихивал, то в отчаянии кусал губы, чувствуя солоноватый вкус крови. Само существование этого невероятного сгущения подрывало мою веру в правильность Великой Теоремы. Я был почти уверен, что между Пердидо Люс и Твердью в самом деле нет ни одного маршрута, и уже готов был сдаться, как вдруг наткнулся на одно красивое дискретное множество точек входа, и все они оказались связаны с одной белой звездой во внешней оболочке Тверди. Мне оставалось только вычислить маршрут и открыть окно, чтобы стать первым за пятьсот лет пилотом, дерзнувшим проникнуть в неверные взвихренные пространства живой туманности.

⁵ Perdido (исп.) – потерянный, заблудший.

Я проложил этот маршрут и вышел из мультиплекса у белой звезды. Так вот она, эта туманность, терроризировавшая пилотов моего Ордена. Не так уж она и страшна. Я твердил себе, что бояться нечего, – но, глядя на светящиеся водородные облака, не питал на этот счет уверенности. Туманность казалась мне темной и странной. В ней было меньше звезд, чем я полагал, – пожалуй, не более ста тысяч. Слишком плотная космическая пыль затемняла даже близкие из них. Зерна графита и силикатов, льдинки и частицы железа рдели, отражая тусклый звездный свет. Некоторые обломки были так огромны, что казались скорее фрагментами раздробленных планет. Но зачем стала бы Твердь разрушать планеты? Чтобы обеспечить пищей – дополнительной массой – свои пресловутые мозги размером с луны? Что лишило планет почти каждую звезду, мимо которой я проходил, – Она или какое-то другое явление, естественное, хотя и губительное?

Механики говорят, что разум способен искривлять и формировать ткань пространства-времени. Теперь я знаю, что это правда. Направившись к сердцу Тверди, я стал замечать в мультиплексе внутри нее легкие перемены. Слишком часто я возвращался назад по своим каналам. Однажды я подумал, что попал в бесконечную петлю, как змея, заглатывающая собственный хвост; я боялся умереть от старости или сойти с ума среди этих неподдающихся пониманию каналов, пронизывающих во всех направлениях неизвестную часть мультиплекса. В другой раз я потерял смысл теоремы, которую доказывал. В нормальных условиях такой мимолетный подвох памяти ничего бы не значил, но я находился посреди невероятно сегментированного пространства – такого я еще не встречал. Я стал менять свою обычную последовательность окон, испытывая странное чувство, что это сама Твердь возмущает пространство передо мной, что она экзаменует меня по математике, экзаменует как пилота и человека.

Сегментированное пространство внезапно распалось, и я оказался в реальном пространстве, чуть не угодив в гравитационный колодец нейтронной звезды. Вокруг была сплошная чернота, в которой плавали какие-то необычные глобулы черной материи около полумили в диаметре. Эти черные тела – их были миллионы – создала, должно быть, Твердь. Я мог лишь предполагать, что это такое. Они были так черны, что не отражали ни молочного света звезд, ни иной радиации, и их присутствие угадывалось лишь по гравитационному полю. Полю очень сильному, хотя и не настолько, как у нейтронной звезды, вокруг которой они кружили. Я не мог понять, почему их не засосало в ее гравитационный колодец.

Возможно, они состояли из искусственно созданной материи, как-то регулирующий поток информации внутри Тверди? А может, это были тахионные машины или какие-то другие устройства для генерации частиц, путешествующих со сверхсветовой скоростью? Или они представляли собой раковые опухоли, сгустки дикой нестабильной материи, оставшиеся от экспериментов Тверди, меняющей вселенную по своей прихоти? Этого я не знал. Возможно, эсхатологи заблуждаются и мозг Тверди состоит из тел гораздо мельче, чем луны. Возможно, в этот самый момент я смотрю на вместилище разума богини.

У меня не было времени задумываться над этим потрясающим открытием, поскольку магнитное поле звезды – в тысячу миллиардов раз сильнее, чем у Ледопада – разрушало мой корабль. Надо было срочно прокладывать новый маршрут, пока меня не разнесло на куски. Я ушел в мультиплекс наугад, и мне повезло, что я не напоролся на бесконечное дерево решений.

Встречались мне и другие опасности, о которых упоминать не стану. И чудеса тоже. Первую из долей мозга Тверди я обнаружил в том районе туманности, где мультиплекс изобилует сквозными каналами и точками входа, связанными со всеми прочими ее частями. Там была звезда, излучавшая свет мерными всплесками каждые девять десятых секунды. Этот маленький пульсар напоминал мне маяк на горе Аттакель, отводящий ветрорезы от ее темных замерзших скал, только звезда была гораздо, гораздо ярче. Она пульсировала энергией тысячи солнц в такт моему сердцебиению, каждым импульсом освещая серебристую луну, кружащую по орбите в полумиллиарде миль от нее. Я видел это через телескопы моего корабля, бывшие

моими глазами и ушами. Я смотрел, как сказочный лунный мозг Тверди поглощает энергию, вращается вокруг оси и думает свои неразгаданные думы – или чем там еще богиня заполняет свое существование?

Что делает Твердь со всей этой энергией, оставалось, разумеется, тайной. Но расправлялась она с ней быстрее, чем голодный хибакуся⁶ – с миской молока. Говоря о своем невежестве, я должен упомянуть, что не знал, действительно ли мозг Тверди состоит из твердого вещества или его скрепляет воедино какая-то искусственная материя. (При этом я думал о черных телах, которые видел у нейтронной звезды.) Ее мозг явно не был твердотелен в том смысле, что не состоял из кристаллов кремния, германия или других полупроводников. Когда-то, во времена правления Тисандера Недоверчивого, эсхатологи обнаружили возле Двойной Ауда мертвый галактоид. Анатомировав эту луну – на самом-то деле она была величиной с большой астероид, – они нашли биллионы слоев ультратонких органических кристаллов, сложнейшее белковое кружево, реагирующее на электрический ток. Это кружево очень походило на нейросхемы, наращиваемые технарями внутри легких кораблей, но намного превышало их сложностью. Поэтому программистам так и не удалось расшифровать ни одну из программ этого мозга – даже простые программы выживания, которым полагалось быть жестко вписанными в белковые цепи. Цель жизни (и причина смерти) того мозга осталась такой же загадкой, как и деятельность этого, живого, двигающегося по орбите вокруг пульсара.

Я продолжил маршрут и вышел в реальное пространство в полумиллионе миль от луны. Я провел какие только мог анализы, но мало что выяснил относительно ее состава. Однако в том, что это действительно мозг, а не естественная луна, я не сомневался. Естественная луна не могла быть такой безликой и безкратерной. Поверхность у нее была гладкая и шелковистая, словно кожа жакарандийской шлюхи. А мультиплекс около нее, как я уже говорил, был так искривлен, что это могло объяснить только присутствие некоего разума громадного размера. Но какова природа этого разума? При всем своем отчаянном желании узнать это я не мог рассматривать всерьез возможность высадиться на поверхности луны и взять пробу из ее ядра для анализа. Это было бы грубое варварство, к тому же бесполезное – все равно что запустить сверло в розовый мозг аутиста, пытаясь составить карту его фантазий. Да и опасность подобного предприятия не укладывалась в воображении. Я понимал, что мне и так уже посчастливилось выжить в мультиплексе. Я поступал достаточно глупо уже потому только, что возмущал покой Тверди, как она сама возмущала мультиплекс одним своим присутствием. Не может же мне везти постоянно.

Мне следовало тогда же повернуть домой. Я исполнил свою клятву, проник в Твердь и нанес на карту по крайней мере часть Ее. Не надо было пытаться вступить с Ней в контакт. Что такое человек, чтобы лезть с разговорами к богине? Мне казалось глупым бомбардировать луну несущими информацию лазерными лучами, посылать на ее серебристую поверхность радиоволны со своими вопросами и кодированными приветствиями корабельного компьютера – но я все равно это делал. Человек хотя бы раз в жизни должен рискнуть всем, чтобы познать нечто выше себя самого.

Но Твердь, похоже, даже не подозревала о моем существовании. Для Нее мои лазерные лучи были, видимо, так же незаметны, как для человека единственный фотон, чпокнувший о его мозолистую ладонь. А радиоволны казались каплями в море волн, излучаемых пульсаром. Я был для Нее ничем, но стоило ли впадать из-за этого в отчаяние? Разве я сознаю присутствие какого-нибудь вируса, копошащегося в капиллярах моего мозга? Но ведь вирус не имеет сознания, возражал я себе, тогда как я – человек, наделенный самосознанием. Ведь должна же богиня как-то заметить это постороннее сознание? Должна же понять, что я здесь?

⁶ Хибакуся – пострадавший от ядерного взрыва в послевоенной Японии.

Напрасно, конечно, я так думал – но я никогда не отличался смирением. Это один из худших моих пороков. Однако при всем своем тщеславии я понимал, что мне не дано постичь этот фантастический, блистающий, чуждый разум. Я благоговел перед Ней – по-другому не скажешь. С помощью лазера я измерил диаметр лунного мозга и обнаружил, что он насчитывает тысячу сорок миль от полюса до полюса. Если бы я мог увеличить собственный мозг в триллион раз, а потом еще в биллион и скрепить всю эту липкую розовую массу воедино, то все равно не сравнился бы с Ней. Я сознавал, что каждый бит в ее нейросхемах движется в миллион раз быстрее, чем мои ленивые нейроны, и что внутри туманности, вокруг ярких звезд за десятки световых лет от меня, плавают, возможно, миллионы таких же лунных мозгов – и все они пульсируют мощным разумом, и все связаны между собой неведомыми путями сквозь приливную зыбь космоса.

Будучи любопытным и убежденным в собственном бессмертии, как все молодые люди, я решил составить более подробную карту Тверди. Выйдя в реальное пространство у жарких красных звезд-гигантов, я открыл еще множество лунных мозгов. Мультиплекс здесь был искривлен и до безобразия сложен. Я то и дело входил в опасные деревья решений и сегментированные пространства, еще более причудливые, чем то, первое. Во время этого долгого путешествия в глубь Тверди я впервые уверился в своем пилотском искусстве и по-настоящему почувствовал себя пилотом. Порой я бывал излишне уверен и даже бесшабашен. Есть ли еще хоть один пилот, думал я, способный обучиться столь многому в столь короткий срок? Мог бы Томот, Лионел или любой другой мастер-пилот пройти псевдотороид столь же изящно, как я?

Жаль, что здесь нет места, чтобы каталогизировать все чудеса этой уникальной туманности – они заморозили бы многих, помимо астрономов нашего Ордена. Самым удивительным из моих открытий, не считая самой туманности, стала планета под названием Камилюза, которую я обнаружил у красной звезды – так назвал ее не я, а живущие на планете люди. Люди! Откуда они там взялись? Прошли через мультиплекс, как и я? Не были ли они потомками Тихо, Эрендиры Эде и других пилотов, пропавших в Тверди? Меня поразило то, что люди живут в мозгу у богини. Это было как-то неправильно. Они казались мне паразитами, питающимися светом их кровавого солнца, какими-то сверкающими червями, прогрызшими ходы в мозгу неизмеримо высшего существа.

Приветствовав их по радио, я совершил посадку на одном из широких западных пляжей островного континента Сендаи. Было очень тихо, и я открыл кабину. Жаркий красный диск солнца висел надо мной, и птицы, похожие на снежных чаек, ныряли в поток влажного ветра, пахнущего водорослями и другой растительностью. Все вокруг, включая и воздух, казалось чересчур зеленым.

Должно быть, для голых людей, усеивающих дюны, я представлял собой очень странное зрелище в своих черных сапогах и камелайке. За время путешествия у меня отросла борода, и я немного сбавил в весе из-за недостатка упражнений. Я поклонился присутствующим, и мускулы спины задрожали от напряжения. Само собой, я попросил разрешения поговорить с правителем планеты, но у них его не было – равно как мастеров, сэнсеев, матриархинь, королей, протекторов или иных лиц, которые регулировали бы их повседневную деятельность. Жители планеты были анархистами. После я узнал, что они, возможно, являются потомками хибакуса, бежавших много веков назад от иерархического ига Японских Миров. Но о путешествии через Твердь у них сохранились лишь самые смутные воспоминания. Никто не мог сказать мне, как они когда-то провели свои лайнеры сквозь окна мультиплекса, потому что никто этого не помнил. И никого это не интересовало. Они утратили это благороднейшее из всех искусств и большинство других искусств тоже. Несколько сот тысяч обитателей планеты были варварами, которые заполняли свои долгие дни тем, что ели, плавали, совокуплялись и жарились дочерна под палящими лучами красного солнца. Общество Камилюзы принадлежало к тем застойным утопиям, где роботы делают всю работу за человека, а также производят новых роботов. Хуже

того – эти люди запрограммировали свои компьютеры на управление роботами, а самое худшее – позволили компьютерам думать за них. Я провел там пять их сточасовых суток и ни разу не встретил мужчины или женщины, размышляющих о происхождении жизни или о том, куда она движется. (Хотя многие дети обладали естественным любопытством, которому вскоре суждено было увянуть.) Примечательно, что никто из них – кроме разве что компьютеров – не осознал, что Камилюза находится внутри мозга богини. Нижеследующую беседу я привожу потому, что она характерна для всех остальных, которые я вел в те удушливо жаркие дни и ночи.

Однажды вечером, на веранде одной из вилл, построенных на прибрежных дюнах, я сидел на плюшевом стуле напротив старой женщины по имени Такара. Я овладел ново западным японским диалектом достаточно, чтобы на нем разговаривать. Она была крошечной, сморщенной старушкой с редкими прядями волос на голом черепе. Как и все на планете, она ходила голой. Когда я спросил ее, почему никто здесь не интересуется замечательной конструкцией моего корабля, она сказала:

- Наши компьютеры смогут сконструировать легкий корабль, если мы захотим.
- Но смогут ли они подготовить пилотов?
- Наверное. – Она попробовала голубой напиток, который принес ей один из домашних роботов. – Но зачем это нужно – готовить пилотов?
- Чтобы летать среди звезд. Есть чудеса, которые только пилоты...
- Ну, не думаю. Все звезды похожи одна на другую, разве нет? Они дают нам свое тепло
- разве этого не достаточно? Притом ты сам признаешь, что такие путешествия опасны.
- Жить вечно все равно невозможно.
- Хай, зато возможно жить долго. Вот я, скажем, прожила... – Тут она обратилась к одному из встроенных в веранду компьютеров. Он ответил ей, и она сказала: – Я прожила пятьсот ваших невернесских лет. За это время я была молодой... – она снова справилась у компьютера, – была молодой десять раз. Молодость – это чудесно. Быть может, я повторю это еще раз десять, но только в том случае, если буду избегать опасностей. Плавать в море и без того опасно, и я больше этого не делаю, хотя роботы и отпугивают акул. Мало ли – вдруг судорога случится. Известно, что с годами опасности возрастают. Есть такое слово... как его? – Компьютер подсказал ей слово, и она продолжила: – Если я могу когда-нибудь умереть, то эта *вероятность* возрастает с каждым годом. Она *умножается*. Самый маленький риск со временем становится все рискованнее, и однажды, даже при самом минимальном риске, смерть все-таки настанет. Вот почему я никогда не выхожу со своей виллы. Когда-то я любила плавать, но мой четырнадцатый муж погиб оттого, что птица сбросила ему на голову большую раковину. Ашира – красивый был мужчина – брил себе голову, и птица, как видно, приняла ее за камень. Раковина проломила ему череп, и он умер.

Она взглянула на звездное небо, очевидно, высматривая там опасных птиц. Потом показала на автоматические лазеры, расставленные по всей веранде, и добавила:

- Но птицы мне больше не страшны.

Все, что она сказала, разумеется, было правдой. Жизнь – опасная штука. Согласно закону невезения, почти никто из пилотов – да и других членов нашего Ордена – не доживет до возраста Соли. Понятно, почему более молодые пилоты зовут его Соли-Счастливчик.

– Да, эта вселенная опасна, – сказал я, – и загадочна. Но есть в ней красота... вы сами признаете, что цените прекрасное.

– Что ты понимаешь под словом «прекрасное»? – Она положила руку между грудей, коричневых и сморщенных, как кожаные мешочки, понюхала воздух с моей стороны и дернула своим крохотным носом. Ей явно не нравился запах моей пропотевшей шерстяной камелайки. Она держала себя так, будто варваром был я, а не она, и это меня раздражало.

Я показал на сияющую луну и объяснил, что эта луна на самом деле – огромный биокомпьютер, часть мозга богини.

– Она сияет, как серебро, и это красиво, но свой блистающий интеллект она делит с миллионом других лун. Вообразите только, какие это возможности... это уже иной, высший вид красоты.

Она посмотрела на меня, как логик смотрит на лепечущего бессмыслицу аутиста, и сказала:

– Не думаю, что луна может быть компьютером. Зачем ты мне лжешь? В компьютерах ничего красивого нет.

– Я не лгу вам.

– А что ты имеешь в виду, когда говоришь «богиня»?

Когда я рассказал ей про высшие умы, как их классифицируют эсхатологи, она засмеялась.

– Ну, Бог-то, наверное, есть. Или был – не помню уже. Но верить, что луна думает, – просто сумасшествие!

Внезапно она настороженно впиалась в меня своими старыми глазами и задрожала, как лист на ветру. Сумасшедший вроде меня мог быть опасен и представлял угрозу ее долгожительству. Лазеры перевели свой прицел на меня. Такара посоветовалась с компьютером и сказала:

– Луна состоит из *элементов* – углерода, водорода, кислорода и азота.

– Это все элементы белка, а нейросхемы компьютеров часто бывают белковыми.

– Какая разница, что из чего сделано? Мир и гармония – вот что важно. А ты угрожаешь нарушить нашу гармонию.

– Я не стану здесь задерживаться, если вам это неприятно.

Мне и самому не терпелось убраться с этой удушливой планеты.

– Хай, ты должен покинуть нас. Чем дольше ты здесь остаешься, тем опаснее делаешься. Завтра, хорошо? И пожалуйста, не надо больше говорить с детьми. Они напугаются, если услышат, что луна живая.

Я покинул этих людей, предоставив им наслаждаться их удовольствиями и их декадентской гармонией. В середине долгой ночи я улетел и снова ушел в мультиплекс. Мой путь вел меня внутрь, к центру мозга Тверди. Я преисполнился еще большей решимостью найти главный узел ее разума, если таковой существует. По мере своего продвижения я открывал все больше лунных мозгов. У одной горячей голубой звезды-гиганта тысяч десять лун слились вместе наподобие эмбриона. Я испытывал острое чувство, что вижу то, что видеть не должен, – как если бы застал свою мать обнаженной во время утренней ванны. Быть может, луны таким образом размножаются? Ответа у меня не было. Я не мог заглянуть в середину их скопления, поскольку там было темно, как в черной дыре. Я знал, что идти дальше опасно, но, вдохновленный перспективой увидеть зарождение новой божественной жизни, проложил маршрут прямо туда, в середину.

Сделав это, я тут же понял, что совершил элементарную ошибку. Вместо центра лунного скопления я попал в раскидистое дерево решений. Сто каналов открылись передо мной, разветвляясь на десять тысяч более мелких. Меня замутило от страха: у меня было всего несколько секунд на выбор нужной ветви, иначе я погиб.

Я мысленно соединился со своим кораблем и погрузился в замедленное время. Мысли завихрились у меня в мозгу, как снежинки на холодном ветру, время же, наоборот, сбавило темп своего бега. Передо мной протянулось длинное-предлинное мгновение, в которое я должен был доказать особо трудную маршрутную теорему. Я должен был доказать ее со всей доступной мне быстротой. Компьютер моделировал мои мысли и питал мою зрительную кору идеопластами, которые я вызывал в памяти. Кристаллические символы, сверкая перед моим внутренним взором, сцеплялись, выстраивались в доказательство теоремы. Каждый знак был уникален в своей красоте. Теорема фокусов, например, выглядела как свернутое рубиновое

ожерелье. По мере доказательства оно соединилось с перистыми алмазными волокнами первой маршрутной леммы Лави. Моя мысль работала на полных оборотах, заставляя идеопласты застывать на месте. Замысловатые изумрудные глифы правила инвариантности, клинообразные руны сентенционных связующих и все прочие знаки складывались в трехмерную фигуру, проектируемую логикой и вдохновением. Чем быстрее я мыслил, тем быстрее, неведь откуда, возникали идеопласты, занимая свое место в конструкции. Такое преобразование символов в доказательство имеет особое название: мы именуем его цифровым штормом, ибо чисто математическое мышление затмевает все остальное, словно метель средизимней весной.

Пока цифровой шторм нес меня к моменту доказательства теоремы, я перешел в сон-время. Там я испытал неподдающееся ощущение *упорядоченности* – вся краса и весь ужас мультимедиа открылись передо мной. Цифровой шторм усиливался, ослепляя меня белым светом сон-времени. Далеко не в первый раз я задумался о природе этой временной разновидности и о том удивительном ментальном пространстве, которое мы называем мультимедиа. Что такое мультимедиа в действительности – объективная реальность, определяющая форму и состав внешней вселенной? Некоторые канторы (но не моя мать) верят в это – и верят, что при безупречно правильном использовании математики мы сможем объяснить вселенную до конца. Но канторы – чистые математики, а мы, пилоты, – нет. В мультимедиа нет совершенства, и многого мы в нем не понимаем.

Погруженный в сон-время, я осознал, что не понимаю, к какому типу относится дерево решений, в которое я попал. Я был близок к своему доказательству – мне оставалось только показать, что множество Лави есть подмножество инвариантного пространства. Но я не мог показать этого и не знал, почему. Казалось бы, что может быть проще? Дерево между тем разделилось сперва на миллион, потом на миллиард веток, и меня прошиб пот. Сон-время перешло в жуткое, безымянное состояние, которое я про себя окрестил кошмар-временем. Я понял вдруг, что множество Лави не есть подмножество инвариантного пространства. Сердце у меня заколотилось, как у охваченного паникой ребенка. С паникой пришло отчаяние, и мое доказательство начало рассыпаться, как сложенная из льдинок фигура под наступившим на нее сапогом. Я понял, что доказательства нет и маршрута к точке выхода в реальное пространство не существует. Нет мне выхода ни к одной звезде – ни к ближней, ни к дальней. Мне досталось не просто трудное дерево – я попал (или был помещен) в бесконечное дерево решений. Конечные деревья даже самого худшего вида дают пилоту возможность найти правильный выход среди миллиарда миллиардов их разветвлений, но в бесконечном дереве правильного хода нет, и оно не позволяет выбраться к теплоте солнечному свету реального пространства. Каждая его ветвь делится на десять сентиллионов других и продолжает ветвиться в бесконечность. Из бесконечного дерева выйти нельзя. Мой мозг будет распадаться синапс за синапсом, и в конце концов я начну играть пальцами собственных ног, как малый ребенок. Я сойду с ума, ослепну от цифрового шторма, навеки застыну в сон-времени и буду вечно пускать слюни в бесконечности. Я могу, впрочем, отсоединиться от своего корабля и дать своему разуму успокоиться. Тогда не будет ничего – ничего, кроме пустого черного гроба, несущего меня в ад мультимедиа.

Я понял тогда, что лгал себе. Я не был готов рискнуть всем ради встречи с богиней и не был готов встретить смерть. Да, я выбрал свою судьбу добровольно и мог винить лишь себя и свою глупую гордость. Последней моей мыслью до того, как я стал слышать внутри голоса, было: «Почему человек рождается в мире лжи и самообмана?»

5. Твердь

*Если бы мозг был настолько прост, что мы могли бы его понять,
мы были бы так просты, что не смогли бы этого сделать.
Лайел Уотсон, эсхатолог Века Холокоста*

Где-то написано, что первый человек, Гильгамеш, услышал внутри себя голос и решил, что это голос Бога. Я тоже слышал голоса и думал, что страх перед бесконечным деревом лишил меня рассудка.

Почему?

Это явный признак безумия, когда человек начинает слышать голоса, порожденные собственной тоской и одиночеством. Если, конечно, это не голос его корабля, стимулирующий его слуховой нерв и подающий звуки прямо ему в мозг.

Почему человек?

Но корабельный компьютер почти не имеет собственной воли и не способен выбирать ни слова, ни тембр голоса, когда обращается к пилоту. Он может принимать сигналы от других кораблей и переводить их в голоса, но не запрограммирован генерировать собственные сигналы.

Почему человек рождается?

Я знал, что мой компьютер не может получать сигналы от другого легкого корабля, поскольку в мультиплексе распространение сигналов невозможно. Зато возможно другое: возможно, что некоторые из нейросхем моего корабля ослабли и умерли. В этом случае с ума сошел корабль, а значит, и я, пока сопряжен с ним.

Почему человек рождается в мире лжи и самообмана?

Мне не нравилось, что мой корабль повторяет сокровеннейшие мои мысли, а эти его голоса, болтающие на несусветной смеси мертвых языков Старой Земли, меня просто ужасали. Некоторые из этих языков я знал по своей книге, другие были так же непонятны, как обонятельный язык Подруг Человека.

Шалом, инструмент вокале, ля илляха иль Алла тат твам аси, нес-па, кодомо-га, ваки-рамасу? Хай, и поидоша он дале, пой с'аскози нель фоко ке лыи аффина, и нарек он сие Твердью, унд зо вир бетретен, фойер-трукен – анемст ду ден шонфер? Се я, Мэллори Рингесс.

Ну разве это не безумие – обзывать себя говорящим орудием, говорить, что я вошел в Твердь, «опьяненный огнем», что бы это не означало? Фразу «анемст ду ден шонфер» я узнал. Это была строка стихотворения, написанного на старогерманском, и значила она нечто вроде: «Чувствуешь ли ты своего создателя?» Я «чувствовал», что мы с кораблем на пару спятили вконец – или же я действительно получаю сигналы через здешний искривленный мультиплекс. Потом я услышал:

Если рожден ты для чудных картин,
Невидимых смертным очам,
Будешь по свету бродить до седин,
Счет теряя дням и ночам.

Значит, Твердь и правда любит древнюю поэзию. Если кто-то и мог послать мне сигнал через мультиплекс, то только Она. Многочисленные голоса стали сливаться в один, по-своему женский, соблазнительный и тоскливый одновременно, красивый и печальный. Этот голос не был уверен, поймут его или нет. Слыша, как он перебирает мертвые наречия, я догадался, что Она хочет определить, который из этих языков мой родной. Но я отбросил эту мысль, как

только она пришла мне в голову. Возможно, мне слишком сильно хотелось поговорить с Ней; возможно, я все-таки говорил сам с собой.

Нет, Мэллори, ты говоришь со мной.

– Но я вообще не говорю – только думаю.

Ты льстишь себе, полагая, что все мысли, которые рождаются у тебя в уме, верны.

– Так ты читаешь мои мысли?

Ты во мне, а я в тебе. Инь-ян, лингам-йони, вперед-назад. Я Твердь, но не твердая. Не всегда бываю такой.

– Что же ты такое?

Я горячка, я молния, я твой очищающий огонь.

– Не понимаю.

Ты человек – воистину ручей нечистый. Что сделал ты для того, чтобы очиститься?

Ну вот, подумал я, ты так жаждал встречи с высшим существом, а Она говорит с тобой загадками. Отвлекаясь от мультиплекса и бесконечного дерева, я проверил корабельные нейросхемы. Все они были здоровы, и я нигде не мог обнаружить источник подаваемых Твердью сигналов.

Сигнала в твоём понимании нет. Есть только восприятие и прикосновение. Я смотрю в электрическое поле логики твоего корабля и тасую электроны, меняя голограмму по своему усмотрению. А твой компьютер, следуя моим мыслям, подает мой голос тебе в мозг. Я могла бы войти в твой мозг напрямую, но это испугало бы тебя.

Еще как испугало бы. Я и так уже был достаточно напуган. Я не хотел, чтобы нечто постороннее «тасовало» электроны моего мозга, наполняя меня своими образами и звуками, заставляя видеть, слышать, ощущать и обонять несуществующие вещи, подрывая самую основу моего восприятия реальности. С этой мыслью пришла другая, гораздо более тревожная: а что, если Твердь *уже* тасует электроны моего мозга? Если Она только *говорит*, что голос, который я слышу, исходит из компьютера? Я не знал, что и думать. Да и мои ли это мысли? А может быть, Твердь играет со мной, заставляя меня в этом сомневаться? Или еще того хуже, все это бред сумасшедшего? Возможно, мой корабль распался, и я переживаю предсмертные мгновения, а Твердь – по непонятной причине – вторглась в мой мозг, чтобы создать иллюзию полного здоровья и трезвого ума. Возможно, я умер или просто сплю, возможно, я, что бы это «я» ни означало, – только то, что снится Тверди. Я знаю, что подобные мысли и страхи посещают всех, но очень мало кому доводилось беседовать с богиней. Думая о том, что Она сейчас у меня в мозгу, я испытывал ошеломляющее чувство потери себя. Боязнь лишиться собственной воли скручивала желудок узлом. Жуткий это был момент. Вселенная казалась мне ужасно ненадежным местом, где можно быть уверенным только в одном: я не хочу, чтобы кто-то другой думал за меня.

Понимая мой страх и сомнение, Твердь объяснила, как она манипулирует материей через слои мультиплекса. Я понял это лишь в самом упрощенном смысле. Твердь создала новую математику для описания того, как Она перекраивает пространство-время. Ее теория взаимосвязанности была мне столь же недоступна, как демонстрация порядков бесконечности – какому-нибудь червяку. Я понимаю, что парадоксы квантовой механики объяснены давным-давно. Доказано, например, что оба фотона в паре фотонов остаются связанными между собой, как бы далеко они ни находились друг от друга в реальном пространстве. Если они даже разлетятся по разным концам вселенной, каждый из них будет «помнить» некоторые параметры своего близнеца, такие как спин и поляризация. Каждый мгновенно «сообразит», что он поляризуется горизонтально, а не вертикально. Из этого открытия механики вывели теорию о возможности передачи информации со скоростью выше световой, но, к стыду своему, так и не осуществили ее на практике. У них для этого чересчур мелкие мозги, а вот мозг Тверди бес-

пределен. Кажется, Она нашла способ не только передавать информацию, но и манипулировать частицами через космическое пространство. Но я до сих пор не понимаю, как Она это делает.

– Я не понял твоего определения корреспондирующего пространства: изоморфно ли оно тому, что мы называем пространством Лави? Я не улавливаю... если б у меня было время!

В начале времен все частицы были сжаты вместе в одной точке.

– И я не помню формулы твоего уравнения поля. Это, должно быть...

Память – это все. Все частицы помнят мгновение первичного взрыва, когда родилась вселенная. В определенном смысле вселенная – это память и ничего больше.

– Значит, передача происходит быстрее света и теория передачи рушится? Я сто раз пытался это доказать, но...

Все во вселенной соткано из единой сверхсветовой ткани. Там твам аси, ты есть оно⁷.

– Я не понимаю.

Ты здесь не для того, чтобы понимать.

– Зачем же я, по-твоему, пересек полгалактики?

Ты здесь, чтоб преклонить колена.

– Что?

Ты здесь, чтоб преклонить колена. Это слова из одного старого стихотворения. Знаешь ты его?

– Нет, не знаю.

Экая жалость. Тогда тебе, возможно, придется не только преклонять колена, но и умереть.

– Я умру в бесконечном дереве – ведь выхода из него нет.

Другие до тебя тоже пропадали в этом дереве.

– Другие?

Голос богини стал вдруг высоким и звонким, как у маленькой девочки, и Ее слова полились мне в мозг, как звуки флейты:

Они ушли туда, где вечный свет,
Лишь я все медлю, одинокий;
Но в памяти о них укора нет,
И светел образ их высокий.

Умереть все равно придется – в глубине души ты это понимаешь. Не бойся.

– Что ж, пилоты гибнут, как говорят у нас. Я не боюсь.

Мне жаль, но ты боишься. С другими тоже было так.

– С кем это?

Восемь пилотов Ордена пытались проникнуть в мой мозг: Висент ви Тови, Эрендира Эде, Александрондила, Иши Мокку, Рикардо Лави, Джемму Флоуто, Атара с Темной Луны. И Джон Пенхаллегон, которого вы зовете Тихо.

– И ты их убила?

Разве ты понимаешь, что это значит – убивать? Устрица обволакивает раздражающую ее песчинку слоями перламутра, превращая ее в жемчужину, а я укрыла пилотов в разветвлениях дерева решений – всех, кроме одного.

– Что такое устрица?

Вместо ответа Твердь ввела в компьютерное пространство зрительно-осознательно-обонятельный образ. С помощью этой запретной телепатии – запретной для нас, пилотов – я воспринял устрицу так же, как Она. Я увидел мягкое студенистое существо, укрывающееся в дву-

⁷ Изречение из Упанишад об идентичности Атмана, просвещенного человека, Брахману, высшему существу.

створчатой раковине, которую оно могло открывать и закрывать произвольно. Мои пальцы сомкнулись почти непроизвольно, и я ощутил в руке твердую чашеобразную раковину, покрытую мокрым песком. Зубы, разомкнувшись сами по себе, вонзились в нежное мясо, и оно наполнило мой рот живыми соками и соленым вкусом моря. Я почувствовал густой тяжелый запах натурального белка и с хлопаньем втянул в себя сырую живую плоть.

Вот что такое устрица.

– Нельзя убивать животных ради того, чтобы съесть их.

А ты, невинный мой, – прекрасная жемчужина в ожерелье времени. Понимаешь ли ты, что это такое – время? Те другие пилоты живы, как жива жемчужина в своем блеске и красоте, однако они не живут. Они умерли, но и в смерти остались живыми.

– Снова ты говоришь загадками.

Вся вселенная – это загадка.

– Ты играешь со мной.

Я люблю играть.

Внутренним зрением я увидел перед собой прозрачный светящийся куб, поделенный на восемь более мелких кубиков, в каждом из которых мелькали какие-то образы. Я присмотрелся к ним повнимательнее, и образы обрели четкость. В каждом кубе, кроме правого нижнего, плавала отделенная от туловища голова, как пилот плавает в кабине своего корабля. Каждое из лиц искажала гримаса ужаса и безумия. Все они с разинутыми ртами смотрели на меня – сквозь меня, – словно меня тут не было. Я узнал эти лица – истории меня обучали добросовестно. Это были Висент ви Тови, Иши Мокку и другие, побывавшие здесь до меня.

Что такое смерть, Мэллори? Каждый из этих пилотов пребывает в своей ветви дерева решений. Они затеряны и забыты так же прочно, как поэмы Эсхила. Но когда-нибудь я вспомню их.

Я задавал себе вопрос, как Ей удалось завлечь пилотов (и меня в том числе) в бесконечное дерево. Есть способы, позволяющие произвольно открыть окно в мультиплекс и послать неподготовленного, не имеющего маршрута пилота в такое дерево. Но Она ими не воспользовалась. Она сделала что-то другое, что-то вроде чуда. Как это возможно? Мне очень хотелось знать. Неужели Ее сознание действительно способно лепить мультиплекс, разминая ткань объективной реальности, как ребенок лепит завитушки из глины?

Я не знал этого и не мог знать. Я видел меньше миллионной Ее части, а Ей, должно быть, и такой ничтожно малой доли хватало, чтобы вести со мной эту телепатическую беседу. Я был как песчинка, пытающаяся понять океан по нескольким водоворотам и течениям, в которые ей довелось попасть; как цветок, желающий осмыслить космос по слабому звездному свету, озаряющему его лепестки. Я и по сей день ищу слова, чтобы описать впечатление, произведенное на меня могуществом Тверди, но таких слов нет. Я узнал – если можно так сказать о том, что происходит во вспышке внезапного озарения, – мне дано было понять, что Она манипулирует целыми науками и философскими системами, как я – словами, из которых составляю предложения. Но Ее «предложения» так огромны и полны смысла, точно их произнесла сама вселенная. Истины и пути познания, постигнутые Ею, намного опережают даже фравашийскую метафизику. Она, богиня, играет концепциями, способными перекроить вселенную, концепциями, непостижимыми для человеческого разума. Большинство представителей моего вида проводят свои дни, копошась во мраке, Она же решает задачи и прокладывает пути, которые нам даже не снились, – и, хуже того, делает это с такой же легкостью, как я перемножаю один на два.

Механики часто со скорбью ссылаются на древнейший свой парадокс: нити, из которых соткана вселенная, столь бесконечно тонки, что мы при любой попытке исследовать их нарушаем их свойства. Самый акт наблюдения меняет то, что служит его объектом. На Старой Земле, по преданию, был царь, так извративший атомную структуру окружающих его вещей,

что они при каждом его прикосновении превращались в золото. Этот сказочный царь не мог ни есть, ни пить, поскольку все, и пища и вино, имело вкус золота. Механики подобны этому царю: все, к чему они «прикасаются», превращается в бесформенные комки материи, в электроны, кварки и нейтрино. В глубокую реальность им дано заглянуть не иначе чем через искривляющие золотые линзы своих приборов или посредством своих золотых уравнений. Сущность же неким непознаваемым образом преодолела это препятствие. Видеть реальность такой, какая она реально есть, – в этом, пожалуй, и состоит привилегия божественного разума.

Видишь ты этих пилотов, Мэллори Рингесс?

Я видел безумие и хаос. Передо мной в кубах плавали головы живых мертвецов. Черный, с резкими чертами лица Джемму Флоуто пускал слюни с тонких губ.

– Ты поймала их в ловушку, а значит, можешь освободить. И меня тоже.

Но они свободны. Или будут свободны, когда вселенная переделает себя по-иному. Что было, то будет.

– Так говорят скраеры.

Относительно времени: когда вселенная расширится так, что две соседние звезды станут так же далеки друг от друга, как теперешние галактические скопления Журавля и Гончих Псов, по прошествии биллиона ваших лет, эти пилоты останутся такими же, как ты их видишь, – застывшими в вечном «сейчас». Легче остановить время, чем включить его вновь, верно? Легче убивать, чем созидать? Но созидание не знает времени; созидание – это всё.

– Эти пилоты в дереве, где бесконечность переходит в безумие, – видела ли ты их безумные, застывшие лица?

От безумия средства нет. Это цена, которую некоторым приходится платить.

– Я чувствую, что сам схожу с ума в этой ветви, которая делится надвое и еще раз надвое, а ты говоришь, что нет способа выйти из бесконечности, и прекрати шутить с моим разумом!

О нет, Мэллори, неистовый мой, мы еще поиграем, и я покажу тебе, что такое миг вечности – а быть может, и безумия тоже. Хочешь присоединиться к другим пилотам? Посмотри хорошенько – тот пустой куб приготовлен для тебя.

Тогда я заметил то, на что должен был сразу же обратить внимание: в Тверди пропало восемь пилотов, но в кубах плавало только семь голов, и среди них не было огромной, похожей на моржовую головы Тихо.

– Что ты сделала с Тихо?

Я и есть Тихо, а Тихо – это я, часть меня.

– Не понял.

Тихо существует в моей памяти.

Она снова заговорила девчоночьим голосом, но на сей раз он был не столь звонким и не столь уж девчоночьим. Невинные переливы флейты окрашивались темными, зловещими нотами:

Но между кедров, полных тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной,
Где женщина о демоне рыдала!⁸

Он был дикарь под шелком своих одежд, прекрасный дикарь, демон-любовник. Познакомившись с его неистовым разумом, я отделила его мозг от тела и скопировала синапс за

⁸ С. Кольридж, «Кубла Хан». – Пер. К. Бальмонта.

синапсом в маленьком кармашке одного из моих мелких мозгов. Вот он, Джон Пенхаллегон, – смотри.

И передо мной, прямо в кабине, внезапно появилось изображение Тихо. Он был так близко от меня, что я мог бы потрогать его распухший красный нос. Лицо у него было мясистое, желтоватые резцы не помещались в толстогубом рту. Черные блестящие волосы космами падали на спину, брыли свисали ниже заросшего щетиной подбородка.

– Далеко ли летишь, пилот? – спросил он. Так, по традиции, приветствуют друг друга пилоты, встречаясь в далеких местах. Его голос гудел в моей кабине, как колокол. Твердь, очевидно, создавала голограммы и звуковые волны столь же легко, как тасовала электроны. – Шалом. – Он сделал своими красными потными пальцами тайный знак, известный только пилотам нашего Ордена.

– Не можешь ты быть Тихо, – сказал я вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. – Тихо умер.

– Я Джон Пенхаллегон, такой же живой, как и ты. Даже живее, потому что меня убить не так-то легко.

– Ты – голос Тверди. – Я вытер пот со лба.

– Я и то и другое.

– Это невозможно.

– Не говори так уверенно о том, что возможно, а что нет. Уверенность убивает, я-то знаю.

Я почесал нос и сказал:

– Значит, Твердь приняла в себя память и мышление Тихо – в это я могу поверить. Но Тихо не может быть живым, не может действовать по собственной воле – ведь так? Ведь ты не можешь? Раз ты только часть ее... Тверди?

Тихо – вернее, его изображение, напомнил я себе – захохотал так, что на губах запузырилась слюна.

– Нет, дорогой мой пилот, я такой же, как ты, как все люди. Иногда действую по собственной воле, а иногда и нет.

– Значит, ты не такой, как я, – вырвалось у меня. – У меня есть свобода выбора, как у каждого человека.

– Выходит, ты разбил своему Главному Пилоту нос по собственному выбору?

Испуганный и разозленный тем, что Твердь сумела извлечь это воспоминание из моего мозга, я сказал сердито:

– Соли раздражил меня, и я вышел из себя.

Тихо осушил мокрые губы и потер руки – я слышал, как шуршат его ладони.

– Допустим. Соли тебя раздражил. Значит, выбирал он, а не ты.

– Ты передергиваешь. Он так разозлил меня, что мне захотелось его ударить.

– Ну да – *он* разозлил.

– Я мог бы сдержаться.

– В самом деле?

В порыве злости я выпалил:

– Конечно. Просто я так взбесился, что мне стало все равно.

– Тебе, должно быть, нравится впадать в бешенство.

– Нет, я ненавижу это, всегда ненавидел. Но такой уж я есть.

– Тебе, должно быть, нравится, что ты такой.

Я потряс головой.

– Нет, ты не понимаешь. Я пытался... пытаюсь, но стоит мне разозлиться... это сидит во мне, понятно? У всех людей свои недостатки.

– И никто не поступает по собственной воле.

Кровь бросилась мне в лицо, и во рту пересохло. Тихо, похоже, тоже старался вывести меня из себя. Я стал дышать мерно, глядя на световые волны, составляющие его изображение. Его одежда в темноте выглядела как светящийся дым.

– А богиня? – спросил я. – Она поступает?

Тихо снова засмеялся и сказал:

– Обладает ли собака природой Будды? Ты быстро соображаешь, мой пилот, но ты здесь не затем, чтобы экзаменовать богиню. Ты сам должен выдержать испытание.

– Испытание... какое?

– На степень своих возможностей.

Как я узнал вскоре, Твердь испытывала меня с тех самых пор, как я пересек границу Ее огромного мозга. Псевдотороид и сегментированные пространства были Ее работой, как и бесконечное дерево, взявшее меня в плен. Она проверяла мою математическую подготовленность и – как сказал мне Тихо – мое мужество. Не последним из этих испытаний была моя способность слушать Ее божественный голос, не потерявшись от ужаса. Я не понимал, зачем Ей вообще нужно испытывать меня – разве что ради игры. И зачем Ей нужно было использовать для этого Тихо, когда Ей достаточно было заглянуть в мой мозг, чтобы увидеть все, что там есть? Не успел я обо всем этом подумать, как голос богини загремел у меня в голове:

Тысячи лет назад ваши эсхатологи составили схему молекулы ДНК с точностью до последнего атома углерода, но до сих пор не знают правил, по которым ДНК развертывает жизнь и кодирует новые формы жизни. Они все еще проходят грамматику ДНК. Так и с мозгом. Представь себе ребенка, который выучил азбуку, но не знает ни значения слов, ни правил, по которым они складываются вместе. Понять мозг по триллионам его синапсов – все равно что пытаться расшифровать стихотворение по начертанию отдельных букв. Ты и есть стихотворение. Возможности безграничны. Ты, мой Мэллори, всегда останешься для меня тайной.

– Я не хочу, чтобы меня испытывали.

Вся жизнь – это испытание.

– Если я выдержу, ты освободишь меня из этого дерева?

Ты волен хоть сейчас слезть с него, как обезьяна.

– Но я не знаю, как это сделать.

Тем хуже. Если ты выдержишь, сможешь задать мне три вопроса – любых вопроса. Есть такая старая-старая игра.

– А если провалюсь?

Тогда свет погаснет. Кстати, а куда деваются свет, когда он гаснет?

Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Я не хотел подвергаться никаким испытаниям.

– Ну так как, пилот, начнем? – спросил Тихо, почесывая свои брыли.

– Не знаю.

Не стану перечислять здесь многочисленные тесты, которым подвергал меня Тихо – то есть Твердь. Некоторые, вроде общеобразовательного, как назвал его Тихо, были длинными, скрупулезными и нудными. Суть других, например хаотического, я понимал с трудом. Был тест на умение рассуждать и тест на парадоксы. За ними следовал, помнится, тест на реальность, во время которого Тихо подвергал сомнению все мои взгляды, привычки и верования, бомбардируя меня чуждыми идеями, никогда прежде не приходившими мне в голову. Я чуть не свихнулся на этом. Я не понимал, зачем мне все это нужно, даже после объяснения, данного Тихо:

– Когда-нибудь, мой сердитый пилот, ты можешь получить большую власть – возможно, станешь Главным Пилотом – и тебе придется смотреть на вещи с разных точек зрения.

– Меня и собственная вполне устраивает.

– И все же... и все же...

В голове у меня вдруг зазвучали постулаты учения знаменитого кантора Александара Самумского, Александара Диего Соли, давно умершего отца Леопольда Соли. Я весь, с головой и потрохами, погрузился в религиозную доктрину секты, именующей себя Друзьями Бога. Я видел вселенную темно-серыми глазами Александара. Это была холодная вселенная, не дающая уверенности ни в чем, кроме сотворения математики. Все созданное помимо нее в реальности не существовало. Был, правда, человек, но что такое человек, в конце концов? Создание Эльдрии, которых, в свою очередь, создала Старшая Эльдрия? Кто тогда создал этих последних? Самая Старшая Эльдрия?

Я досконально постиг странную теологию Александара Диего Соли. Известно, что первый Главный Кантор, великий Георг Кантор⁹, с необычайным изяществом доказал, что бесконечность целых чисел – которую он называл алеф-нуль – есть часть высшей бесконечности действительных чисел. А *эта* бесконечность входит в еще более высшую бесконечность алеф-два, и так далее – целая иерархия бесконечностей, бесконечность бесконечностей. Самумские канторы верят, что с иерархией богов дело обстоит так же, как с числами. В самом деле, как учил Александар своего сына Леопольда, если бог существует, то кто же создал его (или ее?). Если же существует бог высшего порядка, назовем его бог², то должен быть и бог³, и бог⁴, и так далее. Существует алеф-миллион и алеф-сентиллион, но конца нет, нет высочайшей бесконечности, а следовательно, нет и Бога. Не может быть истинного Бога, а значит, нет и истинного творения. Эта логика столь же сурова и беспощадна, как сам Александар Самумский: если нет истинного творения, то нет и истинной реальности. А если ничего реального нет, то и человек нереален: в фундаментальном смысле его вообще не существует. Реальность – всего лишь сон, меньше чем сон, потому что сон должен кому-то сниться. Всякая другая теория противоречит здравому смыслу. Поэтому теория о существовании личности есть грех, тягчайший из грехов, и лучше отрезать себе язык, чем произнести слово «я».

Я перенесся куда-то в пространстве и времени и увидел горный туман над каменным домом Александара на Самуме. Я находился в крошечной, голой, безупречно опрятной комнате, и передо мной стоял на коленях мальчик. Я был Александаром Самумским, а мальчик был Соли.

– Видишь? – спросил Тихо.

И вложил в мою память воспоминания о суровом воспитании, которое дал Александар своему сыну.

– Ты все понял, Леопольд? Ты никогда больше не должен говорить этого слова.

– Какого слова, отец?

– Не играй со мной, слышишь?

– Да, отец, только не бей меня.

– Да кто ты такой, чтобы тебя наказывать?

– Никто, отец... никто.

– Это правда, а поскольку это правда, нет причины с тобой разговаривать, не так ли?

– Но молчание ужасно, отец, хуже всякого наказания. Как же ты будешь учить меня, если все время молчишь?

– А зачем нужно учить тебя чему-то?

– Потому что математика – единственная истинная реальность, только... как же это возможно? Если мы действительно ничто, как же мы можем создавать математику?

– Тебе уже было сказано. Математика не создается. Она не материальна, как дерево или луч света, и не является созданием разума. Математика просто есть. Это единственное, что есть. Можешь думать о Боге как о безвременной, вечной вселенной математики.

– Но как это может быть, если... я просто не пони...

⁹ Г. Кантор (1845–1918) – немецкий математик, основоположник теории множеств.

- Что ты сказал?!
- Я не понимаю!
- И продолжаешь кошунствовать. С тобой больше не будут разговаривать.
- Я, я, я, я... Отец! Не надо!

Непонятно было, откуда Твердь взяла эти воспоминания Александара Самумского. (А может быть, воспоминания Соли?) Осталось также неизвестным, откуда Она так хорошо разбиралась в еще более странной реальности аутистов или калечащих свой мозг афазиков. Но какими бы странными эти реальности ни были – а мысленные ландшафты аутиста вызывали крайне странное впечатление, – это все-таки были человеческие реальности. Люди, в принципе, мыслят одинаково. Разные личности или разные группы могут думать по-разному, но сам способ нашего мышления ограничен глубокими структурами нашего слишком человеческого мозга. Это и проклятие, и благословение. Мы все заключены в наших черепных коробках, мы пленники своего разума, каким он стал за миллион лет эволюции. Но это уютная тюрьма со знакомыми белыми стенами, и ее воздух, хотя и затхлый, пригоден для нашего дыхания. Если мы покинем эту тюрьму хотя бы на миг и ощутим, что значит видеть и *познавать* по-новому, мы начнем задыхаться. За ее стенами нас ждут чудеса, невообразимая красота и, как мне вскоре предстояло убедиться, безумие.

– Ну вот, – сказал Тихо, – ты ознакомился с реальностями Александара Самумского и Ямме-солипсиста. А теперь инопланетяне.

Тихо – вернее, световые волны, из которых он состоял – заколебался. Его красный нос стал фиолетовым и вытянулся, точно глиняный, в длинный гибкий хобот. Лоб вздулся, как переспелый кровоплод, подбородок и щеки превратились в коробчатую структуру, прорезанную десятками узких розовых щелей. Одежда исчезла как дым, и серое обвисшее тело Тихо заиграло буграми мускулов, поросших коричневым и алым мехом. Внушительные половые органы увяли, съежились и исчезли в красной складке кожи между толстых ног. В моей кабине формировалось инопланетное существо. Вскоре я узнал в нем одну из представительниц дружелюбного (но хитрого) вида, известного как Подруги Человека.

Она подняла хобот, и из розовых щелей ее речевого органа вышло облако эфиров, кетон и цветочных ароматов. К смраду тухлого мяса примешивалась сладость снежных далей. С голубой спиралью мастер-куртизанки, обвитой вокруг хобота, она показалась мне похожей на приятельницу (и, по слухам, любовницу Соли), Жасмин Оранж.

Это и есть Жасмин Оранж. Смотри.

Я смотрел на Жасмин Оранж ее собственными глазами: я сам стал ею. Я был Жасмин Оранж и Мэллори Рингессом одновременно – смотрел на инопланетянку человеческими глазами и обонял своим хоботом запахи человека. Потом мое сознание покинуло человеческое тело, и краски исчезли. Мой коричневый и алый мех стал просто темно- и светло-серым. В кабине своего корабля я видел молодого бородатого человека-пилота – себя самого. Я прислушивался к голосу Тверди, но не слышал никаких звуков ни внутри, ни снаружи, ибо был глух, как бревно. Я вообще не знал, что такое звук. Я знал только запахи, чудесный, изменчивый мир пахучих молекул. Когда я произносил(а) свое прелестное имя, пахло жасмином и раздавленными апельсинами. Изогнув хобот, я впивала запахи чеснока и снежного винограда. Я поздоровалась с человеком, Мэллори Рингессом, а он поздоровался со мной. Как это странно и безнадежно глупо – составлять смысловые единицы путем дискретной прогрессии линейных «звуков», что бы ни означало это понятие – «звуки». И как ограничены возможности их складывания – точно бусы нанизываешь на нитку. Как люди вообще могут думать, пробираясь в своих мыслях от звука к звуку и от слова к слову, как букашка, ползущая по бусинам ожерелья? Как это *медленно*!

Желая поговорить с пилотом Рингессом, я подняла свой хобот и выпустила облако приятных ароматов – по сравнению с человеческой фразой это, наверное, все равно что симфония по

сравнению с детской погремушкой. Но он, не имея нюха, почти ничего не понял. Да, Рингесс, сказала я ему, пахучие символы не фиксируются жестко, как, например, звуки в слове «пур-пур», и означают не всегда одно и то же. Разве смысл не столь же изменчив, как запахи моря? Разве ты не ощущаешь очертания крошечных пирамид мяты, ванильных бобов и мускуса в этом облаке запахов? Известно ли тебе, что могут означать запахи жасмина, олаты и апельсина? Это может значить «я Жасмин Оранж, любовница человека» или «море сегодня спокойно», в зависимости от расположения одной пирамиды по отношению к другим. Способен ли ты воспринять смысл как единое целое? А логическую структуру? Доступны ли тебе сложности языка, мой Рингесс?

Мысли распускаются, как арктические маки под солнцем, перерастают в другие, переплетаются ароматными звеньями ассоциаций, запахи жареного мяса и мокрого меха плывут вперед, вбок и вниз, разрастаясь в сладко пахнущие поля новых логических структур и новых истин, которые ты должен вдыхать, как прохладную мяту, чтобы избавиться от своих прогорклых прямолинейных понятий о логике, причинности и времени. Время – это не линия; события твоей жизни напоминают скорее клубок запахов, навеки закупоренных в бутылке. Стоит нюхнуть, и ты ощутишь сразу весь клубок вместо отдельных ароматов. Понимаешь ли ты все эти тонкости? Осмелишься ли открыть бутылку? Нет, у тебя нюха нет, и ты не понимаешь.

Он понимает все, что структура его мозга позволяет ему понять.

Я понимал одно: человек, который задержится слишком надолго в мозгу чуждого ему вида, определенно сойдет с ума. Я закрыл глаза и зажал ноздри, спасаясь от умопомрачительных запахов, наполняющих мою кабину. Да, *мои* глаза, *мои* ноздри! Открыв их, я снова стал человеком. Образ инопланетянки исчез, хотя запахи ванильных бобов и червячного дерева еще чувствовались. Я был один в своем потном волосатом человеческом теле, в своем старом мозгу, который, как мне казалось, я так хорошо знал.

– Их логика и понятие истины так отличаются от наших – я и не предполагал.

Глубинная структура их мозга действительно другая, но логика на более глубоком уровне та же самая.

– Мне она непонятна.

Мало кто из вашего Ордена по-настоящему понимает Подруг Человека.

Я, как и все, относился с подозрением к этим экзотическим инопланетным проституткам. Считалось, что они соблазняют мужчин своими мощными возбуждающими запахами с целью обратить их, одурманенных сексом, в свою загадочную веру. Теперь я видел – впрочем, это не то слово, – я *ощущал*, что цель их гораздо глубже, чем обращение человека в свою веру: они хотят изменить самого человека.

Но нет задачи трудней, чем изменить человеческий разум. У вас такое низкое самосознание.

– Человек должен знать, кто он есть – так говорит Бардо.

Что такое Бардо?

Фыркая, чтобы очистить свой нос и ум от беспокойных запахов, я подумал о Бардо и о его всегда ясном, хотя и чересчур прямом понимании себя самого. Вот человек, решившийся насладиться жизнью, как еще никто до него.

Твой Бардо судит о себе слишком узко. Даже у него есть свои возможности.

При последующих тестах я косвенно, дедуктивным путем узнал многое о том, как Твердь понимает себя самое. Каждый Ее лунный мозг, насколько я понял, был одновременно островом сознания и частью большего целого. Каждая луна при необходимости могла делиться и дробиться на более мелкие единицы, триллионы единиц разума, которые перемещались и собирались вместе, как тучи песка. Я предполагал, что моей экзаменовкой занимается мельчайшая частица одной из Ее малых лун. И все же мне парадоксально давали понять, что в некотором

смысле Она вся находится у меня в мозгу, как я – у Нее. Когда я пошутил по поводу странной топологии, которую предполагает такой парадокс, Ее мысли нахлынули волной:

Ты как Тихо – только ты играешь, а он свирепствует.

– Да? Иногда я сам не знаю, какой я.

Ты такой, как есть – человек, открытый своим возможностям.

– Другие говорят, что я слишком многое считаю возможным. Они говорят, что умный человек должен знать свои пределы.

Другие не проходили теста на реальность.

Я порадовался, что мне не придется больше вживаться в чужую реальность, и ощутил немалое довольство собой – но длилось оно не дольше мгновения ока.

А теперь последнее испытание.

– Какое?

Назовем его Тестом Судьбы.

Воздух передо мной заколебался и приобрел очертания высокой женщины в белой одежде. Ее прямые, блестящие черные волосы пахли снежной далией. Она повернулась ко мне, и я не мог больше отвести глаз от ее лица. Я хорошо знал этот орлиный нос, высокие скулы, а прежде всего – гладкие впадины на месте глаз; это было лицо моей прекрасной Катарины.

Я рассердился на то, что Твердь извлекла это глубоко личное воспоминание из моей памяти. Катарина улыбнулась мне, слегка склонив голову, и я понадеялся, что Твердь не услышит слова старинного стихотворения, которые повисли, произнесенные, у меня на губах:

Люблю, о бледная, воздушный мост бровей,
Связующий два озера печали,
Те, что влекут в бездонности своей
Не к смерти, нет – в иные дали.

Голосом таинственным и глубоким, где пророческие предчувствия Катарины сочетались с трезвыми рассуждениями Тверди, изображение произнесло:

– Да, мой Мэллори, существует иной путь кроме того, что ведет к смерти. Я рада, что ты любишь поэзию.

– Что такое Тест Судьбы? – спросил я вслух.

В темных пустотах под ее черными бровями появился намек на цвет. Я подумал сначала, что это просто абберация световых волн, но нет: пустые глазницы налились колышавшейся синевой. Катарина моргнула новыми глазами, блестящими, как жидкий темно-синий сапфир, взглянула ими на меня и сказала:

– Ради тебя я отрелась от зрения более глубокого... Видишь ли ты свою судьбу? Теперь, когда у меня снова есть глаза, я ослепла и не могу видеть, что... Какое славное у тебя лицо! Если б только я могла тебя сохранить! Тест Судьбы – это тест-причуда, тест-каприз. Я прочту тебе начальные строки трех старинных четверостиший, и если ты сможешь назвать две последние строки, свет не погаснет.

– Но это же абсурд! Значит, моя жизнь будет зависеть от каких-то дурацких стихов?

Я закусил отросшие в путешествии усы, взбешенный тем, что моя судьба – моя жизнь и моя смерть – будет определяться столь несерьезным тестом. Потом я вспомнил, что воины-поэты – секта наемных убийц, существующая в некоторых Цивилизованных Мирах – тоже спрашивают у своей жертвы стихи, прежде чем убить. Зачем нужно богине перенимать обычаи воинов-поэтов? Или Она переняла их тысячи лет назад, когда воины-поэты поклонялись Ей? Кто знает.

– А Тихо? – спросил я, скрипнув зубами. – Он-то твоих стихов, надо думать, не знал?

Катарина с таинственной скраерской улыбкой покачала головой.

– Нет, знал – все, кроме последнего, само собой разумеется. Он сам выбрал свою судьбу, понимаешь?

Я не понимал. Я потерял свои сухие глаза, а она вздохнула и прочла с печалью в голосе:

Так много молодых людей
Лишились бытия...

Она смотрела на меня, словно ожидая, что я тут же закончу строфу. Но я не мог. Грудь вдруг стеснило, и стало трудно дышать. Память моя была чиста, как снежное поле.

Так много молодых людей
Лишились бытия...

Я был пуст и мучился, потому что определенно читал эти стихи. Это были строки из длинной поэмы, расположенной в третьей четверти книги Хранителя Времени. Закрыв глаза, я увидел на странице девятьсот десять заглавие этой поэмы: «Сказание о Старом Пилоте», и повествовалось в ней о жизни, смерти и искуплении. Я пытался вызвать в памяти длинные последовательности черных букв и наложить их на белую пустоту в моем мозгу, как поэт некогда набрасывал на белую бумагу. Но ничего не выходило. Хотя в Борхе я вместе с другими послушниками проходил тренинг по мнемонике (как и по многим другим искусствам), мнемоником я не был. Я горько и далеко не впервые сожалел, что не обладаю абсолютной «зрительной памятью», когда любой образ, запечатленный глазом, вызывается по желанию перед внутренним взором в цвете и мельчайших подробностях.

Катарина с лицом, принявшим оттенок утрадесского мрамора, сказала:

– Я повторю эти строки еще раз. Ты должен ответить или... – Положив руку на горло, она прочла голосом ясным, как колокол Ресы:

Так много молодых людей
Лишились бытия...

Я вспомнил, что Хранитель Времени велел мне перечитывать стихи до тех пор, пока я не начну слышать их в своем сердце. Я закрыл свой внутренний глаз перед сумятицей черных букв, которые пытался разглядеть. Мнемоники учат, что у памяти много путей. Все записано, говорят они, и ничто не забывается. Я вслушался в музыку и ритм прочитанных Катариной строк. Во мне тут же зазвучали последующие слова, и я повторил то, что услышал сердцем:

Так много молодых людей
Лишились бытия,
А склизких тварей миллион
Живет – и с ними я¹⁰.

Образ Катаринины улыбнулся, как будто она осталась довольна. Мне пришлось напомнить себе, что это не настоящая Катарина, а ее воссозданный Твердью облик. Вернее, моя несовершенная память о ней, высосанная из моего мозга. Я понимал, что знаю разве что сотую часть настоящей Катаринины. Я знал ее длинные твердые пальцы и глубину меж ее ног, знал ее потаенную жгучую жажду красоты и наслаждения (мне казалось, что для нее они были одним и тем же); знал, как сладостно звучит ее голос, когда она поет свои печальные колдовские песни, но

¹⁰ С. Кольридж, «Сказание о Старом Моряке». – Пер. Н. Гумилева.

в душу ей мне не удалось заглянуть. Как все скраеры, она была обучена глушить свои страсти и страхи мокрым одеялом внешнего спокойствия. Я не знал, что лежит там внизу – а если бы даже и знал, кто я такой, чтобы вместить в себя душу женщины? Я не мог этого, и потому образ Катарина, воссозданный по моей памяти, был не совсем верен. Настоящая Катарина заставляла терять голову, изображение заигрывало; Катарина любила стихи и видения будущего ради их самих, изображение использовало их в собственных целях. В середине изображения скрывалась могущественная, но не абсолютно всеведущая сущность, играющая плотью и разумом живого человека; в середине Катарина скрывалась... Катарина.

Я был еще зол и поэтому сказал сердито:

– Не хочу больше играть в эти утайки.

Катарина снова улыбнулась и сказала:

– Но тебе осталось еще два стихотворения.

– Тебе должно быть известно, какие стихи я знаю, а какие нет.

– Нет, я не вижу... не знаю.

– Ты должна знать, – настаивал я.

– Разве я не могу выбирать, что хочу знать, а что нет? Так гораздо интереснее, мой Мэллори.

– Это предопределено заранее, не так ли?

– Все предопределено заранее. Что было, то будет.

– Скраерский треп.

– На то я и скраер.

– Ты богиня, и ты уже предрешила исход этой игры.

– Предрешить ничего нельзя – в конечном счете мы сами выбираем свое будущее.

Я сжал кулаки.

– До чего же я ненавижу скраерский треп и твои якобы глубокие парадоксы!

– Однако твои математические парадоксы приносят тебе удовольствие.

– Это другое дело.

Она заслонила ладонью свои сияющие глаза, словно обожженная их внутренним светом, и сказала:

– Продолжим. Эти стихи написаны древним скраером, который не мог знать, что Экстр будет взрываться:

Звезда упадет и другая,
Но сколько б ни пало их впредь...

Я закончил:

На полог неба, я знаю,
Не станет их меньше гореть.

– Но ведь звезды все-таки гаснут? Экстр растет, и никто не знает почему.

– Надо что-то сделать, чтобы остановить его рост, – сказала она. – Будет очень непозитивно, если все звезды погаснут.

Я отвел волосы с глаз и задал вопрос, над которым бились лучшие умы нашего Ордена:

– Почему Экстр взрывается?

Изображение Катарина улыбнулось.

– Если и на следующий раз ответишь правильно, можешь спросить меня и об этом, и о чем тебе будет угодно. О, это чудесные стихи! – Она захлопала в ладоши с восторгом девочки,

собирающейся вручить подружке подарок на день рождения, и в воздухе прозвенели хорошо знакомые мне слова:

Тигр, о тигр, горящий яро
Жадным заревом пожара!

Я свободен! Твердь устами простой голограммы прочла первые две строчки моего любимого стихотворения, и я свободен. Осталось только назвать две следующие, и я получу право спросить Ее, как может пилот найти выход из бесконечного дерева. (Я ни разу не усомнился в том, что Она сдержит обещание и ответит на мои вопросы – сам не знаю почему.) С еще не просохшими на лбу каплями пота я засмеялся и прочел:

Тигр, о тигр, горящий яро
Жадным заревом пожара!
Кто смел замыслить эту статью –
Слаженных изгибов рать?

Я смеялся, счастливый, как никогда прежде. (Странно, что избавление от угрозы немедленной смерти вызывает такую эйфорию. Я мог бы дать старым, замшелым академикам нашего Ордена, изнывающим от скуки, хороший совет: рискните своей жизнью однажды ночью, и каждый миг вашего следующего дня будет наполнен сладкой музыкой бытия.)

Изображение Катарини смотрело на меня. Было в ней что-то непреодолимо влекущее, почти не поддающееся описанию. Мне казалось, что эта Катарина пребывает в мире с собой и вселенной – в мире, который настоящей Катарине испытать не дано.

Она закрыла глаза и сказала:

– Нет, неверно. Я назвала тебе начальные строчки последней строфы, а не первой.

Мне думается, что в тот миг мое сердце на какое-то время остановилось. Охваченный паникой, я сказал:

– Но ведь первая строфа идентична последней.

– Нет. Первые две строчки у них идентичны, четвертые тоже, а третьи отличаются одна от другой одним-единственным словом.

– Откуда мне тогда было знать, какую строфу ты цитировала, раз первые две строчки у них идентичны?

– Это не тест на знание, а тест-каприз, как я тебе говорила. Но поскольку это *мой* каприз, я дам тебе еще один шанс. – И с глазами, переливающимися кобальтово-индиговым огнем, она повторила:

Тигр, о тигр, горящий яро
Жадным заревом пожара!

Я погиб. Я очень ясно, так ясно, как если бы обладал абсолютной зрительной памятью, помнил каждую букву и каждое слово этого странного стихотворения. Я все прочел верно – я был уверен, что первая и последняя строфы идентичны. Я услышал снова:

Тигр, о тигр, горящий яро
Жадным заревом пожара!
Кто...

– Так как же звучит третья строка, Мэллори? Та, которую написал поэт, а не та, что напечатана в твоей книге?

Кто знает – может, древние академики, переписывая стихотворение из одной книги в другую (или с книги на компьютер), совершили ошибку? Быть может, это произошло в последние дни века Холокоста. Я легко мог представить себе древнего историка, женщину, торопящуюся сохранить этот бесценный шедевр, пока лучевая болезнь еще не доконала ее, и в спешке заменяющую единственное (но жизненно важное) слово. А быть может, ошибка была допущена в суматохе Веков Роения: может, какой-нибудь ревизионист, по ему только ведомой причине, вздумал заменить это слово.

Каким бы образом ни произошла эта ошибка, мне отчаянно требовалось изобрести – или вспомнить – первоначальное слово. Я снова прибег к своему приему повторения сердцем, но из этого ничего не вышло. Я использовал другую мнемоническую технику – безрезультатно. Уж лучше было сообразить, какое именно слово заменено, и подставить на его место любое другое – наугад. Тут по крайней мере имелаась вероятность, хотя и крохотная, что я отгадаю верно.

Катарина, зажмурив глаза, облизнула губы и спросила:

– Третья строка, Мэллори. Назови мне ее или мне придется выделить в своем мозгу кармашек, где я скопирую твой.

От каприза Тверди меня спас Хранитель Времени. Скрипя зубами от досады и отчаяния, я случайно вспомнил о нем – возможно, потому, что именно он всучил мне эту книгу, полную ошибок. Я вспомнил, как он читал это самое стихотворение, и наконец-то услышал слова в своем сердце. Были ли стихи, которые декламировал он, подлинными? И если да, то откуда он знал более старый вариант? Было в нем нечто очень подозрительное и даже загадочное, в Хранителе Времени. Почему он выбрал те же самые стихи, что и богиня? Может быть, он, будучи молодым, побывал в сердце Тверди и Она спросила у него те же строки? То, что он прорычал мне, действительно отличалось от стихов, напечатанных в книге, одним только словом.

Я стиснул руки, набрал в грудь воздуха и прочел:

Тигр, о тигр, горящий яро
Жадным заревом пожара!
Кто *смел* замыслить эту статью –
Слаженных изгибов рать?

– Смел, – повторил я. – Вот оно, то самое слово, верно? Не мог, а смел.

Изображение Катарины молча открыло глаза.

– Верно или нет?

Тогда она улыбнулась и прошептала:

В родном краю царит покой,
Ясны и холм, и дол:
Вернулся мореход домой,
Охотник с гор пришел.

– До свидания, мой Мэллори. Кто смел замыслить *тебя*? Только не я.

С этими словами ее голограмма исчезла из кабины, и я остался один. Куда же, куда уходит свет, когда он гаснет?

Ты почти уже дома, мой моряк, мой охотник за тайнами.

– Значит, я правильно вспомнил?

Можешь задать мне три своих вопроса.

Я прошел ее испытание и был свободен. Свободен – на этот раз уж точно! В уме у меня, словно куча полуодетых жакарандийских куртизанок, плясала целая сотня вопросов. Открыта вселенная или закрыта? Откуда взялась первичная точка, из которой она произошла? Может ли любое натуральное число быть представлено как сумма двух простых чисел? Действительно ли моя мать пыталась убить Соли? Сколько на самом деле лет Хранителю Времени? Почему Экстр взрывается? Куда девается свет, когда он...

Он гаснет.

– Это был не вопрос. Я просто думал...

Так задавай же свои вопросы.

Похоже, мне следовало быть очень осторожным, чтобы Твердь не сыграла со мной шутку. Я долго раздумывал, о чем бы таком спросить, чтобы получить ключ к многим тайнам сразу. Я облизнул сухие губы и задал вслух вопрос, который мучил меня с детства:

– Почему вселенная вообще существует – почему есть что-то, хотя могло бы не быть ничего?

Это я и сама хотела бы знать.

Я рассердился, что она не ответила на мой вопрос, и потому, не подумав, выпалил:

– Почему Экстр взрывается?

Ты уверен, что действительно хочешь это знать? Какой прок от твоего «почему», если ты не знаешь, как это остановить? Может быть, ты задашь вопрос по-другому?

– Хорошо. Что я могу... что можно сделать, чтобы Экстр не взрывался?

Пока ничего. Секрет исцеления Экстра – это часть другой, высшей тайны, которую ты должен раскрыть сам.

Опять загадки! Опять игры! Разве нельзя ответить на мои вопросы попросту, без загадок? Видимо, нет. Твердь, словно трианская торговая королева, трясушаяся над своими драгоценностями, решила, очевидно, отстаивать свои тайны до последнего. Наполовину отчаявшись, наполовину шутя, я сказал:

– Вот и Эльдриа тоже говорят загадками. Они говорят, что секрет человеческого бессмертия лежит в прошлом и в будущем. Что они хотели этим сказать? И где искать этот секрет, если точно?

Я по-настоящему не ожидал ответа – по крайней мере понятного, – поэтому был потрясен до глубины души, когда божественный голос произнес во мне:

Этот секрет записан в старейшей ДНК человеческого вида.

– В старейшей ДНК? Где же это? И как его расшифровать? И почему он...

Ты уже задал свои три вопроса.

– Но ты отвечала на них загадками!

Значит, тебе придется разгадать их.

– Разгадать? А зачем? Мои разгадки умрут вместе со мной. Из бесконечного дерева выхода нет, так ведь? Как же я из него выйду?

Надо было спросить об этом меня, когда задавал третий вопрос.

– Да пропади ты пропадом со своими играми!

Из бесконечного дерева выхода нет. Но уверен ли ты, что это дерево – не конечное?

Разумеется, я был уверен – как любой пилот, знакомый с маршрутными теоремами Галливары. Разве я не доказал, что множество Лави не входит в инвариантное пространство? Что я, конечное дерево от бесконечного отличить не могу?

Ты хорошо проверил свое доказательство?

Я его не проверял. Мне не хотелось думать, что в нем есть погрешность. Но умирать мне тоже не хотелось, поэтому я сопрягся со своим кораблем. Я вошел в ментальное пространство мультимедиа, в уме у меня сразу замелькали кристаллы идеопластов, и я начал выстраивать из них доказательство. В вихре цифрового шторма я составил математическую модель мульти-

плекса, и он открылся передо мной. Погруженный в сон-время, я реконструировал свое доказательство. Оно было верным: откуда ни возьмись, явилась мысль: а подходит ли множество Лави для моделирования ветвей данного дерева? Не следует ли применить для моделирования *простое* множество Лави? И входит ли простое множество Лави в инвариантное пространство?

Дрожа от возбуждения, я выстроил новое доказательство. Да, простое множество входило туда! Я доказал, что оно туда входит. Я вытер пот со лба и составил вероятностный маршрут. В тот же миг триллионы ветвей дерева слились в одну – дерево все-таки оказалось конечным. Я был спасен! Я проложил другой маршрут к точке выхода у голубой звезды-гиганта и вышел в реальное пространство среди десяти тысяч лунных мозгов Тверди.

Я довольна тобой, Мэллори. Но мы еще встретимся, и тогда ты доставишь мне еще большее удовольствие. А пока что лети, пилот, и прощай!

По сей день я спрашиваю себя, каким же все-таки было дерево, в которое я попал. Действительно конечное? Или Твердь каким-то невероятным образом превратила бесконечное дерево в конечное? Если так, то Она в самом деле богиня, достойная поклонения, думал я, – или, по меньшей мере, внушающая ужас. Упомянутая эмоция так одолела меня, что я, едва взглянув на теплый голубой свет звезды, тут же проложил первый из множества маршрутов, ведущих к Городу. Меня мучили странные чувства и незадаанные вопросы, но я не собирался встречаться с Ней снова. Я не хотел опять держать экзамен и ставить свою жизнь в зависимость от случая и от каприза богини. Я не желал больше слышать, как божественный голос вторгается в мой мозг. Мне хотелось попросту вернуться домой, выпить с Бардо виски в Квартале Пришельцев и рассказать эсхатологам, Соли, всему Городу о том, что секрет жизни заложен в старейшей ДНК человека.

6. Человеческий образ

Для нас человечность была отдаленной целью, к которой все люди шли, не зная, как она выглядит, и чьи законы нигде не были записаны.
Эмиль Синклер, эсхатолог Века Холокоста

Прием, который мне оказали дома, оправдал все мои ожидания. Мой триумф портило только то, что Леопольда Соли не было в Городе – он отправился исследовать внешнюю оболочку Экстра. Поэтому он не встречал меня вместе с другими пилотами, цефиками, технарями и горологами, когда я вышел из своей кабины в Пещере Кораблей. Я очень жалел, что он не видит, как они все выстроились на стальной дорожке между рядами кораблей, не видит их потрясенных лиц и не слышит их взволнованного шепота после моего заявления, что я говорил с богиней! Склонил бы он передо мной голову, как сделали это самые отъявленные скептики и ретрограды Стивен Карагар, Томот и другие его друзья?

Очень жаль, что его не было там, когда Бардо, растолкав пилотов, ринулся ко мне с таким энтузиазмом, что вся дорожка затряслась и загудела, как колокол. Такие моменты не часто случаются! Бардо растопырил свои ручищи и заревел:

– Мэллори! Клянусь Богом, я знал, что тебя убить не так просто! – Его голос наполнил пещеры, как грохот взорванной бомбы, а он продолжал греметь, повернувшись к пилотам: – Сколько раз я вам это говорил? Мэллори – величайший пилот со времен Ролло Галливара! Более великий, чем сам Галливар, ей-богу! – Он обращался прямо к Томоту, таращившему на него свои механические глаза. – Вы говорили, что он затерялся в сон-времени, а я твердил, что он скользит по складкам мультиплекса и вернется, когда сочтет нужным. Вы говорили, что эта сука-богиня по имени Твердь поймала его в бесконечную петлю, а я – что он мчится домой с уверенностью и изяществом и вернется к своим друзьям с открытием, которое сделает его мастер-пилотом. Ну что, прав я был или нет? Мастер Мэллори – звучит отлично! Ей-богу, паренек!

Он заключил меня в объятия, едва не поломав мне ребра, молотя меня при этом по спине и повторяя:

– Ей-богу, паренек, ей-богу!

Пилоты и специалисты толпились вокруг меня, пожимая мне руку и задавая вопросы. Жюстина, одетая в шерсть и новую черную шубу, коснулась моего лба и поклонилась.

– Ты посмотри только на него! – сказала она моей матери, которая рыдала не стесняясь. Мне и самому хотелось заплакать. – Ах, если бы Соли был здесь!

Мать пробралась ко мне сквозь толпу, и каждый из нас коснулся лба другого.

– Как меня утомляют эти официальные любезности, – сказала она, к моему удивлению, а потом обняла меня и поцеловала в губы. – Как же ты исхудал. – Вытирая глаза руками в перчатках, она подняла свои густые брови и сморщила нос. – Тощий, как хариджан, и пахнет от тебя ужасно. Приходи ко мне, когда побреешься, вымоешься и закончишь с акашиками. Я так счастлива.

– Мы все счастливы, – заметил Лионел с легким поклоном и резко выпрямился, откинув светлые волосы с глаз. – И озадачены словами твоей богини. Секрет жизни записан в старейшей ДНК человека – что она, по-твоему, хотела этим сказать? И что это за старейшая ДНК прежде всего?

Когда акашики повели меня, грязного, обросшего и отощавшего, к себе, чтобы депрограммировать, я вдруг сообразил, что это может быть. Эта мысль не замедлила распуститься во мне и стала разрастаться в совершенно безумный план. Будь Соли здесь, я тут же изложил бы ему этот план лишь ради того, чтобы поглядеть, как он хмурится. Но он пытался проникнуть в

искривленные взрывами пространства Экстра и, вероятно, считал меня давно умершим, если вообще думал обо мне.

Я же был живехонек и бурно радовался жизни – несмотря на лишения, которым подверглось в мультиплексе мое бедное тело, несмотря на разлуку с моим кораблем и переходу на низовое время. Я был переполнен уверенностью, успехом и до крайности горд. Мне казалось, что я лечу, подхваченный попутным ветром. Цефики называют это состояние тестостероновым взлетом, по названию мощного гормона, который вырабатывается организмом человека, добившегося успеха. Они предупреждают, однако, что этот гормон повышает агрессивность, агрессивный же человек стремится к новым успехам, которые вырабатывают в нем еще больше тестостерона. Это порочный цикл. Цефики говорят, что тестостерон может отравить мозг человека и повлиять на трезвость его суждений. Я думаю, что это правда. Мне следовало бы прислушаться к цефикам. Если бы я не был тогда так полон собой, если бы моя кровь не столь бурно бежала по венам и меня не распирало так от спеси, я бы, вероятно, сразу отказался от своего несусветного плана найти старейшую ДНК человека. Но в том моем состоянии мне не терпелось открыть свой план Бардо и всему Ордену, чтобы снискать себе еще большую славу.

В последующие дни мне некогда было обдумать это, потому что мной занимались акашики и другие специалисты. Николос Старший, Главный Акашик, подробно исследовал мои воспоминания с момента отлета из Города и передал копию своим компьютерам. Механики расспрашивали меня о черных телах и других явлениях, которые я наблюдал в Тверди. Их изумило – вернее сказать, ошарашило – то, что Она способна изменять мультиплекс по своему усмотрению. Старейшие механики отказывались верить моим словам, даже когда акашики и цефики сошлись на том, что моя память не иллюзорна, а представляет собой результат реальных событий. Механики, разумеется, знали уже много веков, что модель реальности должна включать в себя сознание как фундаментальную волновую структуру – но Марта Резерфорд и Мимма Джонс, в числе прочих, не желали верить, что Твердь может создать и уничтожить бесконечное дерево по своей воле. Они вели ожесточенный спор с Коленией Мор и парой других эсхатологов, которых больше интересовал тот факт, что в Тверди живут люди, чем эзотерические вопросы физики. Фурор и междоусобица, вызванная моими открытиями среди специалистов, забавляли меня. Мне было приятно, что я дал программистам, неологикам, историкам и даже холистам новую пищу для разговоров – причем надолго.

Я с любопытством ожидал, когда мастер-горолог с помощью скрытного молодого программиста прочтет память моего корабельного компьютера и вскрыет опечатанные часы. Немедленно сообщать возвратившемуся пилоту, сколько личного времени он провел в пути, запрещено, но этот запрет обычно игнорируют. Я узнал, что по личному времени состарился на пять лет и сорок три дня (а также восемь часов, десять минут и тридцать две секунды).

– Который теперь день? – спросил я, и горолог сказал мне, что нынче двадцать восьмой день средизимней весны 2930 года. В Городе за время моего отсутствия прошло чуть больше полугода. Я стал старше на пять лет, а Катарина – лишь на десятую долю этого времени. Зловремение победить нельзя, подумал я. Я надеялся, что разное тиканье моих и Катарининых внутренних часов не будет к нам столь жестоко, как к Жюстине и Соли.

Позднее в тот же день – следующий после моего возвращения – я был вызван в башню Хранителя Времени. Хранитель, который как будто совсем не состарился, усадил меня на резной стул у стеклянного окна, а сам стал расхаживать по ярко освещенной комнате, утопая красными туфлями в пушистых белых коврах. Я слушал, как тикают часы, а он не сводил с меня глаз.

– Отощал, – сказал он наконец. – Мои горологи говорят, у тебя было много замедленного времени, чертовски много. Сколько раз я предостерегал тебя против замедленного времени?

– Много было сложных моментов. Приходилось думать со скоростью света, как вы говорите. Я бы умер, если б не прибегал к замедленному времени.

– Эти перегрузки тебя изнурили.

– Буду остаток сезона кататься на коньках и опять приду в норму.

– Я говорю об уме, а не о теле. – Он сжал кулак и помассировал костяшки пальцев. –

Итак, твой ум, твой мозг, состарился на пять лет.

– Клеткам всегда можно вернуть молодость.

– Ты так думаешь?

Мне не хотелось спорить с ним об эффектах временных искажений мультиплекса. Я поерзал на жестком стуле и сказал:

– А хорошо вернуться домой.

Хранитель потер свою морщинистую шею.

– Я горжусь тобой, Мэллори. Теперь ты у нас знаменитость, а? И карьера твоя обеспечена.

Поговаривают о том, чтобы сделать тебя мастер-пилотом – слышал?

По правде сказать, мои однокашники вроде Бардо и Зондерваля ни о чем другом почти не говорили. Даже Лионел, раньше журивший меня за хвастовство, сообщил мне по секрету, что принятие меня в Коллегию Мастеров почти решено.

– Ты совершил великое открытие. – Хранитель запустил пальцы в свою белую гриву. – Я очень доволен тобой.

Мне он, откровенно говоря, не казался довольным. Да, возможно, он был рад увидеть меня снова, взъерошить мне волосы, как в мальчишеские годы, но не думаю, чтобы его радовала моя внезапная слава и популярность. Он был ревнивцем и не потерпел бы угрозы своему первенству в Ордене.

– Без вашей книги стихотворений, – сказал я, – меня постигла бы участь похуже смерти. – Я рассказал ему обо всем, что случилось со мной, но могущество Тверди не произвело на него особого впечатления.

– Значит, стихи. Ты хорошо их выучил?

– Да, Хранитель.

– Угум. – Он с улыбкой положил исполосованную шрамами руку мне на плечо. Выражение его лица трудно было истолковать. Оно казалось добрым и опечаленным одновременно, как будто он сомневался в том, правильно ли поступил, дав мне эту книгу.

Он возвышался надо мной, и я видел в его черных глазах свое отражение. Сочтя момент подходящим, я задал ему вопрос, не дававший мне покоя:

– Откуда вы знали, что Твердь будет спрашивать у меня стихи? А два стихотворения из тех, что Она спросила, вы сами прочли мне!

– Откуда же мне было знать? – ответил он, скорчив гримасу. – Просто догадался.

– Но вы определенно должны были знать, что Твердь любит загадывать загадки из древней поэзии. Откуда?

Он стиснул мое плечо пальцами цепкими, как корни дерева.

– Не задавай мне вопросов, паршивец! Разучился вести себя как следует?

– Я не единственный, у кого есть вопросы. Акашикам и всем остальным тоже хочется узнать, откуда вам это было известно.

– Ну и пусть их.

Когда-то, когда мне было двенадцать, Хранитель сказал мне, что тайное знание дает власть. Он умел хранить свои секреты. За несколько часов нашего разговора он все время расхаживал по комнате, не давая мне случая задать ему вопросы о его прошлом и вообще о чем бы то ни было. Он приказал подать кофе и выпил его стоя. Часто он подходил к окну и смотрел на здания Академии, потряхивая головой и сжимая челюсти. Возможно, ему хотелось поделиться секретами со мной (или еще с кем-нибудь) – не знаю. Он походил на сильного, полного жизни зверя, попавшего в западню. Были люди, которые говорили, что он и правда никогда не покидает своей башни, потому что боится быстро мчащихся саней, скользкого льда и зло-

умышленников. Но я в это не верил. От одного пьяного горолога я слышал другое: что будто бы у Хранителя есть двойник, который и занимается делами Ордена, а сам он ночью выходит в Город и выслеживает на глассадах, словно одинокий волк, тех, кто имел глупость строить против него заговоры. Ходили даже слухи, что его подолгу не бывает в Городе, что будто бы в Пещерах у него спрятан свой собственный легкий корабль. Может, он уже давным-давно сделал те же открытия, что и я, но оставил их при себе? Я полагал, что это возможно. Он человек бесстрашный и слишком живой, чтобы не нуждаться в свежем ветре, дующем навстречу, в сверкающих кристаллах цифрового шторма, в холодной звездной красоте космоса. Не он ли, страстный любитель жизни, сказал мне однажды, что мгновения человеческого бытия чересчур драгоценны, чтобы тратить их на сон? Поэтому он практиковал бессонницу и ходил вот так, то напрягая, то расслабляя мускулы, и днем и ночью, подхлестываемый адреналином и кофеином, движимый потребностью видеть, слышать, быть.

Почувствовав редкий прилив жалости к нему (а заодно и к себе за то, что терплю его выверты), я сказал:

– Мне кажется, вас что-то тревожит.

Сказал я это зря. Хранитель терпеть не мог жалости и презирал жалельщиков, особенно тех, кто жалеет себя.

– Тревожит! Что ты можешь знать о тревоге? Вот послушал бы, как механики просят меня снарядить экспедицию в туманность Тверди, тогда и говорил бы, будь ты неладен!

– О чем это вы?

– О том самом. Марта Резерфорд и ее фракция желают, чтобы я отправил туда *настоящую* экспедицию! Чтобы я послал в Твердь целый лайнер! Точно я могу себе позволить потратить лайнер с тысячей специалистов!

Они думают, что если тебе повезло, то им тоже повезет. А эсхатологи уже заявляют, что, если экспедиция состоится, возглавят ее они.

Я стиснул подлокотники стула и сказал:

– Мне жаль, что мое открытие вызвало столько проблем. – На самом деле никакого сожаления я не испытывал. Я был в восторге от того, что мое открытие – наряду с открытием Соли – расшевелило степенных специалистов нашего Ордена.

– Открытие? – рявкнул он. – Какое такое открытие? – Он подошел к окну и погрозил кулаком серым штормовым тучам, плывущим над Городом с юга. Я вспомнил, что он не любит холода и ненавидит снег.

– Но ведь Твердь... Она сказала, что секрет жизни...

– Секрет жизни! Ты веришь лживым словам этого лживого галактоида? Чушь! Нет никакого секрета в «старейшей человеческой ДНК», что бы эта белиберда ни означала. Никакого секрета нет, понимаешь? Секрет жизни – это сама жизнь, которая идет себе и идет, больше ничего.

В этот миг, как бы соглашаясь с его пессимизмом, прозвонили низко и гулко одни из его часов, а он сказал:

– На Утрадесе настал Новый Год. Они поубивают всех больных белокровием младенцев, родившихся в прошлом году, потом напьются и будут совокупляться целые сутки, пока чрева всех женщин не наполнятся снова. Жизнь идет себе да идет.

– Мне кажется, Твердь сказала правду, – сказал я ему.

Он хрипло рассмеялся, и по коже вокруг его глаз побежали трещины, как по льду.

– Пра-авду! – протянул он с горечью. – У богов что правда, что ложь – все едино.

Я сказал ему, что у меня есть план, где искать старейшую ДНК человека.

Он снова засмеялся – да так, что длинные белые зубы ощерились и слезы выступили на глазах.

– План, говоришь. Ты еще мальчишкой все строил планы. Помнишь, как я учил тебя замедлять время? Когда я сказал, что нужно быть терпеливым и ждать, когда первые волны адажио накроют твой ум, ты заявил, что должен быть способ замедлить время чередованием необычных поз. У тебя был даже план, как войти в замедленное время без помощи корабельного компьютера. А все потому, что как раз терпения тебе и не доставало. Недостает и теперь. Почему бы тебе не подождать, пока расщепители и геноцензоры – или эсхатологи, или историки, или цефики – не найдут эту самую старейшую ДНК? Тебе недостаточно, что тебя наверняка сделают мастер-пилотом?

Я почесал нос и спросил:

– А если я попрошу вас разрешить мне собственную маленькую экспедицию, вы дадите согласие?

– Ты говоришь об официальном прощении?

– Да. Потому что мне придется нарушить один из ковенантов.

– Вот оно что.

Последовало долгое молчание, во время которого он стоял неподвижно, как ледяная статуя.

– Так как же, Хранитель?

– И какой же ковенант ты собираешься нарушить?

– Восьмой.

– Так. – Он уставился в окно, выходящее на запад. Восьмым ковенантом был договор, заключенный три тысячи лет назад между основателями Города и первобытными алалоями, живущими в своих пещерах в шестистах милях к западу.

– Они неандертальцы, – сказал я. – Пещерные люди. Их культура, их организмы – все это очень старое.

– Ты обращаешься ко мне с просьбой отправиться к алалоям, чтобы взять образцы тканей их живых организмов?

– Старейшая ДНК человека. Разве это не ирония, что я найду ее так близко от дома?

Когда я изложил ему свой план в подробностях, он наклонился и ухватил меня за руки, опершись локтями на подлокотники стула. Его массивная голова оказалась совсем близко от моей; от него пахло кофе и кровью.

– Это чертовски опасный план, – сказал он, – как для тебя, так и для алалоев.

– Не такой уж опасный, – с чрезмерной уверенностью заявил я. – Я приму все меры и буду осторожен.

– А я говорю – опасный! Чертовски опасный.

– Удовлетворяете вы мою просьбу или нет?

Он посмотрел на меня страдальчески, как будто я заставлял его принять самое трудное решение в его жизни. Мне не понравился этот его взгляд.

– Хранитель!

– Я подумаю, – холодно сказал он. – И уведомя тебя о своем решении.

Я повернул голову вбок. Подобная нерешительность была не в его духе. Я догадывался, что он разрывается между нарушением ковенанта и интересами поиска, который сам же объявил; но моя догадка оказалась неверной. Должны были пройти годы, прежде чем я открыл истинную причину его колебаний.

Он дал понять, что больше меня не задерживает. Встав, я обнаружил, что твердый край сиденья нарушил мое кровообращение и ноги затекли. Пока я растирал их, Хранитель стоял у окна и разговаривал сам с собой, как будто не замечая, что я еще здесь.

– Идет себе да идет, – произнес он тихо. – Идет да идет, хоть бы что.

Я вышел от него, чувствуя себя, как всегда в таких случаях, обессиленным, окрыленным и смущенным.

Последующие дни (и ночи) были самыми счастливыми в моей жизни. Утро я проводил на глиссадах, глядя, как борются пришельцы с обильными средизимными снегами. Приятно было снова дышать свежим воздухом, вдыхать запах сосен, и свежеевыпеченного хлеба, и разные инопланетные ароматы, приятно катить на коньках по знакомым улицам Города. Долгие послеполуденные часы я просиживал с друзьями в каком-нибудь кафе, выходявшем на белый лед Поперечной. В первый день мы с Бардо заняли столик у запотевшего окна, глядя на текущую мимо толпу и обмениваясь рассказами о своих странствиях. Я, попивая кофе с корицей, расспрашивал его о Делоре ви Тови, Квирине, Ли Тоше и других наших товарищах. Почти все они пребывали где-то в галактике, словно пригоршня алмазов, брошенная в ночное море. Только Ли Тош, Зондerval и еще несколько человек успели вернуться домой.

– Ты разве не слышал? – спросил Бардо, заказав себе пирожных. – Ли Тош открыл родной мир даргинни. В другое время это считалось бы крупным, даже великим открытием. Ему просто не повезло, что он принес присягу одновременно с Мэллори Рингессом. – Он обмакнул пирожное в кофе. – Как не повезло и Бардо.

– Ты о чем это?

Тогда он, уминая пирожные, рассказал мне о своем путешествии. Прибыв на край Туманности Розетты, он попытался подкупить энциклопедистов Ксандарии, чтобы получить доступ в святилище. Зная, как трясутся энциклопедисты над своими драгоценными фондами и как ненавидят они Орден, боясь его власти, Бардо выдал себя за принца с Летнего Мира, что ему нетрудно было сделать.

– Сто маундов ярконских звезд уплатил я этим паршивым тубистам. Но даже за эту безбожную цену – прости, друг, если я признаюсь, что нарушил обет бедности и потратил малую долю своего наследства... о чем, бишь, я? Так вот, они, даже слупив с меня целое состояние, не допустили меня в святая святых, решив, что профан вроде меня вполне удовлетворится и более скромными эзотерическими сведениями. У меня ушло добрых двадцать дней, чтобы понять, как мелка поглощаемая мною информация. Нашли дурака! Тогда я заявил хитрому мастер-энциклопедисту, что пошлю воина-поэта отравить его, если он не откроет мне врата своего тайного хранилища. Он, дурак этакий, поверил, и я погрузился в тот запретный колодезь, где они хранят сведения по древней истории и старейшие комментарии со Старой Земли. И там... – Бардо отхлебнул кофе и запихнул в рот очередное пирожное. – Мне уже надоело рассказывать эту историю – наши акашики и библиотекари и без того высосали мои мозги досуха, но ты мой лучший друг, так вот: я раскопал там кое-что, ведущее в самые недра прошлого, как я думал тогда. На Старой Земле перед самым Роением была секта, именующая себя аркеологами. Они практиковали ритуал, известный как «раскопки». Тебе интересно? Ну вот, жрецы и жрицы этого ордена заставляли многочисленных рабов-послушников просеивать землю слой за слоем в поисках осколков глины и других реликвий прошлого. Приведу тебе подлинные слова из древнего источника, чтобы ты знал, кто такие были аркеологи. «Эти последователи Генрихашлимана поклонялись памяти предков. Они верили, что могут сообщаться с миром духов через предметы, которых предки касались, а иногда и через мертвые тела самих предков». Хочешь еще кофе? Нет? Так вот, орден аркеологов, как и все другие, наверно, был раздроблен на множество фракций. Одна из них – эйгиптологи, кажется – следовала учению Флиндерса Питри и Шампольона. Они раскалывали трупы, набальзамированные с помощью битумных веществ. Эти трупы они растирали в порошок, который – ты не поверишь! – поглощали как причастие, полагая, что при этом жизненная сила предков переходит в них. Они верили, что с течением жизни, которая идет себе да идет, как говорит Хранитель Времени, по прошествии многих поколений, человек очистится и станет бессмертным. Я тебе еще не надоел? Надеюсь, что нет, потому что должен рассказать тебе об одной фракции, первосвященники которой именовали себя кураторами. Перед самым третьим разменом Холокоста кураторы и их помощники

каталогизаторы нагрузили музейный корабль старыми камнями, костями и набальзамированными трупами предков, которые назывались мумиями. Этот корабль под названием «Вишну» совершил посадку в одном из даргиннских миров. Кураторы были слишком невежественны, чтобы распознать в туземцах разумные существа. Как это ни печально, они начали рыться в почве этой древней цивилизации. Они не могли знать, что даргинни испытывают ужас перед собственным прошлым – оно и неудивительно. Вот тогда-то, дружище, именно тогда и начались первые войны человека с даргинни.

Мы обсудили этот постыдный инцидент – единственный конфликт, который когда-либо имело человечество с чуждыми видами. Когда я поздравил Бардо со столь выдающимся открытием, он хлопнул пухлой лапой по столу и заявил:

– Я еще не закончил! Надеюсь, что не очень тебя утомил, потому что как раз перехожу к самой сути. После своего успеха у энциклопедистов – да, я признаю, что добился успеха – я преисполнился радостью. «Секрет человеческого бессмертия лежит в нашем прошлом и нашем будущем» – разве не так сказали Эльдриа? Я, конечно, не скраер и о будущем судить не могу, но мне казалось, что я открыл жизненно важное звено, связующее нас с прошлым. Теперь это подтвердилось. Не думаешь ли ты, что в моих мумиях могла сохраниться очень-очень старая ДНК? Ладно, перехожу к заключению. Полный радости, я устремился обратно в Невернесс, чтобы стать первым, кто вернется с замечательным открытием. Ты должен это понять: я мог бы стать знаменитым. Послушники отпихивали бы друг дружку локтями, чтобы коснуться моих одежд. Мастер-куртизанки сами платили бы мне, чтобы поглядеть, какой мужчина скрывается под этими одеждами. Какой полнокровной могла бы стать моя жизнь! Но Бардо увлекся. Спеша от окна к окну, я утратил бдительность.

Не стану приводить здесь весь рассказ моего друга. Если быть кратким, Бардо, проходя сквозь опасное разреженное пространство Данлады, совершил ошибку, которой устыдился бы и самый зеленый кадет. Маршрутизируя группу решений, он забыл показать однозначность функции и попал в петлю. Любой другой пилот в такой ситуации начал бы кропотливо разрабатывать последовательность маршрутов, чтобы освободиться, но Бардо был ленив и не хотел тратить на это сто или больше дней личного времени. Этот ленивый, но блестящий ум придумал способ немедленного освобождения и через каких-нибудь семь часов вкусил плод своей гениальности. Он доказал, что связь между настоящими и прошлыми точками существует всегда, что пилот всегда может вернуться в любую точку пройденного им пути. Более того, это доказательство было конструктивным: он не только доказал, что это возможно, но тут же и сконструировал такой маршрут. Он проследовал к звезде рядом с солнцем Ксандрии, вышел в знакомые пространства, недавно им пройденные, и снова направился домой к Невернессу.

– Это-то меня и прославило, – со смехом сказал он. – Ну не ирония ли это: попасть по собственной глупости в петлю, чтобы потом доказать самую важную из недоказанных мелких теорем. Теорема Бумеранга Бардо – вот как ее теперь окрестили кадеты. Поговаривают даже о присвоении мне степени мастера, известно это тебе? Я, Бардо, мастер-пилот! Да, теперь я популярен как у Колении, так и других, со сладкими губками и славными толстыми ляжками. Моя сперма течет как магма, дружище! Я знаменит – но все-таки не так, как ты, а?

Мы говорили до вечера, пока не стемнело и в кафе не набился голодный люд. Тогда мы заказали себе по огромной порции искусственного мяса и разные экзотические блюда, любимые Бардо.

– Тебе надо срочно нарастить мяса на костях! – заявил он, ткнув меня под ребро. Он не уставал превозносить мое открытие, и я рассказал ему про свой новый план.

– Вот, значит, что ты задумал? – Бардо вытер губы салфеткой. – Отправиться к алаоям и похитить их ДНК? Да ведь это же слеллинг! – Спohватившись, что произнес это страшное слово слишком громко, он оглянулся по сторонам, подался ко мне и конспиративно понизил голос: – Не можем же мы вот так взять и заняться слеллингом алалойской ДНК!

– Это не настоящий слеллинг, – перебил я Бардо.

– А как же быть с ковенантом? Хранитель никогда этого не разрешит – и слава богу!

– Может, и разрешит.

Я рассказал ему о своем прощении. Бардо помрачнел и стал спорить.

– Бог ты мой, нельзя же посадить ветрорез на одном из их островов и попросить их слить немного спермы нам в пробирку, так ведь?

– У меня другой план.

– Даже и слушать не хочу. – Бардо проглотил еще несколько пирожных, вытер рот и пукнул.

– Явимся к алаоям замаскированными. Думаю, будет не слишком сложно изучить их обычаи и соскрести немного кожи у них с ладоней.

– Ну уж нет. Горе тебе и горе Бардо, если ты будешь настаивать на этом безумном плане. И как, по-твоему, мы сможем замаскироваться? Нет-нет, не говори, не надо. Довольно с меня твоих планов.

– Есть один способ. Помнишь историю Гошевана? Мы поступим так же, как он. Пойдем к резчику и переделаем наши тела. Алаои подумают, что мы их родичи.

Он снова пукнул, а потом рыгнул.

– Безумие! Посмотри на меня, Мэллори, и признайся, что это безумие. Клянусь Богом, не можем же мы сделаться алаоями! И почему ты думаешь, что алаойская ДНК старше всех остальных? Почему бы нам не сосредоточить свои усилия на более реальном направлении? Раз уж я открыл мумии, существовавшие за три тысячи лет до Роения, почему бы нам – мне, тебе и Ли Тошу – не снарядить экспедицию к даргинни? Ведь мы знаем, что остатки музейного корабля находятся в одном из их миров.

Я кашлянул и почесал нос. Мне не хотелось напоминать Бардо, что мы пока не имеем понятия, где искать этот корабль, и я сказал:

– Алаойской ДНК должно быть около пятидесяти тысяч лет.

– Да правда ли это? Об алаоях нам известно только то, что у них даже языка нет – не хватило ума его придумать.

Я улыбнулся, понимая, что Бардо паясничает мне назло, и напомнил ему все, что мы в действительности знали об алаоях, этих мечтателях, превративших себя в неандертальцев. Как сказано в истории, предкам алаоев были ненавистны гниль и порочность цивилизации – любой цивилизации, и они бежали со Старой Земли на тяжелых кораблях. Стремясь к существованию, которое считали естественным, они подвергли обратной мутации некоторые из своих хромосом, чтобы вырастить сильное, неприхотливое потомство для жизни в девственных мирах, которые надеялись открыть. На одном из своих кораблей они везли замороженное тело неандертальского мальчика, найденное во льдах Сиберы, самого северного континента Старой Земли. Они отщепили образцы замороженной ДНК мальчика, репродуцировали ее и с ее помощью совершали свои ритуалы, вводя в свои половые клетки древние хромосомы. Несколько поколений спустя, после многих лет экспериментов и селекции, пещерные люди – если пользоваться этим старым вульгарным термином – высадились на Ледопаде. Они уничтожили свои корабли, облачились в меха и поселились в заснеженных лесах Десяти Тысяч Островов.

– Все это очень интересно, – сказал Бардо, – но меня беспокоит одна вещь. Вернее сказать, меня беспокоит все, что ты тут наговорил, но во всей этой истории со старейшей ДНК человека одно особенно не дает мне покоя.

Он заказал еще кофе и выпил его. Он уже успел углядеть в кафе хорошенькую историчку-кадета и строил ей глазки.

– И что же именно? – спросил я.

Он неохотно отвлекся и сказал:

– Что имела в виду богиня, говоря, что секрет жизни записан в старейшей ДНК человеческого вида? Это надо обдумать как следует. Что Она подразумевала под словом «старая»?

– То есть как – «что подразумевала»?

Он надул щеки и выругался.

– Да провались ты – почему ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? Что значит «старая»? Является ли ДНК одного человеческого подвида старше, чем ДНК другого? Как может быть ДНК одного живого человека старше ДНК другого?

– Ты играешь словами, как семантолог.

– Не думаю. – Он снял перчатку, потрогал свой сальный нос и сказал: – ДНК моей кожи, к примеру, очень старая. Элементы нашего генома – продукт эволюции, которая продолжается четыре биллиона лет. Полагаю, это достаточно почтенный возраст, и раз уж ты заговорил об игре словами, то пожалуйста. Что скажешь об атомах, составляющих мою ДНК? Они, надо думать, еще старше, поскольку появились из звездного ядра десять биллионов лет назад.

Он поскреб себе нос и вытянул палец. Под ногтем остался жир и желтые отмершие частицы кожи.

– Вот тебе твой секрет жизни. – И Бардо, явно довольный собой, вернулся к флирту с историчкой. Я хлопнул его по руке.

– Признаю, что слова Тверди несколько загадочны. Значит, мы должны их разгадать.

– Никогда не любил загадок.

Я перехватил его взгляд.

– Ты сказал, что наш геном развивается биллионы лет. Следовательно, ДНК всех наших предков старше, чем наша. Вот это, по-моему, и значит «старая». Надо же откуда-то начинать. Алалои привили себе ДНК тела, насчитывавшего пятьдесят тысяч лет. Есть надежда, что эта ДНК – и то, что в ней записано – не подверглась мутациям и не деградировала.

– Но алалои – не наши предки.

– Да, но неандертальцы Старой Земли ими были.

– Да нет же, ей-богу, они даже не принадлежали к человеческому виду! Это были сутулые скоты со скошенной челюстью, тупые как пробки.

– Ошибаешься. Их мозг был больше, чем у современного человека.

– Больше, чем твой – возможно. – Он постучал себя по лбу. – Но уж точно не больше, чем у Бардо.

– Мы произошли от них.

– Возмутительные слова – но я тебе не верю. Полагаю, Бардо разбирается в истории не хуже других, но вести исторические споры – не дело пилотов. – Он погладил бороду и поглядел на историчку. – Надо, чтобы нас рассудил историк.

С этими словами он рыгнул, встал, стряхнул крошки с бороды и начал протискиваться между столиками. Подойдя к историчке, он что-то сказал ей. Она засмеялась и подала ему руку, а он проводил ее к нашему столу.

– Позволь представить тебе Эстреллу Доминго с Темной Луны. – Эстрелла была хорошенькая и полненькая, как раз во вкусе Бардо. Представив ей меня, он сказал: – Эстрелла согласилась рассудить наш спор. – Он пододвинул ей стул и налил кофе. – А теперь скажите, юная Эстрелла, – неандертальцы действительно были нашими предками?

По правде говоря, я не думал, что Бардо надеялся выиграть спор. Вскоре стало ясно, что он пригласил к нам эту милую девушку не ради истории, а ради ее самой. Когда она терпеливо объяснила, что существуют разные теории происхождения человека и что неандертальцы, вероятнее всего, действительно были нашими прямыми предками, он воскликнул:

– Выходит, мой друг снова прав! Но признайтесь, это нехорошо, что человек когда-то походил на пещерных жителей. Они такие уроды, вы не находите?

Эстрелла не согласилась и застенчиво заметила, что многим женщинам нравятся мощные, мускулистые, волосатые мужчины. Поэтому, отчасти, некоторые специалисты и завели моду переделывать себя под алабоев.

– Гм-м. – Бардо покрутил усы. – Интересная мысль.

Далее Эстрелла сказала, что различие между неандертальцем и современным человеком не столь велико, как думают многие.

– Если хорошо присмотреться, вы найдете неандертальские гены в облике людей на каждой улице каждого города каждой планеты Цивилизованных Миров. – (Как я уже говорил, она была милая, умная девушка, но имела досадную привычку вплетать в свою речь слишком много препозитивных предложений.) – Взять хотя бы вас, мастер Бардо, с вашими толстыми надбровными дугами над глубоко посаженными глазами и вашей роскошной бородой – вы никогда не задумывались над этим?

– Честно говоря, нет. Но было бы весьма интересно обсудить эту тему подробнее, согласны? Мы могли бы изучить разные детали моей анатомии и определить, которые из них наиболее примитивны.

Условившись с Бардо, как и когда «обсудить эту тему более подробно», она вернулась к своему столику и шепнула что-то на ухо подруге.

– Ну что за прелесть! – сказал Бардо. – И как мило эти кадеточки пасуют перед старыми пилотами! Ладно. Возможно, неандертальцы правда были нашими предками... а возможно, и нет. Это еще не повод, чтобы переделывать свои тела и жить в пещерах. У меня есть план получше. Заплатим червячнику, чтобы он поймал для нас алабая. Ведь на шегшеев-то они охотятся, червячники? Ну, так пусть отловят пещерного человека и привезут его в Город.

Я глотнул кофе и почесал переносицу.

– Ты же знаешь, что мы не можем так поступить.

– В самом-то деле все, что нужно, – это немного крови. Пусть червячник оглушит его, отцедит малость крови и привезет нам.

Я поболтал кофе во рту – он остыл и отдавал горечью.

– Ты всегда обвинял меня в избытке праведности, но представь себе, я об этом уже думал.

– Ну и что же?

Я заказал еще кофейник.

– Крови одного человека недостаточно. Неандертальские гены широко рассеяны в алабойских семьях, и нам нужно собрать достаточно богатый статистический материал.

Бардо закатил глаза.

– Уж ты всегда найдешь причину, паренек. По-моему, тебе просто хочется испохабить свое тело и пожить среди дикарей. Это же так романтично, а ты у нас всегда был романтиком.

– Если Хранитель Времени удовлетворит мою просьбу, я поеду к алабаям. А ты?

– Я? Что я? Ничего себе вопрос! – Бардо откусил хлеб. – Если я с тобой не поеду, ты скажешь, что Бардо испугался, так ведь? Ну, тем хуже. Я готов пройти с тобой всю галактику, дружище, но воровать плазму у дикарей... это безумие!

Мне так и не удалось его уговорить, но оптимизма у меня не убавилось – я был так счастлив вернуться домой, что все остальное не имело значения. Мне как вернувшемуся из странствий пилоту выделили дом в Пилотском Квартале. Я выбрал маленькое, с крутой крышей шале, отапливаемое горячей водой от гейзера у подножия Атакеля, и перетащил туда свою книгу стихов, меха, камелайку, три пары коньков, шахматы, мандолину, на которой так и не научился играть, и еще кое-какие пожитки, приобретенные за годы учения в Ресе. (Послушникам в Борхе не разрешается иметь ничего, кроме того, что на них.) Я подумывал, не заказать ли себе кровать и несколько деревянных столов и стульев – такие мелкие удобства были тогда в большой моде. Но мне не нравилось спать на кровати, а столы и стулья я считал уместными только для кафе, где ими пользуются многие. У меня была и другая причина не забивать свой

дом вещами: Катарина все ночи проводила со мной. Я не хотел, чтобы она в своей вечной темноте натыкалась на стулья, рискуя испортить свое красивое лицо.

Мы держали наши ночные свидания в секрете от моей матери и тетки, да и от всех остальных тоже, включая Бардо. Мне очень хотелось довериться ему, рассказать, каким счастливым делает меня Катарина – ее руки, ее язык, ее подвижные бедра, ее страстные, хотя и обычные для любовников, слова и стоны. Но Бардо был способен хранить секреты не более, чем удерживать в себе газы после слишком большого количества хлеба и пива. После того нашего разговора в кафе половина Ордена – практически все, кроме моего трусоватого друга – возжелала сопровождать меня в моем великом, как его уже называл, походе.

Даже Катарина, достаточно знакомая с будущим, чтобы не волноваться, пришла в волнение. В поздние часы пятидесятого числа, после медленных неистовых соитий (она всегда стремилась поглощать время медленно, смакуя его, как змея поглощает добычу), она удивила меня. Она лежала нагая перед огнем, и оранжево-красные блики играли на ее потной белой коже. От нее пахло духами, дымом и сексом. Руки она закинула за голову, и ее тяжелые груди казались безупречно круглыми дисками. Незрячая, она не стыдилась своего тела и не сознавала своей красоты. Я, умиротворенный, смотрел на треугольник темных густых волос под круглым животом, на длинные скрещенные ноги с высоким подъемом. Она смотрела вверх, на звезды – то есть смотрела бы, будь у нее глаза и если бы потолок и толстый покров снега на крыше не отделяли от нас небо. Кто знает, что видела она, вглядываясь в темные туннели будущего? И если бы она вдруг прозрела снова, заменил бы ей молочный свет средиземных звезд то, что она видела внутренним взором?

– О Мэллори! – сказала она. – Что я сейчас... я *должна* поехать с тобой к твоим алаоям, понимаешь?

Я улыбнулся, хотя она не могла видеть моей улыбки. Я сидел рядом с ней, подогнув ноги и набросив на плечи мех. Откинув длинные черные волосы с ее пустых глаз, я сказал:

– Жаль, что у Бардо нет твоего энтузиазма.

– Не будь слишком суров с Бардо. В конце концов он тоже поедет.

– Поедет? Куда? – Не знаю, что беспокоило меня больше: ее предвидение или ее желание сопровождать меня к алаоям. – Что ты видела?

– Бардо в пещере с его большим... он такой смешной!

– Ты уж прости, но никуда ты со мной не поедешь.

– Но я должна! И поеду, потому что... о Мэллори!

Это, разумеется, было невозможно.

– Алаои, – сказал я ей, – оставляют слепых и увечных на снегу во время метели. И те умирают. – Я не знал, впрочем, правда это или нет.

Она с улыбкой повернулась ко мне.

– Выдумщик из тебя неважный.

– Допустим. Но я не понимаю, почему тебе так необходимо ехать со мной.

– Это трудно объяснить.

– А ты попробайся.

– Прости, Мэллори, но я не могу.

– Потому что это нарушило бы твой обет?

– И поэтому тоже... но больше из-за того, что для описания будущего слов не существует.

– Я думал, вы, скраеры, изобрели для этого специальный словарь.

– Я очень хотела бы найти слова и рассказать тебе, что я видела.

– Ну так попробуй.

– Я хотела бы снова обрести глаза, чтобы видеть лица твоих... там, на льду, глубокой зимой, ты найдешь то, что... О, как назвать то, что я видела, этот образ, человеческий образ?

Я нарушу свой обет и верну себе глаза, чтобы увидеть это снова, прежде чем... прежде чем *увиджу*.

Я молча почесал нос, сидя весь в поту перед трескучим огнем. Верну глаза! Это был шок – услышать такое от скраера.

– Ну вот, видишь, – вздохнула она. – Ничего у меня не вышло.

– Разве ты не можешь просто сказать, что случится, а что нет?

– Милый Мэллори, представь, что я видела то, что одно лишь имеет значение. Если бы я назвала тебе точное время твоей смерти, это отравило бы всю твою жизнь, потому что... ты всегда переживал бы тот момент... и это отняло бы у тебя все счастливые мгновения. Если бы ты *знал*.

Я поцеловал ее в губы.

– Есть и другой вариант. Если бы я знал, что умру лет через сто, я ничего бы не боялся и наслаждался каждым мгновением жизни.

– Да, это правда.

– Но и парадокс тоже.

Она посмеялась и сказала:

– Мы, скраеры, славимся своими парадоксами.

– Ты видишь *одно* будущее? Или несколько возможных? Мне всегда хотелось это знать.

Большинству пилотов – да и всем, кто состоял в нашем Ордене – тоже любопытно было бы узнать секреты скраеров.

– И ведь в будущем можно что-то изменить, раз ты его видишь?

Она снова рассмеялась. Иногда, когда она вот так отдыхала перед огнем, ее смех звучал очень красиво.

– Вот ты и сформулировал наш первый парадокс, сам того не ведая. Видеть будущее и... если мы потом захотим изменить его и это нам удастся... если оно изменимо, как же мы могли тогда *видеть* его?

– И вы отказываетесь что-либо менять лишь ради того, чтобы сохранить увиденное?

Она взяла мою руку и погладила ладонь.

– Ты не понимаешь.

– В некотором фундаментальном смысле я никогда не верил, что вы способны видеть что-либо, кроме вариантов.

Она провела ногтем по моей линии жизни.

– Да, конечно... кроме вариантов.

Я засмеялся, раздосадованный.

– Мне сдается, легче понять механика, чем скраера. Вера механиков по крайней мере поддается расчетам.

– Некоторые механики верят, что каждое количественное событие, происходящее во вселенной, меняет... Они просчитывают варианты. На каждое событие приходится свое будущее. Пространство-время делится и множится, как ветви твоих бесконечных деревьев. Все эти бесконечные, или параллельные, как они говорят, будущие осуществляются одновременно – а значит, существуют и бесконечные «сейчас», понимаешь? Но механики заблуждаются. Настоящее – это... существует единство имманентности... возможно лишь одно будущее, Мэллори.

– Значит, будущее неизменяемо?

– У нас есть одна поговорка: «Мы не меняем будущее, мы выбираем его».

– Скраерский треп.

Она провела пальцами по волосам у меня на груди и внезапно сжала руку в кулак над сердцем, притянув меня к себе.

– Мне надо будет пойти к резчику, которого зовут... Он вырастит мне новые глаза. Хочу видеть твое лицо, когда ты... один раз, один-единственный, хорошо?

– Ты правда сделаешь это? Нарушишь свой обет? Зачем?

– Потому что люблю... Я люблю тебя, понимаешь?

В следующие несколько дней я не мог думать почти ни о чем помимо этого странного разговора. Как возвратившийся пилот я обязан был преподавать и взялся обучать двух послушников холлнингу. Должен сознаться, что к своим учительским обязанностям я относился не слишком ответственно. Ранним утром в классной комнате моего шале, показывая маленьким Рафи и Джорду простые геометрические превращения, я невольно думал о своем путешествии и вспоминал, как изображение Катарины взглянуло на меня вновь обретенными глазами. Знала ли Твердь о том, что однажды скажет мне Катарина? Я размышлял над этим, одновременно показывая своим ученикам, что невозможно наложить двухмерный бумажный макет правой перчатки на такой же макет левой, если ограничить его перемещения одной плоскостью. Не замечая, что им скучно, я поднял макет с пола, перевернул в воздухе и наложил на другой.

– Но если мы возьмем предмет с плоскости и проведем через пространство, оба макета совмещаются легко. Подобным же образом...

– Подобным же образом, – перебил меня долговязый нетерпеливый Рафи, – невозможно повернуть трехмерную левую перчатку так, чтобы она превратилась в правую. Но если мы проведем ее через пространство-время, это станет возможным. Мы это знаем, пилот. Можно считать, что урок окончен? Вы обещали рассказать нам о своем путешествии к алаоям, помните? Вы правда собираетесь ехать по льду на собаках и есть живое мясо?

Я с испугом заметил, что мое прохладное отношение к науке заразило и моих учеников, и немного подсадовал на Рафи, слишком шустрого для своего же блага.

– Верно, – сказал я, – левая перчатка может сделаться правой, но можешь ли ты *представить зрительно*, как она перемещается в пространстве-времени? Нет? Так я и думал.

Два дня спустя я повел их к резчику, который модифицировал им легкие, а потом в Обитель Розового Чрева. Там, в шестиугольной тренировочной камере, занимавшей почти весь выложенный розовой плиткой резервуар, им предстояло, дыша растворенным в воде кислородом, выполнить комплекс упражнений. Теплая соленая темная вода, где утрачивалось чувство правой и левой стороны, верха и низа, позволяла представить себе четырехмерное пространство. Вращаясь в воображаемой плоскости, проходящей через нос, пупок и позвоночник, ребята пытались совместить себя с собственными зеркальными отражениями. Хотя упражнение это простое – вроде того, когда переворачиваешь линейную диаграмму куба, глядя на него, пока не «щелкнет», – за ними следовало пристально наблюдать. Я же опять отвлекся, думая, сумеет ли Катарина найти резчика, который сделает ей новые глаза, – и довольно поздно заметил, поглядев сквозь винно-красную воду, что Рафи плавает, обхватив руками колени и крепко зажмурил глаза. Если оставить его в этой эмбриональной позе слишком надолго, у него может развиться привычка к слепоте и погруженности в себя. Я напомнил себе, что он готовится стать пилотом, а не скраером, и забрал его из бассейна.

– Это слишком легко, – заявил голый Рафи, с которого капала вода. Измененные легкие мешали ему свободно дышать обычным воздухом. – Когда увидишь один раз, как это делается, все остальное уже проще простого.

– Если говорить о геометрических превращениях, то да. А вот топологические будут потруднее. Помню, как Лионел Киллиранд велел мне вывернуться наизнанку – вот где жуть была! Раз сегодняшние упражнения показались тебе такими легкими, не хочешь ли заняться топологическими превращениями?

– Я бы лучше занялся настоящими, как вы, пилот, – ответил он с надменной улыбкой. – Вы правда собираетесь переделывать себя? Это такая же серьезная операция, как переделка легких? А послушник вам у алаоев не понадобится? Возьмите меня!

– Нет, ты еще маленький. Ну так что, займемся движением в подпространстве? Его тебе, полагаю, будет представить не так-то легко.

Ажиотаж, вызванный в Ордене моим предполагаемым путешествием, меня не слишком удивлял. Люди остаются людьми, и даже самые цивилизованные из них иногда испытывают желание опроститься. В каждом из нас таится желание вернуться к природе, испытывать жизнь в ее наиболее примитивной форме; таится потребность испытать себя, доказать, что способен существовать (как хищник) в естественных условиях. Бытовало мнение, что алаои ведут более здоровый, чистый образ жизни, чем современный человек. Недаром история Гошевана и его больного белокровием сына Шанидара воспламеняла умы целого поколения. Вернуться к природе сильным, приспособленным для этого человеком – что могло быть романтичнее? Не проходило дня без того, чтобы какой-нибудь семантолог не высказывался о сложностях алаойского языка или фабулист не цитировал эпос о роковом путешествии Гошевана; не проходило ночи, чтобы какой-нибудь пилот, накурившись тоалача, не кланчил взять его с собой к алаоям.

В конце этого счастливого сезона романтики, глубоких снегов и планов меня посвятили в мастера. Как ни странно, я, будучи самым молодым пилотом, когда-либо получавшим это звание, больше не гордился своей относительной молодостью. Состарившись в пути на пять лет личного времени, я стал чувствовать себя человеком, не имеющим возраста, даже старым – таким же старым, как выложенные глазурью простенки Зала Пилотов, где мастер-пилоты приняли меня в свои ряды. Помню, как ждал их решения в дальнем конце зала, у помоста, где мы с Бардо получили свои кольца. Я постукивал ботинком по холодному полу, слушая, как звук пропадает в высоких сводах надо мной. Перед собой я видел черные двери конклава, сделанные из осколочника и украшенные барельефами Ролло Галливара и Тисандера Недоверчивого, Тихо и Йоши – всех трехсот восьмидесяти пяти наших Главных Пилотов, сменившихся со времен основания Ордена. Ближе к центру левой створки я отыскал резной профиль Соли с длинным широким носом, твердым подбородком и скрепленными серебряной цепочкой волосами. Интересно, вырежут ли когда-нибудь в этом старом дереве мой собственный профиль – и если да, сумеет ли кто-нибудь отличить его от изображения Соли? Потом двери отворились, и почтенный Салмалин, самый старый после Соли пилот, пригласил меня, огладив белую бороду, в круглую комнату конклава. В этот момент я почувствовал, что сам не так уж стар. Я занял табурет в центре круглого кольцеобразного стола. Вокруг меня сидели Томот, Пилар Гаприндашвили, мрачный Стивен Карагар, Лионел, Жюстина и другие мастер-пилоты. Когда Салмалин стоя объявил, что я принят в коллегии мастеров, все другие тоже встали, и каждый снял перчатку с правой руки. Я обошел вокруг стола, пожимая руки, – это была самая простая и трогательная из всех церемоний нашего Ордена. Жюстина, подав мне свою длинную изящную кисть, сказала:

– Как жаль, что Соли этого не видит. Я уверена – он гордился бы не меньше, чем я.

Я не стал ей напоминать, что Соли, будь он здесь, скорее всего наложил бы вето на решение коллегии.

Когда каждый из мастеров меня поздравил, у дверей конклава меня встретила мать. Мы вместе прошли через почти безлюдный зал.

– Вот ты и мастер, – сказала она. – Теперь Хранителю Времени придется отнестись к твоему прошению более внимательно. Если он даст согласие, мы переделаем наши тела и отправимся к алаоям, где нас ждет слава – все равно, найдем мы что-то или нет.

Мне показалось забавным то, что даже мать не устояла перед общим порывом. Прикусив губу, я спросил:

– Неужели ты всерьез, мама?

– А ты как думал? Я твоя мать, мы одна семья. В глазах алаоев это будет выглядеть более естественно.

– Нет, это невозможно.

– Я слышала, что для алаоев семья – это главное.

– Хранитель Времени мне скорее всего откажет.

Она склонила голову набок и засмеялась тихо, почти про себя.

– Откажет? Помешает тебе использовать такой шанс? Не думаю. Впрочем, проживем – увидим.

Позже состоялась грандиозная пьянка. Бардо был так счастлив за меня, что чуть не плакал.

– Клянусь Богом, это надо отметить! – заявил он. – Мы поставим Город с ног на голову!

Его слова, наряду с предчувствиями матери, оказались, как ни странно, пророческими. (Иногда мне кажется, что моя мать – тайный скраер.) Через два дня после моего избрания, восемьдесят пятого числа, в день рыхлого снега и глубокой иронии, вернулся из Экстра Леопольд Соли. Он пришел в бешенство, узнав, что я жив – такие ходили слухи. Движимый мстительным чувством – так сказал мне Бардо, – он потребовал от Хранителя Времени, чтобы тот отказал мне. Но Хранитель его провел. Хранитель провел всех, а прежде всего меня. Он удовлетворил мою просьбу, но с условием: я должен был взять в экспедицию всех своих родных, а именно мать, Жюстину и Катарину. И Соли тоже. Соли, как мой дядя, должен войти в состав, иначе никакой экспедиции не будет. А поскольку Соли Главный Пилот, он и должен возглавить экспедицию – вот такое условие поставил мне Хранитель. Услышав об этом, я не поверил. Не подозревал я также, что Бардо оказался прав и Город в результате нашей экспедиции действительно станет с ног на голову.

7. Скульптура Рейнера

Я был экспериментом природы, прорывом в неизвестность, поставленным то ли с какой-то целью, то ли просто так, и моей единственной задачей было позволить этой игре первобытных стихий развиваться, ощутить ее волю внутри себя и сделать ее своей. Либо так, либо никак!

Эмиль Синклер, эсхатолог Века Холокоста

Несколько дней я сидел у себя и дулся. Мне стыдно в этом признаваться, но что правда, то правда: я надулся, как маленький мальчик, узнав об условии Хранителя Времени. Я велел Катарине не приходить, сказав, что сержусь на нее: почему она не предупредила меня об уготованном мне унижении? (Я солгал. Как я мог сердиться на моего прекрасного скраера, давшего обет никому не открывать своих видений?) Я читал мою книгу, колол дрова или разыгрывал на шахматной доске гроссмейстерские партии, все это время проклиная Соли за то, что он загубил мою экспедицию. В том, что это Соли убедил Хранителя передать командование ему, я не сомневался.

Вскоре после своего возвращения Соли пришел ко мне – обсудить планы экспедиции, а заодно и позлорадствовать (так, во всяком случае, думал я). Я принял его в комнате с камином, который давно остыл. Он сразу заметил мелкое оскорбление, состоявшее в том, что я не зажег огонь, но не усек более крупного: я усадил его на те самые меха, на которых трахал его дочь. И бесстыдно наслаждался этим тайным оскорблением. Есть во мне жестокая жилка – Бардо часто напоминал мне об этом.

Я был удивлен, увидев, как постарел Соли. Сидя на шкурах с поджатыми ногами, он тер морщинистый лоб и теребил отвисшую кожу под длинным подбородком – он выглядел лет на двадцать старше прежнего. Я слышал, что он почти что прошел во внутреннюю оболочку Экстра. Но ценой, которую он платил за штурм этих недостижимых пространств, было время, зловремение. Даже голос у него постарел, стал ниже, с новыми интонациями.

– Прими мои поздравления – сказал он. – Коллегия правильно поступила, сделав тебя мастером.

Я не мог не признать, что он может быть любезным, когда хочет, – даже если откровенно лжет при этом. Мне хотелось сказать, чтобы он не тратил слов попусту, но я не хотел быть грубым и сказал:

– Расскажите мне об Экстре.

– Да, Экстр... Впрочем, что о нем рассказывать? Звезды вспыхивают и умирают. Экстр растет. И скорость, с которой это происходит, тоже растет. Что еще ты хочешь знать? Что составить карту этих пространств невозможно? Что пилот в Экстре вынужден пользоваться замедленным временем почти постоянно? Посмотри на меня и увидишь.

Мы поговорили еще немного о наших путешествиях. Мне казалось, что ему это неприятно, поскольку я добился успеха, а он нет. Но он удивил меня, поздравив еще раз по поводу маршрутов, которые я проложил в Тверди.

– Изящный пилотаж, – сказал он, подчеркнуто избегая, однако, упоминаний о моем открытии.

Я предложил ему кофе, но он отказался.

– Кофе подстегивает мозг, а моему и без того уже досталось.

– Может, тогда виски?

– Нет, пилот, спасибо. Не очень-то уютно пить виски перед погасшим камином, верно?

– Я могу разжечь его, если хотите.

– Сделай одолжение.

Я положил в камин сырых поленьев, зажег огонь, и Соли перешел к цели своего визита.

– Похоже, экспедиция к алаоям все-таки состоится.

– И возглавите ее вы?

– Да.

– Понимаю. Вам нужна слава, – скрипнув зубами, вымолвил я.

– Неужели? Напрасно ты так думаешь. Возглавить экспедицию мне приказал Хранитель Времени.

– Зачем?

– Разве его поймешь?

Лжец, подумал я. Лжец!

– Я сам поговорю с ним.

– Устроишь ему допрос?

– Это мое открытие. И план насчет аалоев тоже мой. И экспедиция моя.

– Я вижу – это тебе нужна слава, – с легким наклоном головы заметил он.

– Не слава – только знание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.